

В. ПЭСГУДЪ.

БАШНЯ МОЛЧАНИЯ

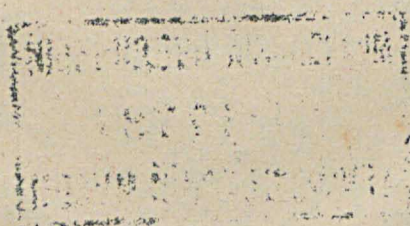
ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

М 86 / 64

БАШНЯ МОЛЧАНІЯ

историческій разсказъ
В. ПЭСГУДЪ

И ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1912.

БАНКЪ МОСКОВСКИЙ

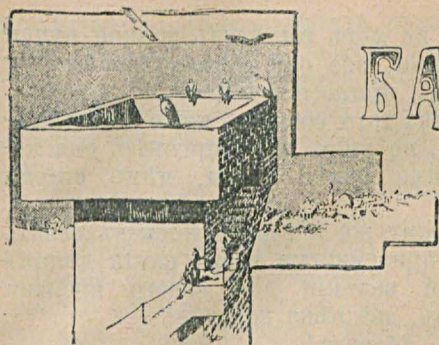
В. ПАСЕЧЕНКО
МОСКОВСКИЙ БАНКЪ

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

МОСКОВСКИЙ БАНКЪ
XII-12284
ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

БАШНЯ МОЛЧАНІЯ.

Историч. разсказъ

В. Пьебидъ.

I.

ТИХІЙ знойный день близился къ концу, и солнце клонилось къ закату, но еще душень былъ воздухъ. Царственный Тиръ, великій городъ страны пальмъ, — Тиръ, прозванный владыкою морей, отдыхалъ послѣ дневныхъ трудовъ, готовясь встрѣтить близящуюся ночь. И въ этотъ часъ въ домѣ знаменитаго Маттана его пріемный сынъ, великій художникъ Мирбаль, бродилъ по своей мастерской, не находя покоя.

— Опять не то, совсѣмъ не то, о чемъ я мечталъ! О, боги! — бормоталъ онъ обезкураженно, глядя на ряды стоявшихъ передъ нимъ вазъ, амфоръ и чашъ изъ глины и стекла. — Столько тяжелого труда, столько бессонныхъ ночей, столько надеждъ, и вотъ...

«Уже тогда, когда глина принимала подъ моими руками формы вазъ и блюдовъ, уже тогда смутное недовольство, — недовольство несовершенствомъ формы, закрадывалось въ мою душу.

«Но я тогда думалъ, какъ ребенокъ: недостатки формы будутъ скрашены окраскою. На глинѣ ляжетъ тонкимъ полупрозрачнымъ слоемъ лазурь, голубая, какъ волны моря, какъ глубины неба. И сквозь слой лазури здѣсь и тамъ будутъ просвѣчивать чуть замѣтныя, и то только изощренному оку, пятна желтизны и зелени: они, эти пятна, дадутъ лазури глубину, воздушность.

«Потомъ сверхъ лазури ляжетъ темная зелень деревь и свѣтлый пурпуръ озаренныхъ заходящимъ дневнымъ свѣтомъ скалъ надъ дремлющимъ моремъ, забѣлѣтъ треугольный парусъ плывущаго въ невѣдомыя дали судна. А на желтой полоскѣ берега молочно-розовыя человѣческія тѣла...

«И вотъ расписанная ваза стоитъ въ пламени обжигательнаго горна, стеклится краски, образуя вѣчно остающійся яркимъ и свѣжимъ красочный сплавъ.

«Рдѣетъ раскаленная глина. Вспыхиваютъ и гаснутъ искорки огня. Жаромъ несетъ отъ горна, въ которомъ обжигается созданная моими руками посуда. А въ моей усталой душѣ съ каждымъ мгновеніемъ становится все смутнѣе и смутнѣе: все меньше и меньше у меня вѣры въ то, что посуда, мною сдѣланная, выйдетъ такою, о какой я мечталъ! И форма не та, и окраска иная!

«Да, конечно, завтра купцы, собирающіеся плыть къ туманнымъ берегамъ Свинцовыхъ Острововъ на далекомъ сѣверо-западѣ, или къ желтымъ пескамъ текущаго въ странѣ Лотоса могучаго потока, великаго Нила, или къ каменистымъ скаламъ Колхиса, или къ знойнымъ плоскогорьямъ Иберіи, будутъ чуть ли не драться другъ съ другомъ, оспаривая честь пріобрѣтенія амфоръ, вазъ, кубковъ и блюдовъ изъ глины и стекла,носящихъ на себѣ нашъ знакъ: два молота, надъ ними митра, корона, а подъ ними три звена цѣпи!

«Ибо все, что выпускается на рынокъ подъ этимъ знакомъ, родовымъ гербомъ Маттана, по женской линіи родственника мнѣ, потомукъ прежнихъ владыкъ Тира, — все это такъ высоко цѣнится покупателями, все это является продуктомъ первой въ царственномъ Тирѣ фабрики, существующей уже двѣ сотни лѣтъ, фабрики рода Маттановъ, художниковъ, великихъ мастеровъ.

«И груды золота заплатятъ торгаши старому Маттану, и тамъ, въ этихъ грудяхъ золота, будетъ и моя часть, ибо старикъ Маттанъ смотритъ на меня,

какъ на своего пріемнаго сына и наслѣдника, и цѣнить мое искусство! Но удовлетворить ли все это меня самого?

«Нѣтъ, о, боги, и трижды, и сто разъ нѣтъ!

«Ибо когда посуда вышла изъ горновъ, и, остывшая, стала на этой полкѣ рядами, какъ воины на царскомъ смотру, мой собственный глазъ разглядѣлъ сейчасъ же всѣ недостатки, всѣ ошибки, все несовершенство красокъ и формъ!

«Вотъ если бы въ этой вазѣ я сдѣлалъ болѣе узкое и высокое горлышко, она была бы легче, стройнѣе, воздушнѣе, а теперь мнѣ чудится, что она расплывается сама собою, не выдерживая непомѣрной для тонкаго нижняго конца тяжести верхней части. Значить, допущена грубая ошибка. И это моя ошибка, моя собственная вина!

«Да, есть оправданіе: лѣпя эту вазу, я имѣлъ въ качествѣ образца работу Ура Маттана, основателя фабрики, Ура, котораго называли люди «Великимъ Уромъ».

«Да! Но вѣдь Уръ жилъ и работалъ два человѣческихъ вѣка назадъ! Тогда, не спорю, его работа могла казаться людямъ совершенствомъ. Тогда все, что творилъ онъ, было новымъ словомъ въ великомъ благороднѣйшемъ искусствѣ, вознесшемъ на небывалую высоту дѣтей страны пальмъ—Финикии.

«Но что было прекраснымъ двѣсти лѣтъ назадъ, то уже старо для нашихъ дней.

«Двѣсти лѣтъ не могутъ пройти безслѣдно: все развивается, все идетъ впередъ, все совершенствуется.

«Пусть былъ гениаленъ Уръ, но глаза его правнуковъ видятъ то, чего не видѣли его глаза, ищутъ новыхъ элементовъ красоты, и находятъ ихъ. А моя ваза вышла родною сестрою вазы, вылѣпленной когда-то Уромъ, или, вѣрнѣе, рабскимъ подражаніемъ ея.

«Но вѣдь Уръ не зналъ тѣхъ примѣсей къ глинѣ, которыя извѣстны мнѣ. Его глина была тяжела, рыхла, и онъ по неволѣ долженъ былъ лѣпить толсто-стѣнные сосуды, чтобы они не разваливались въ огнѣ горна. Онъ не могъ сдѣлать тонкаго и узкаго, граціознаго, какъ чашечка лилии, горла для кув-

пина, не могъ вылѣпить тонкой ручки для чаши, ибо они отвалились бы при первомъ прикосновеніи къ нимъ.

«Глина того состава, который примѣняю я, во много разъ прочнѣе, она неизмѣримо болѣе вязка, чѣмъ старая глина.

«Почему же я теперь долженъ дѣлать такія приземистыя вазы, какія дѣлалъ древній великій для своего времени мастеръ, два вѣка назадъ?

«Это абсурдъ!

«А краски?!

«Въ распоряженіи у Ура было четыре, много пять отдѣльныхъ красокъ, и его гамма цвѣтовъ была примитивна, бѣдна, какъ гамма цвѣтовъ ребенка или дикаря.

«Я работаю съ тридцатью или сорока различными красками, позволяющими получить самыя разнообразныя сочетанія, самыя тонкіе оттѣнки.

«Почему же я боюсь полнаго примѣненія этой чудной гаммы?

«Почему я не смѣю взять для изображенія скалъ хотя бы этотъ мною самимъ случайно открытый составъ, дающій въ темныхъ мѣстахъ фіолетовый, а въ свѣтлыхъ золотисто-розовый отливъ? Почему беру я асфальтъ для обозначенія тѣхъ тѣней, которыя мнѣ самому кажутся голубыми?

«Нѣтъ, люди, считающіе меня за великаго художника, не правы: я—ничтожество! Я—жалкій рабъ, не смѣющій порвать цѣпи, надѣтыя на него его уже давно истлѣвшимъ въ землѣ господиномъ!

«Но, боги, такъ не можетъ продолжаться! Я сброшу съ себя эти цѣпи. И это будетъ скоро, скоро! Я люблю! я уважаю моего пріемнаго отца, стараго Маттана, едва ли не единственнаго въ Тирѣ художника, хранящаго въ наши дни паденія искусства лучшіе завѣты великихъ искусниковъ прежнихъ временъ.

«Но покауда не я являюсь полнымъ хозяиномъ въ нашей мастерской, покауда Маттанъ не передастъ мнѣ все дѣло въ качествѣ приданаго за моею милою невѣстою, Илессъ, до тѣхъ поръ я самъ не смѣю осуществлять мои завѣтныя мечты о новыхъ путяхъ въ

искусствѣ! Я боюсь тратить драгоценныя матеріалы на производство опытовъ, потому что эти матеріалы собственность Маттана. Я не смѣю тратить на исканія новыхъ элементовъ красоты мое время, потому что оно принадлежит не столько мнѣ, сколько Маттану.

«И, наконецъ, путешествія...

«О, боги, какъ тянетъ меня, какъ невѣдомыя силы влекутъ меня въ загадочныя страны, туда, куда заходятъ быстрыя суда нашихъ моряковъ, и дальше, туда, куда эти крылатыя галеры еще не смѣютъ заходить!

— Съ кѣмъ ты разговариваешь тутъ, Мирбалъ? — послышался въ это мгновеніе мелодичный, полный красивыхъ, бархатистыхъ, грудныхъ потоковъ дѣвичій голосъ, и на порогѣ комнаты, гдѣ молодой финикійскій художникъ произносилъ вышеприведенный монологъ, показалась стройная фигура невѣсты Мирбала, Илессъ, единственной дочери стараго художника Маттана.

Мирбалъ вздрогнулъ: такъ неожиданно было для него, погруженнаго въ свои грезы объ искусствѣ, въ свои мечты о будущемъ, появленіе дѣвушки.

— О Илессъ! — отозвался онъ взволнованно. — Погляди, Илессъ, что вышло изъ моей работы!

И онъ широкимъ жестомъ показалъ на разставленную вдоль стѣны на полкахъ новую посуду, только сегодня утромъ принесенную сюда изъ «обжигательнаго отдѣленія» мастерскихъ Маттана.

— Я вижу! — сказала Илессъ, не особенно внимательнымъ взглядомъ окидывая десятки и сотни вазъ, ковшей, кубковъ, чашъ и кувшиновъ самой разнообразной величины, формы, окраски. — Я вижу все, Мирбалъ! Развѣ тутъ есть что-нибудь новое, такое, за созданіемъ чего я не слѣдила бы по цѣлымъ часамъ, присутствуя при твоей работѣ изо дня въ день?

— Новаго? — съ видимою горечью отозвался художникъ. — Новаго? Въ томъ и бѣда, дорогая, что новаго тутъ нѣтъ ничего! Все старо, все знакомо, все таково, какъ и предшествующее. Все, все знакомо, да не только тебѣ, моей избранницѣ, съ которою я дѣлюсь са-

мыми задушевными думами, но всему міру! Въ томъ-то и бѣда, Илессъ, что мнѣ опять не удалось осуществить мои мечты!

— Опять припадокъ унынія? — съ тихимъ упрекомъ произнесла дѣвушка, ласково кладя свою нѣжную руку на плечо Мирбала и доверчиво заглядывая ему въ глаза. — О, Мирбалъ! Духъ печали навѣваетъ на тебя тяжелыя думы своими черными крыльями! Онъ внушаетъ тебѣ самому сомнѣнія въ твоихъ силахъ. Онъ тоскою наполняетъ твое сердце!

«Но, Мирбалъ, вѣдь это же малодушіе!

«Тебѣ надо забыться, отдохнуть!

«Хочешь, я принесла свою кифару, — я спою тебѣ твои любимыя пѣсни?

«Я спою тебѣ о далекомъ знойномъ краѣ, въ странѣ черныхъ людей, гдѣ рѣчной песокъ насыщенъ крушинками желтаго золота, гдѣ на вѣтвяхъ деревь качаются изумительно ярко, пестро окрашенные во все цвѣта радуги голосистыя птички и гдѣ по напоенному зноемъ воздуху порхаютъ живыя цвѣты — гигантскія пестрыя бабочки?

«Сядь рядомъ со мною, Мирбалъ!

«Вотъ, такъ!

«Ты просто усталъ, говорю я тебѣ, ты переутомленъ, тебѣ нужно отдохнуть.

«Отдохнешь, и тебѣ самому будетъ казаться смѣшнымъ твое нынѣшнее уныніе, твои сомнѣнія, разочарованіе!

«Слушай, мой владыка, мой избранныкъ!

«Я спою тебѣ про туманный сѣверъ, про тѣ края, за Каменными Вратами*), куда плаваютъ наши корабли, чтобы добывать олово и свинецъ.

«Тамъ, говорятъ, бываетъ такъ холодно, что вода на поверхности твердѣетъ, дѣлается крѣпкою, какъ стекло, оставаясь въ то же время прозрачною, какъ кристаллъ.

«И тамъ, говорятъ, по временамъ воздухъ насыщается волнами тумана, такими густыми, что два человѣка, стоящіе рядомъ, лишь съ трудомъ различаютъ другъ друга. А въ волнахъ тумана рѣютъ безчисленные призраки.

«Это души умершихъ, души ушедшихъ въ вѣчность прежнихъ поколѣній.

*) Гибралтаръ.

«И моряки слышать голоса этихъ духовъ, когда начинается буря, ибо тогда души умершихъ начинаютъ жалобно стонать.

«Онѣ мечутся вокругъ плывущаго по сѣрымъ, какъ свинецъ, волнамъ бѣснующагося моря и жалобно молятъ пловцовъ допустить ихъ души на палубу судна, вырвать ихъ изъ волнъ злого тумана, отвезти туда, гдѣ ярко свѣтитъ лучезарное солнце и гдѣ голубѣютъ небеса. Но горе, но горе тому довѣрчивому пловцу, который отзовется на мольбы призраковъ: призраки нахлынутъ на его судно со всѣхъ сторонъ, ихъ будутъ тысячи тысячъ и тьмы темъ, и подъ ихъ непомѣрною тяжестью плывущее судно, словно наполнившись свинцомъ, погрузится въ волны морскія, пойдетъ на дно моря, туда, гдѣ въ страшныхъ, вѣчно темныхъ глубинахъ живутъ фантастическія чудовища: гига, осьминогъ, каждое щупальце котораго въ длину превышаетъ трижды полетъ стрѣлы, а глаза, свѣтящіеся зеленоватымъ огнемъ фосфора—злые глаза, такъ велики, какъ маленькое озеро. Гига иногда выплываетъ на поверхность моря, и тогда моряки принимаютъ его мѣшкообразное тѣло, подобное наполненному воздухомъ пузырю, за островъ. Но горе тому кораблю, который подойдетъ близко къ плывущему по волнамъ моря чудовищному спуту: улучивъ моментъ, гига выбрасываетъ впередъ пару своихъ щупалецъ, охватываетъ ими суденышко и во мгновение ока проглатываетъ его, втягивая и остоу корабля, и мачты, и весла, и забившихся въ ужасѣ въ трюмъ людей въ свою ненасытную пасть...

«И еще есть въ тѣхъ таинственныхъ водахъ одно чудище: это бааль-лэа *) рыба, рождающая своихъ дѣтенейшей живыми и кормящая ихъ молокомъ сосцовъ своихъ.

«Она такъ велика, что самая большая гора кажется ничтожнымъ холмикомъ по сравненію съ нею, и потому она не можетъ изъ океана приплыть въ наши воды, къ нашимъ берегамъ: Каменные Врата слишкомъ узки для нея.

«Но въ открытомъ океанѣ бааль-лэа плаваетъ на просторѣ. Иногда глубокой сонъ овладѣваетъ ею, и тогда она засыпаетъ, всплывъ на поверхность моря. И тогда она спитъ десять вѣковъ, потому что для нея десять вѣковъ все равно, что одинъ день для насъ.

«Говорятъ, бывали случаи, что неопытные люди, увидѣвъ огромное тѣло спящей бааль-лэа на поверхности моря, покрытое нанесенною вѣтрами пылью, поросшее финиковыми пальмами, принимали это рыбе живое тѣло за континентъ, высаживались, селились на поверхности, строили города, воздвигали пышные храмы и великіе монументы, распложились, и были счастливы въ той мѣрѣ, какую позволили предвѣчные боги. И вотъ наступалъ моментъ, когда кончается десять вѣковъ длящейся сонъ бааль-лэа...

«Сначала, проснувшись, бааль-лэа только переводитъ дыханье. Ей надо прочистить горло, пропитавшееся морскою водою. И тогда она выпускаетъ изъ двухъ носовыхъ отверстій огромные фонтаны воды, двѣ могучія водяныя колонны, достигающія до облаковъ.

«Упавъ отъ облаковъ на спину бааль-лэа, эти водяныя колонны разливаются потоками по спинѣ бааль-лэа, смывая съ нея всю нанесенную въ теченіе десяти столѣтій почву, вмѣстѣ съ выросшими на хребтѣ бааль-лэа лѣсами, рощами, вмѣстѣ съ обработанными полями.

«Но выстроенныя человѣкомъ ограды, каменные стѣны городовъ и могучіе монументы выдерживаютъ ужасный напоръ воды.

«Тогда бааль-лэа ударяетъ по водѣ своимъ могучимъ хвостомъ. Сила удара такова, что слышится какъ бы громъ, волною катящейся во всѣ стороны. И отъ этихъ звуковыхъ волнъ рушатся, какъ отъ дуновенія вѣтра, отъ дыханія урагана хижины дикарей и палатки кочевниковъ, самыя толстыя гранитныя стѣны.

«Потомъ содрогается и разъ, и два, и три все великое тѣло бааль-лэа: сонъ окончательно ушелъ. Чудовище страхиваетъ съ себя его остатки передъ тѣмъ, какъ нырнуть на дно моря.

*) Легендарный прообразъ кита.

«И тогда сваливаются съ хребта бааль-лэа послѣдніе остатки человѣческаго поселенія, а нахлынувшія волны моря уносятъ, какъ желанную добычу, трупы людей, имѣвшихъ неосторожность поселиться на спинѣ чудовищно огромной рыбы, бааль-лэа...

«Слушай же пѣсню мою, мой избранникъ!

«Я спою тебѣ о великомъ морскомъ змѣѣ, рожденномъ въ тотъ мигъ, когда родилась наша земля, и живущемъ въ нѣдрахъ океана...

Струны «кифары» подъ тонкими пальчиками Илессъ слабо, но мелодично звенѣли, давая гармоничные аккорды. Илессъ не столько пѣла, сколько декламировала безконечно древнія саги.

И звуки ея дѣвичьяго голоса навѣвали сладкія грезы на Мирбала.

Молодой художникъ замѣтно успокаивался. Охватившая его душу злая тоска, неудовлетворенность, сомнѣнія мало-по-малу отлетали отъ него. Вмѣсто этихъ тяжелыхъ чувствъ, вмѣсто тоскливаго настроенія приплывали изъ невѣдомыхъ далей новыя, уже свѣтлыя и радостныя чувства.

Въ широкое окно мастерской художника лились потоками лучи близящагося къ закату солнца. Видно было блѣдно-голубое небо и изумрудно-голубое море, равнина котораго оживлялась здѣсь и тамъ бѣлыми бликами: то мчались по лазурнымъ волнамъ быстроходныя суденышки предприимчивыхъ, весь свѣтъ завоевавшихъ своею торговлею обитателей Страны пальмъ, финкійцевъ. И виденъ былъ берегъ и волнорѣзъ съ рострами, и виллы квартала тирскихъ патриціевъ, словно сказочный бѣломраморный городъ дворцовъ.

— Ты не печалишься больше, мой владыка? — спросила дѣвушка, снова доверчиво заглядывая въ темные глаза своего избранника.

— Могу ли я, о, Илессъ, отдаваться печали, когда ты со мною? — отвѣтилъ Мирбаль, обнимая свою невѣсту и прикасаясь губами къ ея чернымъ пышнымъ волосамъ, украшеннымъ золотою діадемою. — Когда ты со мною, мнѣ кажется, что все вокругъ цвѣтетъ, благо-

ухаетъ, поетъ радостными голосами. Когда тебя нѣтъ, я одинокъ, я хожу, какъ потерянный!

«Если ты со мною, тѣ самыя вещи, тѣ амфоры и чаши, что созданы моими руками, кажутся мнѣ лучшими. Я начинаю находить красоту тамъ, гдѣ не видѣлъ ея, потому что взоръ мой былъ затуманенъ печалью и душа омрачена грустью!

— Но о чемъ ты тоскуешь, Мирбаль?

„Вотъ, если бы у этой вазы я сдѣлать болѣе узкое горлышко, она была бы стройнѣе“, думалъ Мирбаль.

— Долго разсказывать, дитя! Развѣ мало причинъ у каждаго обитателя царственнаго Тира въ наши дни, чтобы чувствовать себя и смущеннымъ и печальнымъ!

Вѣдь Тиръ переживаетъ такія тяжелыя времена, какихъ онъ не видѣлъ давно!

«О боги!

«Знаешь, Илессъ, о чемъ я часто мечтаю, въ эти душныя ночи, когда чувствуешь себя безконечно усталымъ, изнеможеннымъ, но сонъ не хочетъ смежить усталыя вѣжды?

«Подушка горяча, и зноимъ пышетъ ложе, и зной, кажется, струится изъ стѣнъ, волною поднимается отъ пола.

«Откроешь окно, распахнешь дверь, выходящую на террасу, гдѣ сонный

ночной вѣтерокъ чуть замѣтно шевелить листву виноградныхъ лозъ, тоже изнывающихъ отъ истомы.

«Царица ночи, блѣдноликая Луна-Астарта, богиня-губительница, плыветъ надъ моремъ, и ея серебристые лучи падаютъ съ невѣдомыхъ высотъ на сонныя волны, образуя длинный, длинный зыбкій серебряный мостъ отъ того края, гдѣ море встрѣчается съ небомъ и до самаго берега.

«Тамъ, снаружки, воздухъ свѣжъ и прохладенъ, и, кажется, стоитъ лишь распахнуть окно или дверь,—этотъ свѣжій воздухъ, насыщенный испареніями моря, ворвется потокомъ въ твое жилище, освѣжить его.

«Но и часъ, и два окно и дверь открыты, а войдешь съ террасы въ комнату, тебя опять охватываетъ волна зноя, какъ будто гдѣ-то поблизости, подъ поломъ, за стѣною стоитъ раскаленный горнъ, согрѣвающий все вокругъ...

«И вотъ въ такія безсонныя ночи, Илессъ, какъ-то невольно мечтаешь о чемъ-то другомъ, стремишься уйти отъ окружающаго тебя!

«Я много разъ уже думалъ о томъ, какъ хорошо было бы, если бы, Илессъ, дѣти земли, люди были свободны, какъ птицы, если бы у насъ, какъ и у голубей, какъ у ласточекъ, какъ у чаекъ, были крылья и мы могли бы взмывать въ небо, уноситься быстрѣе вѣтра, куда влечетъ насъ наша фантазія!

«О, Илессъ!

«Неужели тебѣ не грезилось никогда, что ты можешь летать?

— Конечно, другъ, грезилось, и грезится и сейчасъ иной разъ!

— Говорять, моя Илессъ, когда-то одинъ элинь, попавшій въ плѣнъ къ злому владыкѣ островитянъ, смастерилъ крылья изъ птичьихъ перьевъ, скрѣпивъ ихъ смолою. Но это сказка. Я самъ знаю механику не хуже всѣхъ элиновъ, и я пробовалъ соорудить крылья, но они оказывались такими тяжелыми, что я могъ всего лишь десять, двѣнадцать разъ взмахнуть ими, а потомъ чувствовалъ смертельную усталость во всѣхъ моихъ членахъ, и въ то же время крылья эти были такъ

малы, что они не могли ни на палецъ поднять моего тѣла отъ земли!

«Значить, надо было соорудить крылья, въ два или три раза большей величины. Но такія громадныя крылья были бы безмѣрно тяжелы, и я не могъ бы даже одинъ-два раза взмахнуть ими...

«А какъ хорошо было бы, Илессъ, обладать такими могучими крыльями? Мы съ тобою вдвоемъ взмыли бы въ небеса, поплыли бы вмѣстѣ съ облаками, ни у кого не испрашивая разрѣшенія и позволенія покидать нашу родину, какъ теперь требуетъ отъ своихъ подданныхъ кровожадный и безпошадный тиранъ Тира, братоубійца Фалеса, чудовище въ образѣ людскомъ!

— Тише, ради всего святаго, тише, Мирбалъ! За такія слова о владыкѣ Тира многіе уже заплатились жизнью!

— Но мы, Илессъ, у себя дома, и никто не слышитъ нашихъ рѣчей!

«Но слушай же дальше мои мечты!

«Я глубоко убѣжденъ, народъ Тира не будетъ долго переносить злодѣяній братоубійцы Фалеса. Настанетъ нѣкогда день возмездія, и владычеству его придетъ давно заслуженный конецъ, и тѣло его, предателя, будетъ валяться у городскихъ стѣнъ, и собаки будутъ грызться изъ-за костей его!

«И настанетъ день расплаты для Іезавэллы, дочери Фалеса, этого вампира въ образѣ красивойшей женщины Тира...

«Ее изгонять изъ пышнаго дворца Фалеса тѣ же рабы тирана, которые теперь повинуются малѣйшему знаку своего господина: стоя охотничьихъ псовъ слушается пса, покуда онъ не упадетъ на землю, а тогда псы бросаются грызть своего мучителя!

«Съ Іезавэллы сорвутъ драгоценныя одежды изъ расшитого золотомъ пурпура и виссона, и, нагая, она будетъ влачить свое гордое тѣло по пыльнымъ улицамъ, осыпаемая насмѣшками и ударами тѣхъ, чьи родственники изгнаны изъ нашего края по прихоти царевны или убиты ливійскими наемниками передъ ея глазами!

«Да, да, придетъ этотъ день, Илессъ, или... Или нѣтъ боговъ, нѣтъ божественнаго правосудія въ мірѣ.

— Не говори такъ, милый!

— Хорошо, родная. Не буду говорить объ этомъ.

«Но еще два слова...

«Я вѣрю, что для Фалеса, братоубійцы, и его дочери нѣкогда придетъ день расплаты за ихъ неслыханныя злодѣянія, за то, что они довели почти до края гибели царственный Тиръ, могучее государство, очагъ культуры.

«Но могутъ пройти годы и годы, куда наступитъ возжелѣнный моментъ освобожденія Тира.

«И вотъ какъ хорошо было бы, если бы мы, безправные, незащитные, могли обладать теперь крыльями, Илессъ, чтобы покинуть теперь несчастный нашъ городъ и вернуться сюда только тогда, когда не будетъ въ живыхъ ни Фалеса ни Іезавѣлли.

«Темною ночью, собравъ съ собою многія драгоценности, я вывелъ бы тебя на верхнюю террасу нашего дома. Потомъ...

«Потомъ мы умчались бы по волнамъ воздушнаго океана, уносясь туда, куда за нами не могли бы погнаться ливійскіе наемники Фалеса и шпіоны Іезавѣлли.

— Но куда улетѣли бы мы, о другъ? — мечтательно спросила жениха дѣвушка, кладя свою прекрасную голову на его могучее плечо.

— Миръ великъ, дитя! — отвѣтилъ Мирбалъ задумчиво. — И миръ такъ прекрасенъ!

«На сѣверѣ есть края, гдѣ текутъ могучія рѣки, а земля покрыта дремучими лѣсами, полными всякаго вольнаго звѣря. Тамъ бродитъ на свободѣ могучій буйволъ. Зимой, когда снѣгъ покрываетъ землю, за буйволомъ гоняется стая дикихъ собакъ, которыхъ зовутъ волками, но лѣсной великанъ ударами острыхъ роговъ отбивается отъ алчныхъ хищниковъ.

«Тамъ, въ лѣсу, подъ корнями дерева, поверженнаго грозою, спитъ свирѣпый медвѣдь, весь обросшій густыми длинными волосами, неуклюжій на видъ, но поворотливый, быстрый, какъ обезьяна...

— Страшно было бы намъ въ томъ лѣсу, Мирбалъ! — боязливо вымолвила дѣвушка, тѣснѣе прижимаясь къ своему избраннику.

— Страшно? — усмѣхнулся тотъ. — Развѣ я не умѣю владѣть копьемъ и мечомъ, какъ немногіе въ Тирѣ, Илессъ?

«И потомъ, ты вѣдь забываешь, что въ тѣ края мы попали бы лишь въ томъ случаѣ, если бы обладали крыльями. А имѣя крылья, мы могли бы не спускаться на землю, гдѣ волки гоняются за буйволомъ, а летать надъ ними. Значитъ, намъ не грозила бы ни малѣйшая опасность!

«Но слушай дальше, дитя!

Мы могли бы летѣть не на сѣверъ, а на востокъ, въ тотъ край, откуда къ намъ приходитъ лучезарное свѣтило дня.

«Я знаю дорогу туда: отъ Египта до Аравіи такъ близко. Узенькій перешеекъ соединяетъ эти двѣ страны. За перешейкомъ опять море, вода котораго иногда бываетъ красною, какъ кровь, и горячею, какъ вода въ стоящемъ на огнѣ костра котлѣ. Эти воды самыя опасныя въ мирѣ воды!

«Онѣ кипятъ гигантскими рыбами, любящими гоняться за судами.

«За этимъ моремъ, за каменистыми, сожженными зноемъ землями Аравіи, тамъ находится сказочный, волшебнo прекрасный край, колыбель человечества, страна, гдѣ текутъ священные воды Инда и Ганга.

«Тамъ высятся великолѣпные многолудные города, населенные однимъ изъ красивѣйшихъ въ мирѣ племенъ, людьми съ блестящими, какъ алмазъ, очами и съ темными лицами. Тамъ стоятъ древніе храмы, на стѣнахъ которыхъ висятъ бронзовыя доски съ письменами, значеніе которыхъ понятно только верховнымъ жрецамъ, хранителямъ священной мудрости, браминамъ.

«И тамъ есть великолѣпные первобытные лѣса, куда не осмѣливается проникнуть человѣкъ, потому что тѣ лѣса — царство кровожаднаго тигра, коварной пантеры, очковой змѣи. А въ тянущихся на огромныя пространства болотахъ тамъ ютятся крокодилы.

— Бррр! — вздрогнула дѣвушка.

— Говорятъ, нѣкоторые племена Индіи почитаютъ крокодиловъ, какъ и египтяне, и строятъ храмы въ ихъ честь, и приносятъ имъ жертвы! — продолжалъ

свой рассказ художникъ. — Много страннаго можно видѣть въ храмахъ Индіи въ часы, когда свершаются тамъ жертвоприношенія.

«И тамъ царить одинъ странный обычай, Илиссъ: когда умираетъ мужъ, его

Илиссъ.

жена, сдѣлавшаяся вдовою, должна добровольно подвергнуться сожженію на кострѣ, на которомъ сжигается прахъ покойника-мужа!

— Что же страннаго находишь ты, Мирбаль, въ этомъ обычаѣ? — тихо вымолвила дѣвушка. — Если бы ты умеръ, зачѣмъ жить мнѣ? Какую цѣнность имѣла бы тогда жизнь для меня?

«Я съ радостью пошла бы на костеръ, чтобы моя душа соединилась съ твоею душою, ушедшею въ царство тѣней!

— Ты такъ любишь меня, дорогая?

— И ты еще спрашиваешь? — съ тихимъ упрекомъ отозвалась Илиссъ, обнимая плечи Мирбала.

— Пусть такъ, Илиссъ! — продолжалъ тотъ послѣ минутнаго молчанія, снова прикоснувшись устами къ пышнымъ чернымъ волосамъ дѣвушки. —

Но пойми, дитя: тамъ, въ Индіи, сожженіе вдовъ не является по существу добровольнымъ актомъ, и въ этомъ-то и таится ужасъ!

«Иногда остаются вдовами малолѣтнія дѣвочки, не имѣющія понятія о жизни, ибо индусы допускаютъ бракъ съ дѣтьми. Такая жена-ребенокъ до совершеннолѣтія остается въ домѣ своихъ родителей, не видя своего супруга. И вотъ онъ умеръ, а ее, никогда не видѣвшую его, не слышавшую его голоса, не испытывавшую его ласки, влекутъ на ужасный костеръ...

— Если бы у меня были крылья, — встрепенулась Илиссъ, — и я пролетала бы надъ мѣстомъ, гдѣ такимъ образомъ приносится въ жертву предразсудку молодая жизнь, я спустилась бы въ пламя жертвеннаго костра и похитила бы вдову-ребенка! Я унесла бы ее изъ этого ужаснаго края!

— Послушай дальше, Илиссъ!

«Изъ страны чудесъ, изъ Индіи, мы поплыли бы по волнамъ воздушнаго океана на востокъ, все дальше и дальше отъ Тира, гдѣ господствуетъ тиранъ Фалесъ, вдохновляемый Іезавѣллюю.

«Туда еще не заходили наши соотечественники, которые, вообще, только рѣдко проникаютъ даже въ воды Краснаго моря. А тамъ, за Индіею, живетъ могучее племя людей съ желтыми лицами и косыми глазами.

«Эти люди образуютъ колоссальное, непобѣдимое царство. Ихъ владыка называетъ себя Сыномъ Неба и живетъ во дворцѣ, равномъ по величинѣ всему городу Тиру.

«Они обладаютъ многими, многими тайнами, эти желтолицыя косоглазые люди!

«У нихъ есть талисманъ въ видѣ изображенія одного божества. Этотъ талисманъ и днемъ и ночью показываетъ имъ, гдѣ сѣверъ, гдѣ югъ ¹⁾. Каждое судно желтолицыхъ снабжено такимъ талисманомъ, и потому они могутъ плавать въ открытомъ морѣ, не боясь отдаляться на много дней пути отъ береговъ, ибо всегда знаютъ, куда лежитъ ихъ путь.

¹⁾ Компасъ, изображеніе котораго приписывается китайцемъ.

«Потомъ, они умѣютъ дѣлать черный порошокъ, который, воспламеняясь, производитъ ослѣпительное пламя и оглушительный громъ ¹⁾).

«И еще, говорятъ, они знаютъ одну тайну: умѣютъ дѣлать огненнаго дракона, который летитъ по воздуху, наводя ужасъ на ихъ враговъ своимъ появленіемъ ²⁾).

«Но все это меня не такъ интересуеъ, Илессъ, какъ двѣ тайны желтолицыхъ и косоглазыхъ обитателей Срединнаго Царства.

— Какія же это тайны, Мирбаль?— заинтересовалась Илессъ.

— Они знаютъ родъ пауковъ, можетъ-быть, червяковъ, которые ткуть особую тончайшую паутину ³⁾. Женщины желтолицыхъ разматываютъ эту паутину, которая крѣпка, какъ волосъ человѣка, но тоньше волоса во много разъ, и изъ нея ткуть ткани, тонкія, легкія, какъ воздухъ, и неимовѣрно крѣпкія. И они знаютъ благородное искусство окрашивать эти ткани въ разные цвѣта, при чемъ имъ извѣстенъ, кажется, и секретъ добыванія пурпура,—тотъ, открытіемъ котораго такъ гордится Финикія!

«Но не это такъ привлекаетъ меня, Илессъ: желтолицые обитатели Срединнаго Царства много вѣковъ тому назадъ научились обжигать одинъ сортъ глины, дающій посуду несравненной красоты. Они называютъ этотъ фабрикатъ—фарфоръ и ревниво берегутъ тайну его изготовленія. Но если бы у меня были крылья...

— Да, если бы у насъ съ тобою были крылья, Мирбаль! — эхомъ отозвалась дѣвушка, мечтательно глядя на охваченное пурпурнымъ пламенемъ заката вечернее безоблачное небо.—Знаешь, я ни ночью ни днемъ не могу отдѣлаться отъ мысли о той опасности, которая угрожаетъ, что ты ни говори, тебѣ, какъ послѣднему прямому потомку великаго царя Хирама.

«Вѣдь ты остаешься обладателемъ законныхъ правъ на престолъ гордаго Тира!

— Но я отрекаюсь, дитя, отъ этихъ правъ! — съ горечью прошепталъ художникъ. — На что они мнѣ, эти права на престолъ, весь обогранный кровью, — на престолъ, у подножья котораго, кажется, лежатъ груды труповъ!

«На что нуженъ мнѣ дворецъ Фалеса, въ каждомъ покоѣ котораго рѣютъ тѣни людей, погубленныхъ или Фалесомъ, или его коварною дочерью?

Развѣ тамъ я нашелъ бы то счастье, которое нашелъ здѣсь, на краю города, у самаго берега моря, въ дряхломъ домѣ твоего отца, въ старыхъ мастерскихъ?

— А если бы Іезавэлль отдала бы тебѣ свою руку?

— О, Илессъ! За чѣмъ напоминаешь ты мнѣ это? Развѣ ты не знаешь, что я

Якинлу.

1) По китайскимъ историческимъ памятникамъ, порохъ былъ извѣстенъ въ Китаѣ 4000 лѣтъ назадъ.

2) Воздушный шаръ.

3) Шелковичный червь, съ которымъ Европа познакомилась лишь 1500 лѣтъ назадъ.

еще почти ребенкомъ отвергъ милость царевны, и только чудомъ тогда избѣгъ гибели, ибо Іезавэлль не прощаетъ никогда ни малѣйшей обиды!

— Она такъ хороша!

— Какъ демонъ зла!

— Ты унаслѣдовалъ бы престолъ Фалеса!

— Отказавшись отъ счастья называть тебя своею женою, Илессъ?

— Развѣ я такъ дорога тебѣ? — со счастливою улыбкою вымолвила дѣвушка, глядя на художника лучезарными очами, полными безконечной нѣжности и гордости.

— Дороже престола, на который я имѣю право!

— О какомъ престолѣ говорятъ тутъ? Кто это претендуетъ на царскую корону? — раздался неожиданно грубый, скрипучій голосъ. — Молодые люди, увлекшись разговоромъ и своими наивными мечтами, не замѣтили, что по лѣстницѣ изъ сада на террасу поднялся среднихъ лѣтъ воинъ въ блестящемъ вооруженіи тѣлохранителей Фалеса. Онъ тихо, словно подкрадывающаяся къ добычѣ кошка, прошелъ въ двери и теперь стоялъ позади Мирбала, глядя на молодого художника полнымъ злобы и ненависти взоромъ. Лучи заходящаго солнца бросали золотистые блики на его шлемъ съ золотою крылатою химерою на гребнѣ. Его лицо было по-своему красиво, но внушало страхъ.

— О боги! — невольно воскликнула, вздрогнувъ, прекрасная Илессъ. — Это Якинлу!

— Да. Это я, моя голубка! — насмѣшливо отозвался пришедшій. — Это я, Якинлу, котораго люди Тира называютъ «Царскимъ Тигромъ». И я хочу знать, о чемъ тутъ сейчасъ шла рѣчь. Я слышалъ, что тутъ говорилось о какихъ-то правахъ на тронъ. Это ты, Мирбалъ, обладаешь этими правами? На тронъ моего владыки! Это ты строишь ковы противъ великаго Фалеса?

— Я? — изумился молодой человѣкъ. — Ты съ ума сошелъ, что ли? Я не хочу царской короны!

— Развѣ, мой мальчикъ? А кто тебѣ предлагаетъ этотъ царскій вѣнецъ? И на какомъ основаніи? А, да: вспомнилъ!

«Вѣдь о тебѣ шушукается половина черни Тира. Вѣдь ты Мирбалъ эбинъ-Гафаръ, который былъ сыномъ Магалла. Магаллъ былъ внукомъ Хирама... Та-та-та!.. Кажется, намѣреваясь подслу-

шать, о чемъ воркуютъ два влюбленныхъ голубка, я раскрылъ важнѣйшую государственную тайну, я напалъ на нити заговора на жизнь моего владыки, великаго Фалеса?!

— Опомнись, что ты говоришь! — вскричала, блѣднѣя, Илессъ. — Мирбалъ ничего не хочетъ, какъ жить въ мирѣ и покоѣ, отдаваясь своему искусству!

— И обладая тобою въ качествѣ жены? И еще обладая богатствами, накопленными твоимъ отцомъ, Матаномъ? Но этого не будетъ, дѣвушка! Слышишь ты? Этого не будетъ!

— Почему? — пролепетала Илессъ дрожащими губами.

— Потому что ты будешь принадлежать мнѣ, «Царскому Тигру», а не какому-то горшечнику!

— Я никогда не полюблю тебя!

— Полюбишь!

— Я ненавижу тебя!

— Это не помѣшаетъ мнѣ овладѣть тобою! А ты...

Пришелецъ обратился къ стоявшему, словно его поразили громъ, Мирбалу.

— А ты... Тебя я сотру въ порошокъ!

— Едва ли! — послышался изъ угла чей-то насмѣшливый голосъ.

Трое участниковъ этой сцены оглянулись и увидѣли у дверей мастерской странную фигуру: это былъ старикъ въ темномъ одѣяніи жрецовъ. У него было пергаментное лицо и включенная сѣдая борода, но его глаза, казалось, горѣли огнемъ молодости.

Якинлу, увидѣвъ жреца, сначала отшатнулся, какъ отъ грознаго привидѣнія, но потомъ съ хриплымъ крикомъ ринулся на этого неожиданнаго заступника за молодыхъ людей, выхвативъ изъ ноженъ блестящій мечъ.

Но старый жрецъ былъ проворнѣе, чѣмъ воинъ: онъ отпрянулъ въ сторону, избѣжавъ быстрымъ, какъ молнія, движеніемъ удара меча, и схватилъ правую руку воина съ такою силою, что Якинлу съ крикомъ боли выронилъ свой мечъ.

— Пусти! — рычалъ онъ, извиваясь и пытаясь поднять съ пола мечъ. Но жрецъ наступилъ ногою на оружіе и крѣпко держалъ шпіона.

— Пусти меня, старикъ! Или...

— Или ты изотрешь меня въ порошокъ, какъ угрожалъ этому юношѣ? Попробуй!

Старикъ, повидимому, обладавшій истиннѣ нечеловѣческою силою, такъ сильно тряхнулъ шпіона, что тотъ, еле удержавшись на ногахъ, испустилъ хрипавый стонъ боли и безсильнаго бѣшенства.

— Убирайся изъ этого дома! — внушительно произнесъ жрецъ. — Ты ядовитая змѣя, ты скорпіонъ. Но и змѣя и скорпіонъ умираютъ подъ пятою наступившаго на нихъ человѣка!

Обезумѣвшій отъ униженія воинъ закрылъ лицо руками и тѣбно выскользнулъ изъ мастерской, позабывъ свой мечъ.

Послѣ его ухода неожиданный заступникъ обратился къ молодымъ людямъ со слѣдующими словами:

— Вы должны бѣжать, иначе вамъ грозитъ гибель!

— Но я ничего не сдѣлалъ противъ законовъ Тира! — возразилъ упавшій духомъ художникъ.

— Развѣ въ Тирѣ теперь существуютъ законы? — съ горечью отозвался жрецъ. — Развѣ въ дни Фалеса можно говорить о законахъ?

«О юноша!

«Боги покинули Тиръ. Боги забыли нашъ несчастный народъ!

«Какъ счастливъ былъ гордый Тиръ, когда имъ правилъ великій Хирамъ!

«Хирамъ умѣлъ внушать страхъ врагамъ и любовь друзьямъ.

«Хирамъ дружилъ съ великимъ еврейскимъ мудрецомъ, царемъ поэтомъ и философомъ, Соломономъ, и помогалъ Соломону воздвигнуть величайшій въ мірѣ храмъ, посвященный Единому.

«Хирамъ заключилъ выгодный миръ съ фараономъ Египта, на условіяхъ, которыя открывали широкій доступъ нашимъ продуктамъ въ страну лотоса.

«Миръ и полный порядокъ господствовали тогда въ нашихъ краяхъ.

«Большія караванныя дороги охранялись отрядами воиновъ на коняхъ и на верблюдахъ, и разбойники пустыни не смѣли прикоснуться къ имуществу путника, потому что за преступленіемъ слѣдовала молниеносная кара.

«По водамъ морей плавали военныя галеры великаго правителя, защищая торговые суда.

«Золото потокомъ лилось въ страну, и не было тогда въ ней преступленій, ибо каждый находилъ себѣ выгодную работу; выгодная работа давала кусокъ хлѣба, обезпеченный кусокъ хлѣба охранялъ людей отъ проявленія преступныхъ инстинктовъ.

«А кто провинялся, того ждалъ строгій, но безпристрастный, нелицепріятный судъ избранныхъ самимъ народомъ судей и грозная кара преступнику!

«Но все это было, и прошло, и уже не вернется: боги отвернулись отъ Тира!

«Кто судить теперь народъ, кто разбираетъ распри?

«Алчные пришельцы, родичи дворцовой челяди, получающіе высокіе посты за взятки приближеннымъ Фалеса.

«Они обѣляютъ того, кто можетъ хорошо заплатить, они засуживаютъ того, у кого пустъ карманъ.

«Въ рукахъ немногихъ любимцевъ Фалеса скопляются колоссальныя суммы, но страна бѣднѣетъ часъ отъ часу: убита торговля непомѣрными поборами, умерщвлена промышленность.

«Въ странѣ расплодился цѣлая армія шпіоновъ и доносчиковъ. Отецъ доноситъ на сына, дочь предаетъ мать, потому что доносчикъ получаетъ половину конфискованнаго имущества, предатель богатѣетъ за счетъ преданныхъ. И вотъ изъ Тира бѣгутъ тѣ люди, трудъ которыхъ создавалъ общее благосостояніе.

«Теперь поселки нашихъ братьевъ рождаются, какъ грибы, по всему сѣверному побережью Африки, ихъ можно найти на островахъ Эллады, въ Италіи.

«Что значитъ это?

«То, что убиваемая руками Фалеса и его присныхъ народная жизнь во имя инстинкта самосохраненія ищетъ для себя иного русла, уходитъ въ другія мѣста.

«И тамъ, въ этихъ другихъ мѣстахъ, эта жизнь дастъ могучіе ростки, дастъ пышные всходы.

«А здѣсь, на нашей родинѣ, здѣсь воцарится мерзость запустѣнія. Гордый Тиръ обратится въ огромное кладбище,

гдѣ нищіе и прокаженные среди мусора разрушенныхъ дворцовъ и мавзолеевъ будутъ оспаривать у одичавшихъ собакъ гнилыя кости...

«О, Тиръ, великій, могучій Тиръ!

Жрецъ.

«Пройдетъ слава твоя, и забудутся дѣянія твои, потому что велики грѣхи твои!

Помолчавъ немного, старикъ обратился къ молодымъ людямъ:

— Но время летитъ! Съ каждымъ мгновеніемъ растетъ опасность. Если бы я не былъ увѣренъ, что солдаты Якинлу ожидаютъ его гдѣ-нибудь поблизу, я раздавилъ бы въ переулкѣ эту ядовитую гадину, эту подлую, хищную и вмѣстѣ трусливую гѣну.

«Но при настоящихъ условіяхъ убивать его было бы чистымъ безуміемъ!

«Но, уйдя изъ дому, онъ, навѣрное, поторопится къ своему господину, чтобы обжаловать тебя, Мирбалъ, и твою невѣсту, которою онъ хочетъ овладѣть.

«Значитъ, вамъ остается одно—бѣжать, и бѣжать какъ можно скорѣе.

— Что скажетъ отецъ? — всплеснула руками красавица Илессъ.

— Онъ послушается моего совѣта! — отозвался жрецъ.

— Но кто же ты, нашъ спаситель? — спросилъ Мирбалъ.

Вмѣсто отвѣта старикъ пожалъ плечами. Его лицо потемнѣло.

— Нѣкогда и я имѣлъ человѣческое имя, — сказалъ онъ глухимъ голосомъ, потушивъ взоры, но это имя давно уже истерлось въ памяти людской. Это было еще въ тѣ дни, когда Тиромъ правилъ Азеримъ...

— Предательски убитый потомъ своимъ братомъ Фалесомъ?

— Да. Одна гѣзна подстерегла и убила другую! — угрюмо отвѣтилъ старикъ.

— Въ тѣ дни, когда строилась великая Башня Молчанія? — содрогнувшись, освѣдомилась Илессъ, невольно бросивъ робкій взглядъ черезъ окно въ ту сторону, гдѣ, неподалеку отъ морского берега, на голыхъ скалахъ, представлявшихъ такой рѣзкій контрастъ съ пышною зеленою садовою Тира, высилась башня странной формы.

— Да! — вымолвилъ чуть слышно старикъ. — Въ тѣ дни именно, когда заканчивалась постройка этой Башни Молчанія, которую было бы справедливейше называть «башнею злодѣяній», ибо не для добра она была задумана Азеримомъ, еще болѣе жестокимъ и коварнымъ, чѣмъ Фалесъ, если это только возможно. Не при добрыхъ предзнаменованіяхъ она была заложена: въ ночь передъ торжествомъ закладки отравились и умерли семь человѣкъ рабовъ, которымъ предстояла участь быть зарытыми подъ фундаментомъ угрюмой башни.

«И кровью, алою людскою кровью ознаменованъ день окончанія постройки Башни Молчанія...

— Я слышалъ что-то, но не могу точно припомнить, что именно тогда говорилось въ народѣ! Кажется, ты, старикъ, знаешь всю правду объ этомъ печальномъ дѣлѣ? Если да, то повѣдай намъ! — сказалъ Мирбалъ.

— Хорошо! — отвѣтилъ жрецъ. — Слушайте же!

«Тринадцать было ихъ, зодчихъ, строившихъ Башню Молчанія. Это были великіе строители, изучившіе всѣ тайны строительнаго мастерства. И имъ Азеримъ обѣщалъ груды золота, если они устроятъ Башню Молчанія именно такъ, какъ это хотѣлось ему: она предназначалась служить сокровищницею для храненія царской казны и тюрьмою для государственныхъ преступниковъ, правдынѣе, для личныхъ враговъ Азерима. И она же должна была имѣть тайники, куда могъ бы уходить Азеримъ, когда ему угрожала опасность.

«И еще много тайнъ должна была скрывать, и, дѣйствительно, скрываетъ эта башня проклятія, башня крови! Но близится, кажется, день, когда эти тайны откроются...

«И вотъ когда она была уже выстроена и оставалось только положить два десятка камней на верхней террасѣ, что могли исполнить простые каменщики, зодчіе доложили Азериму о томъ, что ими исполнены всѣ желанія его.

«Азеримъ потребовалъ, чтобы они, зодчіе, раньше полученія обѣщанной награды показали ему строеніе и объяснили всѣ его тайны.

«Двѣнадцать довѣрчиво пошли на приманку. Тринадцатый былъ благоразумнѣе и предусмотрительнѣе другихъ: онъ зналъ великую тайну, какъ незамѣтно проникать въ башню по тайнымъ ходамъ и какъ уходить оттуда, онъ обманулъ Азерима, давъ царю ложныя указанія и показавъ лишь слѣпые туннели въ стѣнахъ башни. Этотъ зодчій лучше товарищей зналъ коварство вырождковъ, правнуковъ Хирама отъ его несчастнаго брака съ Эною, прозванною «отравительницею мужей», ибо Эна, египтянка родомъ, одного за другимъ, отравила трехъ или четырехъ своихъ мужей прежде, чѣмъ выйти замужъ за Хирама.

«И, вотъ когда тринадцать зодчихъ въ свѣтлыхъ одеждахъ вышли вмѣстѣ съ Азеримомъ изъ нѣдръ Башни Молчанія, старшій изъ нихъ вымолвилъ, обращаясь къ владыкѣ:

«— Царь! Довольно ли сердце твое работою нашею и насытились ли взоры твои созерцаніемъ Башни Молчанія, и запомнилъ ли ты всѣ тайны зданія?

«— Вполнѣ! — отвѣтилъ Азеримъ.

«— Такъ выдай же обѣщанную намъ награду и отпусти насъ съ миромъ, чтобы могли мы, ликуя, вернуться въ лоно семей нашихъ и опочить отъ понесенныхъ трудовъ!

«— Сейчасъ, сейчасъ! — лукаво улыбаясь, отвѣтилъ Азеримъ, хлопая въ ладоши, чтобы призвать слугъ. — Сейчасъ вы получите мзду вашу и опочіете отъ трудовъ!

«Довѣрчивые зодчіе думали, что по знаку владыки Тира сейчасъ принесутъ имъ мѣшки съ золотомъ. Но вмѣсто слугъ вдругъ появились воины изъ отряда тѣлохранителей царя, подъ начальствомъ тогда молодого еще Якинлу, и, обнаживъ блестящіе бронзовые мечи, ринулись на бѣдняковъ-строителей!

— Боги, какой ужасъ! — содрогнулась Илессъ, закрывая поблѣднѣвшее личико нѣжными руками.

— Да, это было ужасно! — подтвердилъ жрецъ глухимъ, взволнованнымъ

„Кто же ты, нашъ спаситель?“ воскликнула Илессъ.

голосомъ. — Сверкающіе мечи разрубали головы ошеломленныхъ зодчихъ и пронзали ихъ груди. Алая кровь брызгала на желтыя стѣны Башни Молчанія...

«Тѣ кровавыя пятна можно видѣть и сейчасъ: дожди не смыли ихъ съ каменныхъ плитъ, вѣтры не стерли ихъ пескомъ пустыни!

«Но близокъ, близокъ день гибели самой Башни Молчанія...

— Говори, рассказывай дальше! — воззвалъ къ жрецу Мирбалъ.

— Да, да, говори! — поддержала его и Илессъ. — Итакъ, всѣ тринадцать зодчихъ погибли подъ ударами наемниковъ Азерима?

— Нѣтъ! Тамъ нашли себѣ могилу только двѣнадцать зодчихъ. Тринадцатый, какъ я сказалъ раньше, былъ предусмотрительнѣе и осторожнѣе товарищей: онъ подъ капюшономъ изъ шерсти верблюда, прикрывавшимъ его голову, имѣлъ подобіе бронзоваго плоскаго шлема, а на груди связанную изъ тонкихъ колецъ бронзы кольчугу.

«И когда три воина царя набросились на него, одинъ нанесъ ему ударъ въ голову, другой въ грудь, третій схватилъ его за горло; мечи убійцъ не причинили ему никакого вреда, скользнули, грянувъ о скрытый шлемъ и кольчугу. А онъ, молодой, могучій, онъ тремя ударами стилета, остраго, какъ жало осы, и крѣпкаго, какъ алмазъ, свалилъ на землю нападавшихъ и, пользуясь замѣшательствомъ, прблжилъ себѣ дорогу на свободу.

«За нимъ гнались, но не могли его догнать!

— Гдѣ же онъ теперь? — заинтересовался Мирбалъ.

— О боги! Станнымъ кажется мнѣ твой вопросъ, юноша! — отвѣтилъ жрецъ. — Спроси, гдѣ сейчасъ летитъ вѣтерокъ, который вчера дохнулъ тебѣ въ лицо. Спроси у тучки, которая утромъ сегодня плыла надъ Тиромъ!

«Спроси у орла, пролетавшаго надъ этою террасою въ полдень!

«Но будетъ болтать! Спасайтесь же бѣгствомъ, дѣти!

«Идемъ со мною! Я помогу вамъ уйти отъ вашихъ смертельныхъ враговъ. Я знаю одно убѣжище, въ которомъ они васъ не найдутъ.

«Мы сообщимъ тайну этого убѣжища только отцу Илессъ, Маттану! Идемте же!

И они покинули мастерскія Маттана.

II.

Вечеромъ, когда спалъ дневной зной и съ моря потянулъ прохладный бризъ, владыка Тира, Фалесъ, покинулъ внутренніе покои своего дворца и прошелъ въ гинекеи, на женскую половину, туда, гдѣ было царство его дочери, Іезавэллі.

Еще подходя къ небольшому саду, служившему любимымъ пребываніемъ царевны, Фалесъ услышалъ чьи-то стenanія и одновременно зовъ струнтъ.

— Іезавэлль забавляется! — вымолвилъ, хмурясь, Фалесъ. — Но я боюсь, что она слишкомъ натягиваетъ тетиву лука и черезчуръ полагается на trustъ окружающихъ!

«Можетъ-быть, когда-нибудь одна изъ подвергнутыхъ ею пыткамъ рабынь бросится на нее и...

Фалесъ не докончилъ своего монолога: онъ вошелъ въ предѣлы сада Іезавэллі.

— Почему валяется тутъ эта рабыня? — сказалъ владыка Тира, толкнувъ ногою нагое тѣло молодой женщины, лежавшей почти у ступеней подобія трона, на которомъ возсѣдала окруженная трепещущими рабынями его дочь, красавица Іезавэлль.

— Боги поразили ее за кощунство! — отвѣтила лѣнливо Іезавэлль, сидѣвшая съ полузакрытыми глазами на золоченомъ креслѣ въ тѣни пышно разрастающагося куста азалій.

— Какимъ образомъ? — заинтересовался Фалесъ.

— Она вчера вечеромъ осмѣлилась говорить, что ея красота выше моей красоты! Но вѣдь мы, владыки Тира, потомки предвѣчныхъ боговъ, а эта дѣвушка — червякъ, выползшій изъ грязи!

— Ну?

— Ну, и она вышла кубокъ, въ которомъ ничего не было, кромѣ чистой воды, взятой изъ этого фонтана, но, едва глотнувъ одну каплю, упала тутъ же, какъ пораженная громомъ!

— Потому что, — прошепталъ, улыбаясь, Фалесъ, — края кубка были смазаны ядомъ, купленнымъ тобою третьяго дня у египтянина Фта? Очень хорошее средство, дочь моя! Но...

«Гей, кто-нибудь!

«Убратъ этотъ трупъ!

Рабыни, трепеща, подняли трупъ своей подруги и унесли куда-то. Фалесъ, какъ будто ничего не случилось, сѣлъ рядомъ съ дочерью.

Въ это время изъ угла сада слышались стенанья.

— А это что такое? — заинтересовался владыка Тира.

— Гигисъ! — отвѣтила, нахмурившись, царевна.

— Твоя маленькая любимая рабыня? — удивился Фалесъ. — Что съ нею? Или и она попробовала «совершенно чистой» воды изъ отравленнаго египтяниномъ кубка?

— Нѣтъ! — отозвалась царевна. — Ея вина была не такъ велика, отецъ, чтобы подвергать ее смерти. И, кромѣ того, я заплатила за эту дрянъ слишкомъ дорого, чтобы такъ просто покончить съ нею!

— Но что же сдѣлала она? — продолжалъ настаивать Фалесъ.

— За часъ до твоего прихода, отецъ, я приказала Гигисъ расчесать мои волосы. Она была разсѣянна, неловка. Она такъ сильно дернула гребень, что... что причинила мнѣ боль!

— Дальше!

— За это я приказала рабамъ...

— Ну?

— Распять ее! И эта тварь кричить, какъ будто ей въ самомъ дѣлѣ такъ больно! На самомъ же дѣлѣ у нея только распухнутъ ея руки, причинившія мнѣ боль, и этимъ все ограничится! Ей нуженъ былъ давно такой урокъ! Рабыни слишкомъ забываются!

— Да, да, ты права, конечно! — поторопился согласиться всегда подчинявшійся своей властной дочери Фалесъ. — Но, дитя мое, послушай моего совѣта! Не перетягивай тетиву лука! Лукъ сгибается, но наступаетъ моментъ, когда достигнуть предѣла гибкости рога, изъ котораго онъ сдѣланъ, или близится предѣлъ крѣпости тетивы, сплетенной изъ волоса, и тогда...

— Тогда или лукъ ломается, или тетива лопается! — сказала презрительнымъ тономъ Іезавэлль. — Я знаю эту примитивную истину, отецъ! Ты совершенно напрасно напоминаешь ее мнѣ!

«Но я знаю и то, что съ этими людьми нельзя обращаться иначе!

«Они забываются! Они становятся дерзкими, если не видятъ бичей, полоսующихъ ихъ спины!

«Такъ змѣя, скрываясь въ густой травѣ, поднимаетъ голову и шипитъ...

— Да, да, ты права, права, дитя мое! Но, видишь ли...

— Ты опять, кажется, начинаешь испытывать тревогу, отецъ? Что случилось? Не появилась ли на улицахъ тѣнь Азерима, котораго ты убилъ, чтобы овладѣть его престоломъ и его женою, предавшею его тебѣ, а потомъ пытавшеюся задушить тебя самого?

Не замѣчая насмѣшки, сквозившей въ словесахъ гордой Іезавэлль, Фалесъ, вздрогнувъ, отвѣтилъ:

— Но я не убивалъ моего брата Азерима! Зову весь міръ, зову всѣхъ боговъ во свидѣтели, я не убивалъ Азерима! Онъ... онъ самъ умеръ!

— Да, да! Я и забыла! — звонко засмѣялась Іезавэлль. — Ты не пролилъ крови Азерима, какъ онъ не смѣлъ пролить ни капли твоей крови, ибо халдейскіе мудрецы предсказали, что изъ пролитой каждымъ изъ васъ крови братьевъ вырастутъ духи-мстители!

— Да, да! Я не проливалъ крови Азерима!

— Но ты, отецъ, велѣлъ, схвативъ его, бросить его въ нѣдра Вашии Молчанія, и онъ умеръ тамъ голодною смертью!

— Но это не моя вина! Кто же виноватъ, что Азеримъ, по приказу котораго и была выстроена башня, не позаботился отъ зодчихъ точно узнать, какъ можно выйти изъ ея стѣнъ, гдѣ находятся тайныя двери, ведущія, говорятъ, въ подземный ходъ! Эту тайну знали только тринадцатый, самый молодой зодчій изъ строителей башни, тотъ, который, говорятъ, успѣлъ убѣжать въ часъ бойни, едва не убивъ своимъ стилетомъ нашего вѣрнаго Якинлу, тогда служившаго Азериму!

«Надо было поймать бѣглеца, пытать его, морить его голодомъ, сжигать его члены на медленномъ огнѣ, и довѣдаться до тайны!

«На что нужна намъ теперь сама башня, если мы не знаемъ иного спо-

соба проникнуть въ нее, какъ при посредствѣ наружной лѣстницы?!

«Нѣтъ, я не повиненъ въ смерти Азерима!»

«Онъ просто погибъ жертвою своей собственной непредусмотрительности!»

— Какъ и многіе другіе изъ его домочадцевъ и знатнѣйшіе изъ его приверженцевъ, отецъ, имѣвшіе неосторожность слишкомъ громко высказывать свои симпатіи къ Азериму!

— Ты забываешь, что, исполняя твой капризъ, я ввергнулъ въ башню нѣсколькихъ человѣкъ, которыхъ ты ненавидѣла, Іезавѣль!

— Я?—какъ будто удивилась царица. — Я ненавидѣла? Не слишкомъ ли много чести для этихъ червей удостоиться моей ненависти? Я презираю ихъ, я хотѣла оборвать нить ихъ жизни, и...

— Не будемъ спорить! Это все равно! Но прикажи же освободить распятую дѣвушку! Ея стоны не доставляютъ мнѣ ни малѣйшаго удовольствія, а звонъ арфы, на которой играетъ какая-то изъ ея подругъ, отнюдь не въ состояніи заглушить криковъ распятой.

— Ты становишься слишкомъ чувствительнымъ, отецъ! У тебя слабы нервы!

— На меня дѣйствуетъ лѣтняя жара!

— Ложь! Жара не при чемъ! Ты слишкомъ часто сталъ упиваться виномъ. Зачѣмъ ты пьешь столько?

— Ищу въ винѣ забвенія! — мрачно отвѣтилъ Фалесъ. — Сокъ винограда спасаетъ отъ тяжелыхъ мыслей!

— Не надолго! А реакція слишкомъ тяжела!

— Когда я выпью двѣ-три чаши алаго, какъ кровь, вина, я отгоняю отъ себя призраки моихъ враговъ, поплатившихся жизнью за свое коварство!

— Это слабость, отецъ! Это слабость, говорю я тебѣ! Ты раньше былъ мужчиною, настоящимъ мужчиною, одинъ взглядъ котораго заставлялъ трепетать враговъ нашего рода!

— Замолчи!

— Нѣтъ, я не замолчу! Ты слабѣешь, отецъ! Ты пересталъ отправляться на охоту на львовъ, потому что ты боишься встрѣчи со львами! Ты три года уже ни

разу не выходилъ въ поле, чтобы могучею рукою поразить дикаго вепря! Ты боишься единоборства съ вепремъ!

— О, замолчи же!

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не буду молчать!

«Чѣмъ занять ты теперь, отецъ?»

«Ты по дѣлымъ недѣлямъ сидишь за высокими стѣнами нашего дворца, не показываясь народу! Ты пересталъ даже посѣщать храмъ въ дни торжественныхъ жертвоприношеній, когда въ грудь пылающаго Бронзоваго Быка бросаютъ дѣтей!»

«Знаешь, какъ называютъ тебя народъ, отецъ?»

— Не хочу знать!

— Постой!

«Хирана прозвали Премудрымъ, Великимъ. Его сына Саада — Саадомъ, Истребителемъ враговъ, потому что Саадъ ходилъ на войну и собственноручно избивалъ тысячи плѣнныхъ.»

«За Саадомъ царствовалъ Гэвъ. Его прозвали «Лукавымъ». А ты? Какъ прозвали тебя, Фалесъ?»

«Тебя прозвали Фалесомъ Винопійцею! Тебя называютъ Фалесомъ Слабоумнымъ!»

— Я велю казнить всѣхъ, кто осмѣливается...

— Тебѣ придется истребить все населеніе Тира!

— О, да замолчишь ли ты? Чего ты добиваешься? Что тебѣ нужно, мой злой геній?

«Ты забыла, что ты — моя дочь, обязанная оказывать отцу повиновеніе и уваженіе...

— Особенно, когда отецъ валяется, упившись, виномъ, на полу своего пиршественнаго зала, какъ пьяный илотъ!

Доведенный до безумія, Фалесъ вскопчилъ. Его глаза налились кровью. Его лицо побавровѣло. Казалось, онъ бросится на Іезавѣль и задушить ее собственными руками.

Но царица глядѣла на него въ упоръ блестящими глазами, и этотъ взоръ, казалось, проникалъ въ самую душу Фалеса, парализуя его волю, отнимая у него всю его энергію.

Со стономъ Фалесъ опустился на тронъ, отирая выстувившій на лбу потъ.

— Не терзай меня! Я и безъ того истерзанъ! — прошепталъ онъ. — Скажи, чего ты добиваешься? Я велю принести изъ моей сокровищницы ожерелье, кольца, запястья, выкованные на островѣ Критѣ искуснѣйшими мастерами изъ краснаго золота, и все отдамъ тебѣ. Пусть твое тѣло будетъ какъ въ броню заковано въ драгоцѣнности!

«Хочешь, я подарю тебѣ только что отстроенный изъ мрамора дворецъ въ загородномъ саду, надъ моремъ?

«Или...

— Хорошо! А что ты предпримешь тогда съ этою эскадрою? Замѣть, что осуществить твое желаніе я почти абсолютно лишенъ возможности, ибо военный флотъ нуженъ для охраны Тира, у котораго слишкомъ много враговъ. Уйдетъ флотъ, наши берега окажутся беззащитными. Объ этомъ сейчасъ же узнаютъ наши враги, и ихъ суда налетятъ сюда, словно стая хищныхъ птицъ! Тиръ можетъ погибнуть, если я удовлетворю твое желаніе, дитя!

— Почему валяется тутъ эта рабыня? — спросилъ владыка Тира.

— Мнѣ ничего не надо! У меня самой столько золота, что мнѣ некуда дѣвать его! И мое тѣло такъ прекрасно, что не нуждается въ украшеніяхъ! — отвѣтила гордая царевна.

— Но чего же ты домогаешься?

— Ничего! — угрюмо отвѣтила царевна. — Мнѣ скучно, вотъ и все! Жизнь такъ безцвѣтна, такъ пуста! Развлеченія такъ однообразны, такъ глупы!

«Мнѣ кажется, я готова уйти изъ Тира, опротивѣвшаго мнѣ!

«Слушай, отецъ!

«Вели снарядить наши военные галеры и отдай приказъ адмиралу Ханну во всемъ повиноваться моимъ приказаніямъ. Это будетъ лучший подарокъ, который ты можешь сдѣлать мнѣ!

— Какое мнѣ дѣло до Тира? Я ненавижу Тиръ, я презираю всѣхъ его жителей, это племя рабовъ и торговцевъ! Пусть погибаетъ это грязное гнѣздо!

«Пусть это будетъ моимъ капризомъ, отецъ, но хочу, я неудержимо стремлюсь уйти съ военною эскадрою въ море!

— Зачѣмъ? Что ты будешь дѣлать тамъ? Ты вѣдь не торговецъ, ищущій сбыта для своихъ товаровъ, и не воинъ, отправляющійся въ дальнія странствованія въ поискахъ за добычею!

— Да, я женщина! — съ горечью отозвалась Іезавѣль. — Но развѣ моя вина въ этомъ? Развѣ я-то желала быть женщиною?

«Нѣтъ, боги Тира насмѣялись надо мною, давъ мнѣ тѣло женщины и душу храбраго неукротимаго воина, — душу,

полную бурныхъ страстей, о отецъ! И мнѣ нѣтъ надобности упиваться виномъ, чтобы забывать о пережитомъ! Нѣтъ надобности одурманивать себя, чтобы заглушить укоры совѣсти, которыхъ я не знаю и никогда не буду знать!

— Ты опять начинаешь издѣваться надо мною? — простоналъ отецъ гордой тирской царевны. — Пощади!

— Хорошо, я не буду смѣяться надъ тобою, отецъ! Я вѣдь по-своему люблю тебя! Но, по совѣсти сказать, раньше, когда ты былъ бодрѣе, смѣлѣе, энергичнѣе, когда ты меньше слушался напештываній черныхъ вороновъ, жрецовъ Мелькарты, тогда, когда ты чаще носилъ съ собою и пускалъ въ ходъ твой острый мечъ, — словомъ, когда ты былъ еще смѣлымъ и храбрымъ воиномъ, настоящимъ владыкою Тира, я больше любила тебя!

«Когда ты въ садахъ нашего дворца собственноручно расправлялся съ врагами нашего рода, я, тогда еще ребенокъ, прокрадывалась по твоимъ стопамъ въ потайные углы садовъ и блестящими глазами, съ замираньемъ сердца слѣдила за тѣмъ, какъ твои слуги подвергали пыткамъ нашихъ враговъ, а ты, гордый, прекрасный, какъ самъ мстительный богъ Солнца, стоялъ тутъ же въ блестящемъ вооруженіи и глядѣлъ на окровавленные тѣла, на изуродованные члены! О отецъ! Тогда я не знала никого грознѣе и прекраснѣе тебя!

— Оставимъ это! — мрачно пробормоталъ Фалесъ. — Въ твоемъ тѣлѣ, тѣлѣ женщины, Іезавэлль, живетъ не мужской духъ, а... а духъ князя тьмы, властителя подземнаго царства, демона!

Іезавэлль весело захохотала:

— Представь, отецъ, только вчера утромъ одна изъ подаренныхъ тобою мнѣ рабынь, вдова казненнаго тобою Фариса, вождя, когда я велѣла другимъ рабынямъ наказать ее за гордость и строптивость, умирая подъ ударами бичей, кричала мнѣ, что я не человѣкъ, а демонъ! Ты, отецъ, только повторяешь слова этой твари, которую я вчера раздавила своею пятою!

— И хорошо сдѣлала, потому что Фарисъ и все его племя подлежали пол-

ному поголовному истребленію! Но ты такъ и не сказала мнѣ, что ты сдѣлаешь съ военною эскадрою Тира, когда уйдешь съ нею въ море? Разскажи же, а я послушаю!

«А покуда вели твоимъ слугамъ принести мнѣ вина.

«Да вели посмотрѣть, что стало съ распятою рабынею: она что-то замолкла!

— Можетъ-быть, испустила духъ! Мнѣ все равно! — отозвалась равнодушно царевна.

По знаку кровожадной красавицы одна часть рабынь отправилась за кубкомъ Фалеса и амфорами изъ виномъ, другая принялась освобождать распятую рабыню.

Собственно говоря, Гигисъ не подверглась той процедурѣ, которая можетъ быть опредѣлена именемъ распятія: она была только пригвождена руками къ вкопанному въ землю столбу въ формѣ буквы Т.

Два большихъ ржавыхъ гвоздя пронзили ея тонкія нѣжныя кисти и держали ея измученное тѣло у окровавленнаго столба.

Кровь, вытекавшая изъ ранъ, скатывалась по бѣлымъ рукамъ, по плечамъ, сбѣгала оттуда на обнаженную спину, на грудь.

Мрачно глядя на тѣло своей жертвы, гордая Іезавэлль саркастически улыбнулась и вымолвила:

— Смотри, отецъ! Собственно говоря, мнѣ слѣдовало бы приказать зарыть живую въ землю эту дѣвушку!

— За что? — удивился Фалесъ, беря принесенный ему золотой кубокъ и наполняя его алымъ прянымъ виномъ.

— По древнему закону нашей страны, — продолжала, улыбаясь жестокою улыбкою Іезавэлль, — только члены знатнѣйшихъ фамилій могутъ носить ткани, окрашенные въ пурпуръ. Рабъ, осмѣлившійся нацѣпить хоть одинъ лоскутъ пурпурной ткани, осуждался на смерть, какъ государственный преступникъ. Такъ это или нѣтъ?

— Такъ! Но дальше!

— Ну, взгляни на пригвожденную! И руки, и плечи, и спина, и грудь — все въ пурпурѣ! А она рабыня! Слѣдовательно...

— Дѣлай съ нею, что тебѣ угодно! Меня это не касается! — вымолвилъ Фалесъ, опоразжняя кубокъ и потомъ опускаясь тяжело на спинку трона. — Она твоя собственность, твоя игрушка...

«Только я не хочу видѣть твоей расправы!

— Да я и не хочу зарывать ее! Она сейчасъ лежитъ въ глубочайшемъ обморокѣ. Словно мертвая!

«А какое же удовольствіе глядѣть, какъ зарываютъ въ землю *мертвое* тѣло?»

«Нѣтъ, на этотъ разъ я еще покажу ее.

«Пусть ее отнесутъ въ подвалы дворца. Тамъ есть женщины, которыя знаютъ цѣлебныя травы. Онѣ займутся своимъ дѣломъ и вылѣчатъ эту дѣвушку. Черезъ двѣ недѣли я посмотрю, будетъ ли она осторожнѣе обращаться съ гребнемъ, когда расчесываетъ волосы царской дочери!

Познаку Іезавѣлли трепещущія рабыни подняли упавшее на мраморный плитчатый полъ тѣло подвергнутой ужасной пытки дѣвушки и унесли куда-то.

Царевна не удостоила даже единымъ взглядомъ это несчастное дѣвичье тѣло...

— Такъ ты хотѣлъ послушать, отецъ, что дѣлала бы я съ военною эскадрою? — обратилась она къ замѣтно уже охмелѣвшему Фалесу. — Ну, такъ внимай же.

«Я поплыла бы къ берегамъ безчисленныхъ острововъ архипелага въ сѣверо-восточномъ углу нашего моря.

«Тамъ, я знаю, за послѣднія сто, двѣсти лѣтъ города растутъ, какъ грибы. И вотъ я поплыла бы ночью къ одному острову, гдѣ имѣется нѣсколько небольшихъ городовъ.

«Въ глубокой тѣмѣ, соблюдая полнѣйшую тишину, я высадила бы на берегъ моихъ воиновъ. Мы окружили бы городъ и потомъ, по данному сигналу, бросились бы на приступъ!

«Смотри, отецъ!

«Пылаютъ дома. Алымъ полымемъ охватывается полнеба. И изъ горящихъ зданій выбѣгаютъ въ ужасѣ прославшіе часъ своей гибели обитатели острововъ. А за порогомъ ихъ

— Боги поразили Лию за кошунство! — отвѣтила лѣнливо Іезавѣлли, сидѣвшая съ полускрытыми глазами.

встрѣчаютъ острые мечи и безпощадныя копыя!

«— Не жалѣть никого! — таковъ лозунгъ. — Не щадить никого! — таковъ приказъ.

«Пусть льется кровь, пусть багровое пламя кровавыми волнами плыветъ къ испуганнымъ небесамъ!

«А когда наступаетъ разсвѣтъ, далеко отъ пылающихъ еще руинъ, въ голу-

бомъ просторѣ моря плывутъ ладьи побѣдителей, увозящихъ богатую добычу, увозящихъ плѣнниковъ!

«Золото и серебро, драгоценныя ткани и посуда—это все пригодится имъ дома, на пиршествахъ, когда будутъ слѣдые пѣвцы воспѣвать удалые походы.

«Сильные рабы, прекрасныя рабыни, они пригодятся для того, чтобы сбыть этотъ живой товаръ обитателямъ побережья.

«Египтяне вѣчно нуждаются въ сильныхъ, выносливыхъ рабахъ, потому что при постройкѣ пирамидъ вымираютъ въ полгода, много въ годъ всѣ взятые на эту постройку люди, и фараону не хватаетъ легионовъ преступниковъ, осуждаемыхъ на вѣчныя работы въ каменоломняхъ Верхняго Египта.

«Нужны рабы и обитателямъ острововъ эллинскаго архипелага и намъ, владыкамъ страны пальмъ: наши фабрики, наши арсеналы, наши сады нуждаются въ сильныхъ и ловкихъ рукахъ. Наши гинекеи нуждаются въ юныхъ красивыхъ рабыняхъ для оказыванія услугъ нашимъ патриціанкамъ.

«Изъ края въ край плыветъ моя эскадра, неся всюду съ собою смерть или рабство людямъ, разрушеніе ихъ поселкамъ.

«Но это во славу Тира: да не будетъ на землѣ соперниковъ царственному городу!

«Вотъ къ чему стремлюсь я, отецъ!

Разскажъ Іезавѣлли, мало-по-малу перешедшій въ декламацію, глубоко взволновалъ владыку Тира.

Фалесъ оживился. Его глаза заблестѣли бѣлымъ огнемъ. Его движенія сдѣлались болѣе быстрыми, энергичными. Его голосъ зазвучалъ свѣжѣе, когда онъ воскликнулъ:

— Такъ, такъ, Іезавѣлли! Въ тебѣ мой духъ! Въ твоихъ жилахъ моя кровь, кровь природныхъ владыкъ міра, завоевателей, покорителей!

Но возбужденіе скоро улеглось, и опьянѣвшій Фалесъ устало опустился на свое мѣсто и вымолвилъ:

— Давайте мнѣ еще вина! У меня пересохло горло!

Въ это время среди мраморныхъ колоннъ сада показалась фигура воина

въ полномъ вооруженіи. Это былъ Якинлу, «Царскій Тигръ».

— Это ты, мой вѣрный Якинлу? — крикнулъ ему Фалесъ. — Иди сюда, мой тигръ! Рабы омоютъ твои руки и ноги, принесутъ тебѣ моего вина, утолятъ твой голодъ яствами. Потомъ Іезавѣлли распорядится, чтобы сюда пришли флейтисты и танцовщицы, усладить наши взоры и нашъ слухъ. Иди же, иди сюда, мой вѣрный Якинлу!

— Велика честь, которую ты оказываешь мнѣ, о владыка, — возразилъ Фалесу Якинлу, — но, о царь! теперь не до пиршествъ и не до забавъ! Я принесъ тебѣ тревожныя вѣсти!

— Будь проклятъ ты, черный воронъ, зловѣщій вѣстникъ! — съ гнѣвомъ воскликнулъ Фалесъ, швыряя на мраморный полъ свою чашу. Вино потокомъ поплыло по бѣлоснѣжнымъ плитамъ, образуя на нихъ алые лужи, словно лужи человѣческой крови.

— Было ли хоть разъ, что ты приходилъ ко мнѣ съ добрыми вѣстями, собака, выродокъ, исчадіе ада? — продолжалъ кричать владыка Тира. — Былъ ли хоть день, когда ты оставлялъ меня въ покоѣ, и не терзалъ мою душу, и не натравливалъ меня на кого-нибудь?

«Собака, гѣна, шакаль!

«Я прикажу распять тебя!

Фалесъ, весь охваченный порывомъ безумнаго гнѣва, казалось, бросится на шпіона и задушить его. Но гнѣвъ протѣлъ точно такъ же быстро, какъ раньше прошло ликованіе, вызванное кровавыми грезами Іезавѣлли о пиратскихъ набѣгахъ на беззащитныхъ эллиновъ.

Владыка Тира, дрожа всѣмъ тѣломъ, опустился опять на свое покрытое пушистымъ ковромъ сидѣнье, почти легъ среди мягкихъ подушекъ.

— Оставьте меня въ покоѣ! Не запугивайте меня! Не натравливайте меня ни на кого! — бормоталъ онъ соннымъ голосомъ. — Я такъ усталъ, мнѣ такъ надоѣла эта проклятая жизнь, полная опасеній!

«Зачѣмъ поддался я наговорамъ?

«Зачѣмъ послушался я тебя, Іезавѣль?

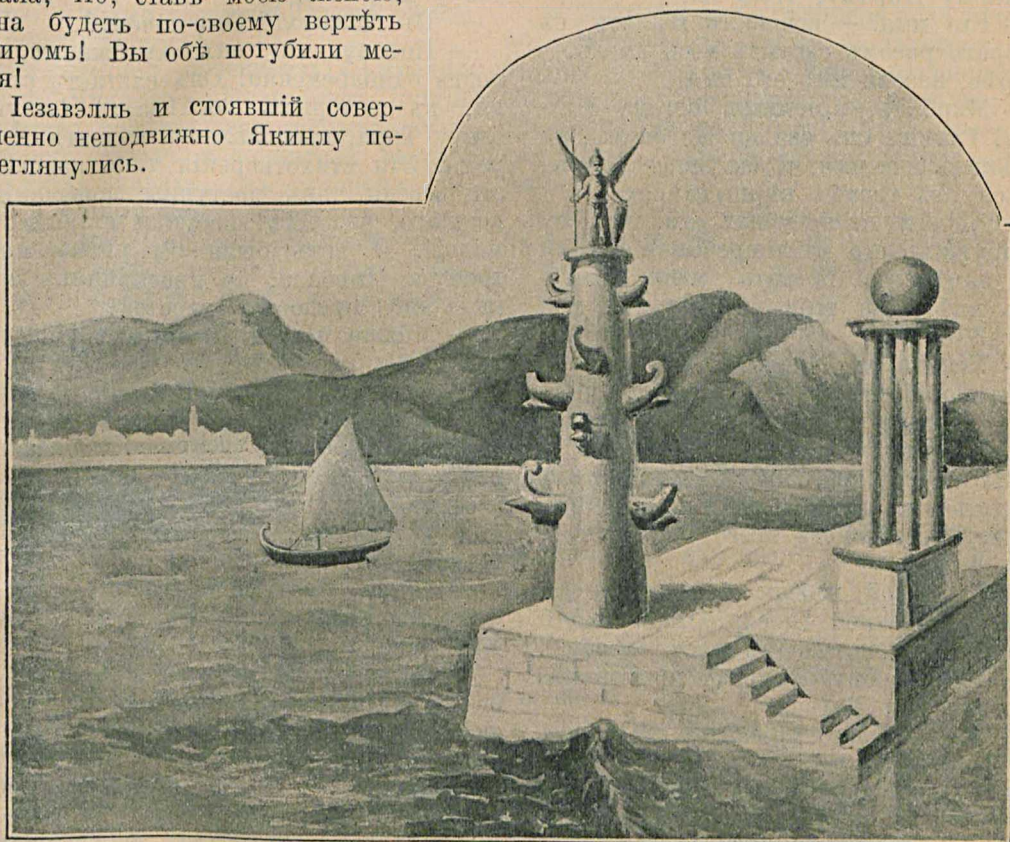
«Тебѣ было тогда только тринадцать лѣтъ, но ты была настоящимъ дьяволомъ въ образѣ ребенка, и это ты, да, ты подстрекала меня на попытку овладѣть трономъ, убивъ Азерима, истребивъ его приверженцевъ, всѣхъ его домочадцевъ! Ты и невѣрная преступная жена Азерима, Аза, которая думала, что, ставъ моею женою, она будетъ по-своему вертѣть Тиромъ! Вы обѣ погубили меня!

Иезавѣль и стоявшій совершенно неподвижно Якинлу переглянулись.

— Могу я теперь дѣлать мой докладъ моему владыкѣ? — съ чуть замѣтною пронию склонился передъ Фалесомъ Якинлу.

— Говори! — махнулъ рукою лѣниво Фалесъ.

— Я открылъ всѣ пружины заговора на твою жизнь, повелитель!

Набережная и маякъ города Тира.

— Очнись, владыка! — произнесъ Якинлу, сдѣлавъ одинъ шагъ впередъ и безъ слѣда почтительности трясъ отяжелѣвшую руку Фалеса. — Пора проснуться тебѣ! Бѣда близка! Враги твои не дремлютъ!

— Что? — вскочилъ Фалесъ. — Бѣжать? Куда бѣжать? Скорѣе, скорѣе!

И опять Якинлу и Иезавѣль весьма непочтительно придерживали охваченнаго паническимъ ужасомъ Фалеса.

Сначала онъ порывался изъ крѣпко державшихъ его рукъ, но потомъ затихъ, какъ будто успокоился.

— Въ сотый, въ тысячный разъ?

— На этотъ разъ я открылъ душу заговора, его корни, его, такъ сказать, стержень!

«Стоитъ вырвать этотъ стержень, какъ занозу, и прекратится наблюдающееся броженіе, своего рода нагноеніе!

— Ну, и вырви! Кто тебѣ мѣшаетъ?!

— Да, повелитель, конечно, я вырву! Но на этотъ разъ дѣло не такъ просто!

— Развѣ?

— Да. Потому что рѣчь идетъ не о какомъ-нибудь полубезумномъ кра-

сильщикъ или пьяномъ наемномъ солдатѣ, болтающемъ вздоръ въ кабачкѣ?!

— А о комъ же, Якинлу?

— О послѣднемъ законномъ потомкѣ царя Хирама! О томъ, кто, о, извини мою дерзость, владыка, въ глазахъ самого населенія Тира имѣетъ права на престолъ, ибо онъ ближе по крови къ великому Хираму, чѣмъ ты!

— Его имя? — вскричалъ Фалесъ, съ котораго разомъ слетѣлъ весь хмель. — Скорѣе, назови мнѣ его имя!

— Мирбалъ, приемышъ богача Маттана! Раньше онъ звался Магономъ, но измѣнилъ свое имя, чтобы удобнѣе скрываться отъ твоихъ вѣрныхъ слугъ!

— Почему ты не убилъ его, разъ ты обнаружилъ его мѣстопребываніе? Или ты намѣренъ предать меня, измѣнить мнѣ? Или тебя уже купили мои враги?

— Успокойся, владыка! — отозвался спокойно Якинлу. — Моя участь такъ тѣсно связана съ тобою, что ни предать тебя ни измѣнить тебѣ я не могу!

«На службѣ тебѣ, правда, я приобрѣлъ богатства, но... Но и слѣую и непримиримую ненависть всего народа гордаго Тира.

«День твоей гибели будетъ и днемъ моей собственной гибели. Часъ твоего паденія станетъ часомъ моей смерти...

— Но почему нельзя прикончить Мирбала или Магона?

— Маттанъ, его приемный отецъ, не помѣрно богатъ!

— Тѣмъ лучше! Мы обвинимъ его въ соучастіи съ претендентомъ на тронъ, и конфискуемъ его имущество!

— Не такъ просто! Онъ — старшина вліятельнѣйшаго цеха горшечниковъ, онъ — обладатель величайшей фабрики для изготовленія «бѣлаго золота», то есть стекла, и онъ находится въ связи со всѣмъ торговымъ классомъ Тира. Его арестъ можетъ вызвать вспышку бунта. Чернь боготворитъ щедрого Маттана, потому что не разъ, когда Тиръ подвергался нападенію враговъ, Маттанъ и его предки на свой счетъ кормили тысячи людей, открывая двери своихъ житницъ и амбаровъ для бѣдняковъ! Тиръ любитъ Маттана!

— При чемъ тутъ Мирбалъ?

— Населеніе знаетъ Мирбала, какъ искуснѣйшаго художника Тира. По его узорамъ наши горшечники лѣпятъ посуду, которая оплачивается тройною цѣною. Онъ открылъ нѣсколько новыхъ красокъ дивной красоты. Его боготворитъ пылкая молодежь. Даже въ войскахъ твоихъ, о царь, есть много друзей у Мирбала!

— Въ войскахъ? Это почему?

— Потому что онъ художникъ и поэтъ одновременно! Онъ слагаетъ стихи, въ которыхъ воспѣваетъ былую славу Тира, прославляетъ подвиги Хирама. Эти стихотворенія такъ звучны, эти пѣсни такъ доступны пониманію каждому, что ихъ знаетъ и старый и малый. И вотъ было бы рискованно тронуть Мирбала, не предпринявъ какихъ-либо предосторожностей!

— Можно послать наемныхъ убійцъ, которые прикончатъ его!

— Чтобы нашелся какой-нибудь другой шальной и сталъ слагать новые пѣсни въ честь «мученика», «страдальца» и такъ далѣе? Нѣтъ, о владыка!

«Надо судить Мирбала, надо осудить его. И это должно быть продѣлано всенародно!

— Пусть будетъ по-твоему! Но у него, ты говоришь, есть соучастники? Кто они?

— О-о! — заскрежеталъ зубами шпіонъ. — Я опять столкнулся съ ядовитой змѣею, съ оборвышемъ, съ мнимымъ жрецомъ, выдающимъ себя народу за отшельника съ горы Кармэль! Собственно, онъ-то и помѣшалъ мнѣ провозвести арестъ Мирбала, захваченнаго мною на мѣстѣ преступленія, когда онъ рассказывалъ одной дѣвушкѣ свои планы, какъ свергнуть тебя, царь, съ тирскаго престола и взять твою корону!

— Оборвышъ? Нищій? Мнимый жрецъ? Мнѣ помнится, ты и раньше говорилъ мнѣ что-то объ этомъ человѣкѣ! Но почему ты не закололъ его тамъ же, на мѣстѣ?

«Надѣюсь, изъ-за убійства какаго-то нищаго бродяги народъ не сталъ бы особенно волноваться?

— Онъ... онъ...

— Ну? Что же сдѣлалъ онъ, этотъ мнимый отшельникъ съ горы Кармэль?

— Онъ предательски напалъ на меня сзади! — пробормоталъ, скрежеща зубами, шпіонъ. — Я не могъ защищаться! Я выронилъ мой мечъ...

— Ха-ха-ха! — весело разсмѣялся Фалесъ. — Дорого далъ бы я, чтобы посмотреть на эту картину!

«Мой храбрый Якинлу въ схваткѣ съ какимъ-то оборванцемъ!

«Мой вѣрный «Царскій Тигръ», обезоруженный нищимъ!

— Не смѣйся, повелитель! — мрачно сказалъ Якинлу. — Вѣдь этотъ нищій осмѣлился поднять свою дерзкую руку на твоего слугу, исполнителя твоихъ повелѣній! Значить, онъ оскорбилъ не меня, а самого тебя, царь!

— Хорошо! Доставь его мнѣ, и я посмотрю, какъ его тѣло будетъ корчиться на колу! А еще проще, выслѣди его и уложи вѣрнымъ ударомъ меча въ голову или грудь въ темномъ переулкѣ!

«Народъ приишетъ смерть бродяги случайности, встрѣчѣ съ ночными грабителями, и все будетъ кончено!

— Да этотъ человѣкъ неуловимъ! — съ яростною досадою отозвался Якинлу, дрожа всѣмъ тѣломъ. — Я много разъ гонялся по его слѣдамъ, и каждый разъ онъ ускользываетъ отъ меня прямо-таки непостижимымъ образомъ!

«Однажды мы окружили его возлѣ мавзолея Хирама. Цѣпь солдатъ была густа, такъ что мышь не могла проскользнуть сквозь нее, и, тѣмъ не менѣе, этотъ человѣкъ исчезъ, словно провалился сквозь землю. Въ другой разъ мы, преслѣдуя его, загнали его къ подножью Башни Молчанія. Оттуда некуда уйти!

«Но когда мы приблизились, все молчало вокругъ, не было ни живой души!

«Опять этотъ наглець провалился сквозь землю, чтобы вынырнуть гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ и приняться возмущать противъ тебя твоихъ подданныхъ, Фалесъ!

— Постой! Съ монахомъ или бродягою разсчитаемся послѣ! Сейчасъ меня интересуешь не онъ, а Магонъ или Мирбалъ, потомокъ, надѣюсь, послѣдній существующій на землѣ потомокъ Хирама, которымъ постоянно укоряютъ меня?!

«Гдѣ Мирбалъ?

— Мнимый жрецъ пытался увести его изъ города къ берегу моря, но мнѣ удалось захватить юношу и его невѣсту, дочь Маттана. Но жрецъ опять ускользнулъ.

— Значить, оба они въ твоихъ рукахъ?

— Да!

— Такъ приведи ихъ завтра подъ сильною стражею въ храмъ Мелькарты: я напому жителямъ Тира старинный обычай, — производства суда надъ государственными преступниками въ самомъ святилищѣ, передъ изображеніями боговъ.

«Кстати: позаботился ли ты, чтобы налицо были свидѣтели, могущіе уличить въ чемъ угодно этого щенка?

— Разумѣется!

— Смотри, чтобы твои свидѣтели не сбивались, какъ было съ ними въ послѣдній разъ, и чтобы они не были пьяны! Это тоже бывало съ ними раньше.

— Не бойся, Фалесъ! Могу я итти?

— Иди! — отпустилъ Фалесъ своего «Тигра».

И когда шпіонъ удалился уже по направленію къ двери, владыка Тира окликнулъ его:

— Вернись, мой вѣрный слуга! Вернись, и скажи мнѣ: какую же ты лично ждешь отъ меня награду за раскрытіе заговора?

— Я? — какъ будто удивился шпіонъ. — Я служу тебѣ совершенно безкорыстно, владыка Тира! Мнѣ ничего не нужно! Конечно, чтобы выслѣдить Мирбала, мнѣ пришлось израсходовать не мало собственныхъ денегъ, а я не такъ богатъ...

— Хорошо! Ты получишь изъ имущества Маттана вознагражденіе за понесенные труды!

— И еще...

— Что еще?

— Этотъ юноша страшно оскорбилъ меня въ присутствіи дѣвушки. Мое униженіе будетъ безгранично, если...

— Если что?

— Если эта дѣвушка не сдѣлается моею собственностью. Тогда я сумѣю заставить ее молчать о слышанномъ и видѣнномъ!

— Кто она?

— Илессъ, дочь Маттана, невѣста Мирбала!

— Хорошо! Значить, ее можно не казнить вмѣстѣ съ Мирбаломъ. Оно и лучше: народъ слишкомъ много болтаетъ, когда казни подвергается жейщина. Если хочешь, то я просто прикажу Маттану отдать тебѣ эту дѣвушку въ жены. Овладевъ ею, поступай, какъ хочешь! Можешь хотя бы убить ее, или продать въ рабство... Иди, я хочу спать!

Якинлу удалился. Еще раньше Іезавэлль тихою тѣнью скользнула въ перистилль и, когда Якинлу проходилъ мимо, придержала его за рукавъ кольчуги, сказавъ:

— Кажется, намъ все удастся обдѣлать благополучно, Якинлу?

— Да, царевна! — отвѣтилъ шпионъ, злорадно улыбаясь. — Я исполнилъ свято твое порученіе!

— Весь этотъ заговоръ противъ моего отца сказка?

— Разумѣется, царевна! Этотъ идиотъ Мирбалъ или Магонъ ни сномъ ни духомъ не виноваты. Но десятки самыхъ почтенныхъ свидѣтелей завтра покажутъ подъ самыми страшными клятвами передъ судомъ жрецовъ Ваала, что онъ опаснѣйшій субъектъ во всей странѣ палмъ, что онъ собиралъ приверженцевъ, готовилъ кровавый мятежъ...

— Зачѣмъ тебѣ понадобилась эта дѣвушка, которую ты называешь невѣстою Мирбала?

— А зачѣмъ тебѣ, царевна, понадобилось натравить «Царскаго Тигра» на Магона?

— Онъ когда-то оскорбилъ меня! — страстно воскликнула Іезавэлль. — Онъ былъ хорошъ, какъ полубогъ, и въ немъ царская кровь, и его обожаетъ народъ. Я думала, что если я возьму его себѣ въ мужья, Тиръ проститъ мнѣ всѣ прегрѣшенія ненавидимаго имъ Азерима, моего дяди, и Фалеса, моего отца. И мы съ Мирбаломъ будемъ царствовать надъ Тиромъ въ мирѣ и покоѣ долгіе годы! Вѣдь по временамъ мнѣ самой такъ хочется покоя!

— А онъ, этотъ мальчишка, отказался отъ чести стать твоимъ супругомъ, царевна?

— Да! — скрипнула зубами Іезавэлль. — Онъ насмѣялся надо мною! Онъ... Онъ обозвалъ меня грязною тварью! И потомъ онъ бѣжалъ, скрылся подъ именемъ Мирбала.

— Смерть ему за это! — качнулъ головою Якинлу. — Но, видишь ли, царевна, мы съ тобою, въ сущности, въ одинаковомъ положеніи!

— Это какимъ образомъ?

— Я пришелецъ, чужеземецъ въ Тирѣ. Въ моихъ жилахъ течетъ иная кровь, чѣмъ въ жилахъ жителей Тира. И хотя при твоей помощи милостію Фалеса я вознесенъ высоко, я остаюсь чужакомъ. Меня терпятъ, какъ терпятъ скорпіона, котораго не смѣютъ до поры, до времени тронуть, раздавить. Но вѣдь Фалесъ не будетъ жить два вѣка? И что будетъ со мною тогда, ты сама отлично знаешь!

«Ну, и вотъ я задумалъ породниться съ знатнѣйшими обитателями Тира, женившись на дочери Маттана.

Все, казалось, было налажено. Но на моей дорогѣ сталъ этотъ ценокъ, этотъ мальчишка, умѣющій слагать стишки и мазать стѣнки вазъ пестрыми красками, и Илессъ прогнала меня! Илессъ сказала мнѣ, что она не только ненавидитъ, но и презираетъ меня!

— Смерть ей! — отозвалась пылко Іезавэлль.

— Да, смерть ей! — подтвердилъ Якинлу.

Помолчавъ мгновенье, онъ вымолвилъ:

— Но прощай, царевна! Мнѣ надо еще идти готовить завтрашнюю комедію храмоваго суда надъ «злodeмъ»...

— Прощай! — прошептала Іезавэлль и скользнула обратно въ садъ, откуда уже неслись звуки кифаръ и голоса пѣвицъ, призванныхъ музыкою, пѣньемъ и пляскою усыпить Фалеса, заставить его позабыть вѣчно терзающую его тревогу за собственную жизнь.

— До завтра! — донесся издали голосъ Якинлу до слуха Іезавэлль.

III.

Утромъ слѣдующаго дня весь Тиръ гудѣлъ, словно улей потревоженныхъ пчелъ: повсюду толковали о заговорѣ

на жизнь Фалеса, раскрытомъ неутомимымъ «Царскимъ Тигромъ» Якинлу, о томъ, что Фалесъ хочетъ примѣнить старинный обычай всенароднаго суда надъ душою заговора, молодымъ художникомъ Мирбаломъ, Магономъ, послѣднимъ потомкомъ Хирама, и его соучастниками, и что судъ начнется именно сегодня, когда солнце достигнетъ зенита, въ храмъ Мелькарты. Великолѣпная мраморная набережная съ колоннами рострами, площади передъ храмами и улицы были оживлены, какъ никогда: горожанъ взволновали услышанныя вѣсти, и мало того, что взволновали, сильно встревожили.

Послѣдніе годы царствованія Фалеса были годами непрерывныхъ бѣдствій и униженій Тира. Втайнѣ все населеніе надѣялось только на одно: у Фалеса не было потомковъ мужского пола, жестокосердая Іезавѣль не могла наследовать престола, а Фалесъ, какъ это знали всѣ, предался всяческому лишеніямъ и стоялъ на краю могилы. Съ его смертью, можетъ-быть, наступятъ новыя времена. Можетъ-быть, на престолъ взойдетъ кто-либо изъ потомковъ Хирама, хотя бы по женской линіи, и утихомирить страну, дать ей столь жадно желанный отдыхъ, укрѣпить полуразрушенныя стѣны города, очистить отъ губительныхъ песчаныхъ наносовъ годъ отъ году мелѣющую гавань, обновить военный флотъ, обуздаетъ распушенныхъ до неимовѣрной степени наемниковъ, чинящихъ нестерпимыя обиды горожанамъ, истребитъ грабительскія шайки, отрѣзывающія Тиръ отъ континента иногда на протяжении цѣлыхъ недѣль. Можетъ-быть, можетъ-быть...

Но теперь и этимъ слабымъ надеждамъ грозила опасность: арестованъ и преданъ суду Магонъ или Мирбалъ, послѣдній прямой потомокъ славнаго могучаго Хирама, возвеличившаго Тиръ, вознесшаго его на небывалую высоту.

Нѣтъ никакихъ сомнѣній, Мирбалъ будетъ осужденъ на смерть, ибо Фалесъ не знаетъ, что такое жалость и пощада, когда рѣчь заходитъ о потомкахъ Хирама, великаго строителя.

И съ Мирбаломъ, конечно, подвергнутся той же участи многіе и многіе люди, заподозрѣнные въ сочувствіи къ нему. Можетъ-быть, поплатится сѣдою головою и богачъ Маттанъ, тотъ, кого бѣдняки называютъ «другомъ голодныхъ». И Кэронъ торговецъ, и Варэсъ, литейщикъ бронзы, и многіе, многіе...

Переключаясь, переговариваясь, горожане Тира спѣшили къ храму Мелькарты. У всѣхъ были печальныя, испуганныя, а у многихъ—угрюмыя, мрачныя лица, плававшіе злобою взоры.

Многіе торговцы, почуявъ приближеніе бури, предусмотрительно заперали свои лавки и наскоро запрягивали въ разнообразѣйшихъ тайникахъ свое имущество. Иные торопились выѣхать изъ Тира, или, по крайней мѣрѣ, вывезти женъ, дѣтей и наиболѣе цѣнное имущество. Въ кварталахъ, гдѣ жили рабы и ремесленники безчисленныхъ ткацкихъ и посудныхъ фабрикъ и заводовъ, настроеніе было особенно тревожнымъ, и безъ всякаго труда можно было обнаружить присутствіе многихъ подозрительныхъ фигуръ, выползшихъ на свѣтъ лучезарнаго дня изъ невѣдомыхъ щелей и норъ: темные элементы разореннаго Тира инстинктомъ чуяли, что близится моментъ, когда, быть-можетъ, имъ удастся пошировать, пользуясь общимъ замѣшательствомъ, если только начнутся безпорядки.

Но Якинлу принялъ всѣ мѣры, чтобы оградить отъ возможныхъ безпорядковъ важнѣйшіе кварталы Тира, гдѣ на холмахъ помѣщались богатые храмы финикійскаго культа, дворцы и сады владыкъ Тира: вездѣ и всюду расположились многочисленные отряды тяжелой пѣхоты въ блестящихъ латахъ, на площадяхъ стояли отдѣльные отряды конницы, а въ непосредственной близости съ храмомъ Мелькарты боевые слоны, готовые по знаку своихъ погонщиковъ «магудовъ» ринуться на толпу и растоптать ее. Фалесъ и Іезавѣль присутствовали при допросѣ скованнаго Мирбала.

Подсудимый упорно отрицалъ всякую вину, открыто заявляя, что онъ никогда не мечталъ о сверженіи Фалеса.

Но противъ него выступали десятки свидѣтелей, приготовленныхъ Якинлу, и эти свидѣтели клялись самыми страшными клятвами, что Мирбаль-отчаянный заговорщикъ, злодѣй чистѣйшей воды, убійца, грабитель, безбожникъ, оскорбитель божествъ и осквернитель храмовъ.

Судъ состоялъ изъ семи верховныхъ жрецовъ. И около трехъ часовъ по полудни этотъ судъ вынесъ обвинительный приговоръ по всѣмъ пунктамъ обвиненій, выставленныхъ противъ злополучнаго юнаго художника, какъ равно и противъ усыновившаго его Маттана.

Впрочемъ, Маттанъ отдѣлался сравнительно легко: его имущество подвергалось конфискаціи лишь въ половинномъ размѣрѣ; самъ же онъ только предостерегался, что при повтореніи прегрѣшеній будетъ изгнанъ изъ Тира навѣки. Илессъ, молодая невѣста художника, признавалась лишь невольною соучастницею заговорщика Мирбала и, какъ таковая, присуждалась не къ смертной казни, а къ обращенію въ рабство съ тѣмъ, чтобы сумма, вырученная за ея продажу съ публичнаго торговаго, послужила вознагражденіемъ судьямъ, то-есть жрецамъ храма Мелькарты.

Наконецъ Мирбаль отдавался на полную волю Фалеса съ предоставленіемъ ему права избрать для заговорщика родъ смертной казни.

Когда приговоръ былъ вынесенъ, присутствовавшіе въ храмѣ клеветы Якинлу стали кричать:

— Мѣдный быкъ! Мѣдный быкъ голень!

Боги давно алчутъ!

«Сожгите грѣшника! Сожгите въ утро бѣ ненасытнаго этого осквернителя храмовъ и скорбителя религій!

Старшій верховный жрецъ повелѣлъ бить въ гигантскіе барабаны, чтобы заглушить этотъ неистовый крикъ, и, когда воцарилось молчаніе, оповѣстивъ присутствовавшихъ:

— Самъ Фалесъ рѣшить участь виновнаго! Гнѣвъ и милость, наказаніе и прощеніе въ рукахъ владыки!

Снова поднялся шумъ и крикъ, но воины Якинлу, окруживъ осужденнаго

густою цѣпью, отвели его въ боковой притворъ храма, гдѣ исхода судьбища ожидалъ самъ Фалесъ, сопровождаемый Іезавѣллью.

— Ну, дерзкій, что скажешь ты теперь? — обратился къ нему Фалесъ насмѣшливо, угрожающимъ тономъ.

— Ничего я не скажу! — отвѣтилъ гордо Мирбаль.

— Боишься вымолвить слово? Языкъ прилипъ къ гортани? — продолжалъ издѣваться Фалесъ.

— Нѣтъ! Просто, мнѣ нечего говорить съ тобою! — отвѣтилъ съ горечью юноша.

— Это почему же? — поднялъ на него свой свинцовый взоръ его противникъ.

— Ты лучше, чѣмъ кто-либо, знаешь, что за мною нѣтъ ни малѣйшей вины! — пылко вымолвилъ Мирбаль.

— Вотъ какъ? Никакой вины? — изумился Фалесъ. — Это же какимъ образомъ?

— Потому что хотя я и дѣйствительно являюсь потомкомъ Хирама, но мнѣ не былъ нуженъ раньше, не нуженъ теперь и никогда не понадобится царскій вѣнецъ! Я художникъ! Я живу только для моего искусства и для моей любви! Мнѣ не нужна ни царская власть ни груды золота, если я буду лишень возможности предаваться искусству и у меня отнять мою любимую женщину! А развѣ сдѣлавшись повелителемъ Тира, я буду обязанъ уйти и отъ искусства и отъ семейной жизни, чтобы предаться государственнымъ дѣламъ...

— Такъ такъ! — насмѣшливо и злобно улыбаясь, качалъ головою Фалесъ. — Удивительно хорошо поетъ жаворонокъ, когда попадетъ въ когти коршуна. Онъ тогда клянется никогда больше не залетать въ поднебесье и за всю жизнь ни разу не спѣть ни единой пѣсни. Но глупъ былъ бы коршунъ, повѣрившій этому жалобному чириканью плѣннаго ничтожества...

— Я не ничтожество! — гордо выпрямился оскорбленный юноша. — Я художникъ! Я творю! Я оставляю по себѣ глубокий слѣдъ въ искусствѣ! Пусть міръ позабудетъ меня черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ моей смерти, — это

не важно! Тотъ же міръ никогда не позабудетъ тѣ новыя формы, которыя я придалъ вазамъ, амфорамъ, кубкамъ!

«Пройдутъ тысячелѣтія, а мои созданія будутъ жить въ мірѣ!»

— Хорошо, хорошо, меня это все и не касается и не интересуешь ничуть! Но мнѣ хотѣлось бы дослушать отъ тебя, что, собственно говоря, ты думаешь о своемъ осужденіи! Говори же! Не бойся!

— Мнѣ нечего бояться! — возразилъ Мирбалъ. — Я знаю, что я безпощадно осужденъ на смерть, и ничто не можетъ спасти меня! Такъ чего же мнѣ бояться? Если хочешь слушать, я охотно скажу тебѣ, что я думаю о всей этой гнусной комедіи съ судомъ семи жрецовъ, съ моимъ осужденіемъ на смерть!

— Говори!

— Я — потомокъ Хирама. Послѣдній потомокъ, ибо всѣ другіе или умерли въ изгнаніи, или... или убиты твоими клеветами!

— Такъ, такъ!

— Да, это такъ! И ты успокойся, покуда ты не увидишь моего трупа!

— Такъ, такъ... Или, правильнѣе, приблизительно такъ! — отвѣтилъ Фалесъ. И потомъ, круто повернувшись къ молча сидѣвшей и, казалось, совершенно не интересовавшейся разговоромъ съ плѣнникомъ дочери, сказалъ:

— А что ты думаешь, Іезавэлль?

— Что я думаю? — словно очнувшись отъ забытья, встрепенулась красавица-царевна.

— Да, что ты думаешь?

— Я думаю, что все это дѣтскій лепетъ, дѣтскія бредни! — презрительно выпятивъ нижнюю губу, говорила гордая дѣвушка. — Этотъ юноша никогда не зналъ, что такое власть, что такое возможность повелѣвать, распоряжаться участію тысячъ и тысячъ людей, и потому онъ такъ легко отрекается отъ власти. Но если бы онъ испилъ хоть однажды изъ этой чаши, онъ держался бы другого мнѣнія!

— Никогда! — твердо отозвался Мирбалъ. — Никогда и ни за что!

Какъ будто не слыша его словъ, Іезавэлль продолжала:

— Онъ, дѣйствительно, хорошаго происхожденія. Въ немъ течетъ царская кровь, кровь великаго строителя, Хирама, прославившаго и возвеличившаго нашу націю. Я тоже принадлежу къ этому роду божественнаго происхожденія, и я послѣдняя въ родѣ. Сами боги судили, чтобы мы соединились!

«Если ты, Мирбалъ, позабудешь твои дѣтскія бредни, по моей просьбѣ отецъ пощадитъ тебя. Онъ наречетъ тебя соправителемъ Тира. Ты будешь получать наравнѣ съ нимъ и со мною царскія почести! Скажи только, что ты отрекаешься отъ своихъ заблужденій, и ты будешь свободенъ!»

— А моя невѣста?

— Какая невѣста? — презрительно засмѣялась царевна. — Какая-то жалкая ремесленница или дочка вольноотпущенника, ростовщица или торговка, ничтожество, невѣста правнука Хирама?

«Въ угоду тебѣ, мы пощадимъ и ея жизнь. Но она подвергнется пожизненному изгнанію изъ Тира. А еще проще: пусть она въ объятіяхъ нашего вѣрнаго Якинлу забываетъ твои ласки! Якинлу такъ добивается чести назвать эту глупую горожанку своею женою! Отдай ее ему!»

— Никогда! Ни за что! — страстно воскликнулъ юноша, дѣлая шагъ впередъ. — Будь проклята ты, ядовитая змѣя!

Какъ получивъ ударъ въ лицо, прыгнула гордая Іезавэлль. Мигъ, и въ правой рукѣ царевны блеснулъ стилетъ. Еще мигъ, и художникъ, совершенно беззащитный, стоявшій передъ этою оскорбленною пантерою со скрещенными руками, палъ бы мертвымъ къ ея ногамъ, прозенный лезвіемъ кинжала.

Но Фалесъ не дремалъ: онъ съ неожиданною для него самого ловкостью и силою схватилъ Іезавэлль за лѣвую руку и такъ сильно дернулъ ее, что царевна почти упала.

— Безумная! — крикнулъ на нее отецъ. — Безумная! Опомнись! Что ты дѣлаешь? Или ты забыла, что древній законъ наказываетъ смертию того, кто хотя бы нечаянно прольетъ кровь близкаго въ храмъ Мелькарты?

— Пусти, пусти меня! Я напыюсь его крови! — извивалась въ сильныхъ рукахъ отца оскорбленная Іезавэлль.

Но борьба скоро кончилась: Іезавэлль успокоилась.

— Иди навстрѣчу твоей собственной судьбѣ! — сказала она Мирбалу. — Ты самъ выбралъ свой жребій!

«Тебя ждетъ мучительная смерть!

— Знаю! — прошепталъ Мирбаль беззвучно, глядя печально куда-то вдаль.

— Тебя сожгутъ завтра въ Бронзовомъ Быкѣ! — продолжала царевна.

— Пусть будетъ такъ! — кивнулъ головою юноша и повернулся спиною къ царевнѣ. — Пусть будетъ такъ! Ужасна смерть въ нѣдрахъ раскаленного докрасна Бронзоваго Быка, но... но еще ужаснѣе была бы жизнь съ такимъ чудовищемъ, какъ ты!

Опять рванулась было Іезавэлль на обидчика, и опять придержалъ ее ея отецъ, сказавъ ей:

— Развѣ ты не видишь, что онъ нарочно стремится вывести тебя изъ терпѣнія? Развѣ ты не понимаешь, что онъ хочетъ получить легкую смерть отъ удара стилета?

— Да? Но онъ обманется, презрѣнный! — прошипѣла Іезавэлль. — О, отецъ, отецъ! Съ какою радостью завтра буду я глядѣть на торжество въ храмѣ Мелькарты, когда жрецы будутъ вести къ огненной печи этого наглеца! Онъ будетъ стонать и дрожать всѣмъ тѣломъ! Онъ будетъ умолять о пощадѣ... Но пощады не будетъ ему!

— Не надо! — отозвался еще стоявшій на порогѣ юноша.

— И потомъ его тѣло втолкнуть шестами въ огненную пещеру! О, какое зрѣлище представится моимъ взорамъ, отецъ! — въ экстазѣ шептала Іезавэлль.

Пять минутъ спустя, верховный жрецъ торжественно возгласилъ оставшемуся еще въ храмѣ народу, что, по рѣшенію владыки Тира, осужденный за государственную измѣну и покушеніе на мятежъ Мирбаль будетъ завтра на закатѣ солнца преданъ всенародно сожженію въ бронзовомъ чревѣ Быка, изображающаго Вааль-Молоха.

Часть толпы разразилась кликами буйнаго восторга. Но большинство сму-

щенно молчало. У многихъ еще мрачнѣе стали лица, еще угрюмѣе сдѣлались гнѣвные взоры...

Но воины изъ отряда тѣлохранителей уже оттѣсняли толпу, понуждая ее къ удаленію изъ храма.

И толпа, переговариваясь, съ шумомъ расходилась.

Фалесъ не сталъ дожидаться, покуда улицы и прилегающая къ храму Мелькарты площадь будутъ совершенно очищены отъ несмѣтной толпы горожанъ Тира, и отдалъ приказъ къ возвращенію къ дворцовому кварталу.

Но едва кортежъ Фалеса появился на площади, среди волнующихся массъ народа, какъ невдалекѣ раздался крикъ. Толпа раздалась, разступилась, и дорогу Фалесу загородила вырвавшаяся изъ рядовъ горожанъ высокая стройная дѣвушка съ прекраснымъ, но блѣднымъ лицомъ.

— Справедливости ищу я, царь! Милости прошу я у тебя! Во имя древнихъ законовъ Тира! Во имя священныхъ обычаевъ старины!

— Кто ты? Чего ты хочешь отъ меня? — невольно попятился Фалесъ. И потомъ, обернувшись къ тѣлохранителямъ, приказалъ:

— Уберите эту дерзкую! Прогоните ее ударами древковъ копій!

— Не смѣть! Не трогать дѣвушку! — послышался изъ толпы угрожающій ропотъ.

Толпа заколыхалась. Тѣлохранители смущенно опустили занесенныя для удара копыя.

Фалесъ растерянно оглянулся и увидѣлъ, что и на тѣлохранителей нельзя полагаться. Мигъ, и они, до сихъ поръ считавшіеся столь преданными ему, готовы перейти на сторону его враговъ...

Въ молодости Фалесъ былъ воиномъ, храбрымъ, находчивымъ. И теперь, въ минуту грозной опасности, къ нему словно вернулись силы его молодости, его бывшая сообразительность, находчивость. Онъ понялъ, что бороться съ волею окружавшихъ его десятковъ тысячъ людей немыслимо. Онъ понялъ, что толпу надо умиловить. И онъ произнесъ:

— Если это не безумная, то, конечно, я, согласно древнему закону Хирама, обязанъ выслушать ее тутъ же, на порогахъ храма! Говори же, женщина!

— Я—Илиссъ, дочь Маттана!—громко сказала дѣвушка.—Здѣсь, на порогахъ древнѣйшаго храма Тира, гдѣ стоятъ изображенія покровителей нашего края, предвѣчныхъ боговъ, я клянусь, клянусь моею чистотою, клянусь гнѣвомъ Молоха и яростью Астарты, что осужденный на казнь верховнымъ судомъ мой женихъ, художникъ Мирбалъ, не повиненъ въ приписываемыхъ ему преступленіяхъ!

«Еще клянусь, что и я, осужденная на продажу въ рабство ни въ чемъ не повинна!»

— Доказательства! — произнесъ, насупясь, Фалесъ.— Какія доказательства имѣешь ты, дерзкая?

«Противъ Мирбала свидѣтельствовали почтеннѣйшіе люди...

— Завѣдомые клятвопреступники и лжесвидѣтели! — прозвучало изъ нѣдръ волнующейся толпы. Кажется, и кто-то изъ тѣлохранителей Фалеса отозвался на это обвиненіе словами:

— Наемники шпиона Якинлу! Ядовитыя змѣи!

Поблѣднѣвъ, Фалесъ продолжалъ:

— Говори же: какія доказательства въ пользу невинности твоего жениха приносишь ты намъ?

— Древній законъ Тира гласитъ, что я могу за недостаткомъ доказательствъ, въ подтвержденіе своей клятвы, подвергнуться испытанію огнемъ одновременно съ обвинителями Мирбала! Пусть разложатъ костеръ, и я войду въ огонь, но рядомъ со мною долженъ итти проклятый шпионъ Якинлу!

«И пусть святая огненная стихія рѣшитъ, кто клеветникъ и клятвопреступникъ!»—отвѣтила рѣшительно Илиссъ.

Фалесъ безпомощно оглянулся вокругъ. Толпа ревѣла:

— Испытаніе! Испытаніе! Дѣвушка и Якинлу! Оба пусть подвергнутся испытанію! Оба, оба!

— Нѣтъ, на испытаніе огнемъ я не согласенъ!—попытался увильнуть Фалесъ.—Властью повелителя Тира я на-

Мигъ—и въ правой рукѣ царевны блеснулъ стилетъ.

значаю тебѣ, женщина, другое испытаніе, не столь ужасное, какъ испытаніе огнемъ!

— Назначай!

— Завтра на разсвѣтъ ты будешь ввержена въ Башню Молчанія. Если тамъ ты найдешь кольцо Хирама, тайна котораго исчезла съ моимъ братомъ Азеримомъ, и если ты принесешь это кольцо до вечерней зари въ Тиръ, твой женихъ будетъ спасенъ, и ты будешь свободна!

— Изъ Башни Молчанія нѣтъ выхода!

— Ты спустишься туда по канату и по канату же поднимешься наверхъ. Въ этомъ я даю тебѣ гарантію, завѣряя моимъ честнымъ словомъ!

По толпѣ опять пробѣжала волна пошота.

Казалось, пародъ бросится на свиту Фалеса и захватить въ плѣнъ самого владыку Тира.

Но въ это время слышались напоминающіе трубные звуки, крики слоновъ, и изъ двухъ переулковъ на толпу на площади надвинулись боевые слоны.

Толпа поневолѣ уступила мѣсто гигантамъ, и Фалесъ оказался въ безопасности.

— Я убью дѣвушку!—крикнулъ ему Якинлу, который такъ во-время пришелъ на помощь.

— Не смѣй! Это повлечетъ за собою поголовное возстаніе!—отвѣтилъ Фалесъ.—Мы завтра безъ шума устроимъ такъ, что она погибнетъ въ Башнѣ Молчанія! Вѣдь это дѣло я поручу именно тебѣ, а ты умѣешь устраивать все... Сейчасъ же нѣтъ ни малѣйшей надобности трогать эту Илессъ.

— Пусть будетъ по-твоему!—наклонилъ голову въ знакъ согласія шпіонъ.

Тѣмъ временемъ кортежъ выбрался съ площади и пошелъ улицею, сплошь занятою отрядами тѣлохранителей.

Убѣдившись въ своей полной безопасности, Фалесъ хрипло засмѣялся потомъ ударилъ по плечу «Царскаго Тигра».

— Ну, Якинлу, какъ нравится тебѣ вся эта исторія?

— Очень мало нравится!—проворчалъ тотъ.—Я чувствую, что подъ моими ногами не гранитъ, какъ я думалъ раньше, а зыбучій песокъ, готовый поглотить меня!

— Ты—трусъ! Ты слишкомъ легко поддаешься своимъ настроеніямъ! Бери примѣръ съ меня: я чувствую, что я помолодѣлъ на десять, пятнадцать лѣтъ, и готовъ вступить въ борьбу съ цѣлымъ свѣтомъ!

«Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ надо бы перемѣнить образъ жизни, Якинлу! Я страхну съ себя всѣ эти глупыя привычки. Я могу еще переродиться!

«О, боги!

«Вѣдь мнѣ стоитъ только отказаться отъ сущихъ пустяковъ!

«Я займусь какъ слѣдуетъ дѣлами Тира.

«Прежде всего мнѣ придется немножко поочистить наемныя войска: тамъ завелось слишкомъ много своевольниковъ.

«Но у меня уже есть одна маленькая идея: я предприму небольшой походъ, во время похода легко узнается настроеніе солдатъ, и тогда я сумѣю расправиться съ измѣнниками, выдѣливъ ихъ изъ общей массы. И, клянусь богами, моя расправа съ ними будетъ такова, что ее вовѣки не забудутъ!

«Завтра же я примусь за дѣло, мой вѣрный Якинлу!

«А сегодня...

«Сегодня я чувствую потребность освѣжиться! Оставайся со мною, Якинлу, если только у тебя нѣтъ серьезныхъ дѣлъ. Я велю принести крѣпкіе меда Ливана, вина Хіоса. Мы попробуемъ утолить нашу жажду пивомъ, приготовленнымъ по египетскому способу изъ проса...

— Мнѣ не до пива!—угрюмо отозвался Якинлу, тревожно озираясь вокругъ.

— Какъ хочешь! Я же нуждаюсь въ маленькомъ подкрѣпленіи. Не улыбайся недоувѣрчиво!

«Я исполню то, что я твердо рѣшилъ исполнить: я совершенно перемѣню образъ жизни!

«Но это завтра. Сегодня же я хочу пожить, какъ привыкъ, въ послѣдній разъ!

«Но вотъ мы и у дворца. Уфъфъ!

«Гей, рабы!

«Поскорѣ приготовить пиршественный залъ!

И Фалесъ затерялся въ полумглѣ затѣненныхъ завѣсами изъ пурпурной ткани и виноградныхъ листьевъ проходовъ.

Якинлу остался въ одиночествѣ.

Онъ стоялъ у входа во дворецъ Фалеса въ глубокомъ и тревожномъ раздумѣ. И по временамъ съ его устъ срывались проклятія.

— Боюсь, моя ставка проиграна!—бормоталъ онъ.—На этого поклонника египетскаго пива и хіосскаго вина нѣтъ физической возможности положиться ни въ чемъ рѣшительно!

«Онъ забываетъ то, что общается, черезъ пять минутъ!

«Между нами было условлено, что Мирбаль будетъ задушенъ, какъ только жрецы вынесутъ ему смертнй приговоръ, или что по моему знаку мои слуги, будто охваченные гнѣвомъ на преступника, бросаясь на этого жалкаго потомка Хирама и растерзають его.

«Вмѣсто этого Фалесъ передаетъ Мирбала въ руки жрецовъ, чтобы завтра устроить всенародное принесеніе его въ жертву Ваалу.

«А мало ли что можетъ случиться за сутки? Да еще теперь, когда населеніе Тира такъ возбуждено?!

«Затѣмъ, что за комедія съ Илисѣй?

«Зачѣмъ понадобилось соглашаться на производство этого нелѣпнаго испытанія въ Башнѣ Молчанія?

«Я могъ бы арестовать дѣвушку, мои слуги отвезли бы ее въ мою загородную виллу. Тамъ, вдали отъ любопытныхъ взоровъ, я сумѣлъ бы сладить съ упрямеццею!

«Эхъ, Фалесъ, Фалесъ!

«Твоя звѣзда, видимо, закатывается!

«Твой корабль еще плыветъ, но его трюмъ уже наполняется водою, и его снасти готовы порваться, какъ нити паутины!

«Но мнѣ до тебя нѣтъ никакого дѣла: важно то, что мнѣ самому грозитъ гибель!

«Однако, возвращаться вспять поздно: жребій брошенъ. И пусть будетъ то, чему суждено быть!

«Я воинъ, и я столько разъ смотрѣлъ въ глаза смерти, что меня не должна пугать никакая новая опасность!

«Нѣтъ, если что меня и беспокоитъ, то только развѣ...

«Ну, да, я не ошибся!

«Въ толпѣ, насѣдавшей на повелителя Тира, я ясно видѣлъ фигуру этого проклятаго отшельника съ горы Кармэль!

«Онъ замѣшанъ въ игръ!

«Въ народныхъ волненіяхъ видна его рука!

«Не знаю самъ, почему, но каждый разъ, встрѣчаясь съ этимъ субъектомъ, я испытываю странное чувство—слабость овладѣваетъ мною.

«Колдунъ онъ, что ли?

«Но онъ напоминаетъ мнѣ ядовитую змѣю, умѣющую зачаровывать своими взорами личугу, кролика!

«Но нѣтъ, нѣтъ! Я-то не поддамся тебѣ, старикъ,!

«Мой мечъ не боится никакихъ чаръ! Мое копье пронзитъ твою грудь, пронизаетъ твое черное сердце при первой встрѣчѣ, бродяга!

«Мнѣ надо только дознаться, гдѣ ты скрываешься, куда ты уползаешь, какъ змѣя въ щель камней стѣны!

«Думаю, что это удастся мнѣ завтра же, и тогда берегись зубовъ и когтей «Царскаго Тигра», дерзкій нищій!

Побродивъ еще у входа во дворецъ, Якинлу потомъ направился къ казармамъ тѣлохранителей и затерялся въ ихъ безчисленныхъ дворикахъ.

IV.

Полною тревоги была эта ночь для царственнаго Тира.

Казалось, надъ городомъ рѣяли тѣни, безчисленные призраки налетали со всѣхъ сторонъ, съ морского простора, и съ горныхъ вершинъ, изъ песковъ близкой пустыни, изъ лѣсовъ Ливана и кружились надъ испуганнымъ городомъ.

Улицы и площади были освѣщены потоками луннаго свѣта, но страннымъ, призрачнымъ, зловѣщимъ казался этотъ блѣдный свѣтъ царицы ночи, и жуткое чувство овладѣвало каждымъ, видѣвшимъ глубокія черныя тѣни, падавшія на плиты мостовыхъ отъ стѣнъ и колоннъ.

Здѣсь и тамъ, возлѣ разсѣянныхъ по городу храмовъ, всю ночь, до разсвѣта, горѣли жертвенные огни: испуганные люди торопились принести разгнѣваннымъ божествамъ искушительныя жертвы, чтобы умилостивить покровителей Тира.

Горѣли огни и во многихъ домахъ, особенно въ ремесленныхъ кварталахъ и на улицахъ, прилегающихъ къ порту.

Тамъ и при обычныхъ условіяхъ почти никогда не замирала жизнь ночью: портъ живетъ и ночью, какъ днемъ, ибо съ моря приходятъ и въ море уходятъ рыбацкія и торговыя суда, торгуютъ отъ разсвѣта до разсвѣта харчевни

для рыбаковъ и моряковъ, продается вино, шныряютъ торговцы освѣжительными напитками и шатаются гребцы.

А въ эту ночь мѣстность около Старого порта, уже полузанесенная песками, казалась справляющею какой-то праздникъ: на улицахъ были видны многочисленные группы моряковъ и рабочихъ, и слышались крикливые голоса женщинъ, истерическій смѣхъ, плачъ дѣтей, лай собакъ.

Около полуночи гдѣ-то въ центрѣ города вспыхнулъ пожаръ: горѣлъ большой дворецъ одного изъ военачальниковъ.

Багровое пламя столбомъ поднималось къ прозрачному небу, дымъ вихремъ крутился въ недосигаемой выси, летѣли и огнистыя искорки.

Въ собравшейся къ мѣсту пожара толпѣ глухо перешептывались, что пожаръ—месть солдатъ вождю, который много лѣтъ безнаказанно обшчитывалъ наемниковъ, не доплачивая имъ жалованья, и, кромѣ того, грабилъ ихъ, лишая ихъ законной части военной добычи подъ предлогомъ разныхъ провинностей.

На пожаращѣ безтолково и безпомощно суетились испуганные рабы, тщетно пытавшіеся бороться съ огненною стихіею.

Вытащенные изъ пылающихъ хоромахъ вещи грудой валялись около садовой стѣны. Ихъ охраняли только обитательницы гинекей да нѣсколько старыхъ слугъ военачальника.

Толпа оборванцевъ давно присматривалась къ этому мѣсту, и вдругъ какъ-то разомъ хлынула туда, смяла, разогнала охранителей и вмгъ растащила невѣдомо куда всю спасенную отъ жаднаго огня рухлядь.

Въ суматохѣ исчезло и нѣсколько молодыхъ женщинъ, изнывавшихъ въ постыломъ рабствѣ въ гинекей: онѣ воспользовались удобнымъ моментомъ, чтобы скрыться безнаказанно. Еще пылалъ пожаръ, еще гудѣли толпы обитателей близкихъ къ пожаращу кварталовъ, а въ Новомъ порту уже новая тревога: въ какомъ-то кабацкѣ разгорѣлась пьяная ссора между матросами царской триремы и вольными моряками.

Вмѣшались иностранцы, на шумъ сбѣжались, словно крысы изъ подполья, обитатели портовыхъ притоновъ, зашверкали ножи, полилась кровь.

И долго-долго бушевала толпа, разнося склады и поджигая груды товаровъ, сложенныхъ прямо на набережной.

Безпорядки продолжались почти до разсвѣта, покуда въ гавань не прибылъ отрядъ боевыхъ слоновъ.

А по дорогамъ, уходящимъ изъ города къ континенту, все тянулись и тянулись караваны испуганныхъ бѣглецовъ, предчувствовавшихъ близость тяжелыхъ дней для царственного Тира.

Но ночь прошла и унесла съ собою кошмары, унесла всѣ призраки.

Пожаръ прекратился, и только голубоватый дымъ еще виселъ здѣсь и тамъ надъ грудями развалинъ.

Прекратились и портовые безпорядки, но въ гавани еще валялись трупы погибшихъ въ ночныхъ схваткахъ или растоптанныхъ слонами-палачами.

О нихъ, объ этихъ трупахъ, впрочемъ, некому было заботиться: населеніе города собиралось съ утра въ храмъ Ваала, чтобы заранѣе занять мѣста поближе къ Бронзовому Быку, изображенію Ваала-Молоха, въ раскаленную грудь котораго жрецы на закатѣ должны были ввергнуть тѣло осужденнаго на смерть Мирбала-Магона, послѣдняго потомка Великаго Строителя, незабвеннаго Хирама.

И огромное большинство отправлявшихся въ храмъ почему-то вооружалось, какъ будто отправляясь на бой.

Иные попросту надѣвали на головы мѣдныя круглыя каски и облекались въ латы и кольчуги; другіе, снарядившись, поверхъ вооруженія накидывали широкіе плащи, а на головы наматывали тюрбаны.

И даже тѣ, которые считали лишнимъ облекаться въ тяжелыя латы, все же прятали въ широкихъ складкахъ одеждъ короткіе мечи и кинжалы. Вооружались и женщины: онѣ брали съ собою въ храмы узкіе тонкіе стилеты, свое любимое оружіе.

Около полудня въ храмъ привели подъ сильнымъ конвоемъ осужденнаго на смерть Мирбала и поставили его

возлѣ безобразной гигантской статуи божества покровителя Тира, мстительнаго и безопаднаго Ваала-Молоха.

Храмовые прислужники въ желтыхъ одеждахъ, украшенныхъ нашивками въ формѣ языковъ пламени изъ пурпура, убирали рогатаго гирляндами изъ листьевъ оливковаго дерева и разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ. Другой отрядъ прислужниковъ подъ руководствомъ младшихъ жрецовъ приносилъ съ пѣснопѣніями и заклинаніями полѣнницы дровъ: куски священной акаціи, и вѣтви ливанскаго кедра, и кору горной смолистой сосны. Дрова тоже пересыпались листьями и цвѣтами.

Храмовой хоръ пѣлъ гимнъ Ваалу:

«Снова день пришелъ великій
Торжества боговъ могучихъ—
Безопаднаго Молоха
И безжалостной Астарты.
Снова день пришелъ великій,
И костеръ пылаетъ въ храмѣ.
Рдѣетъ бронза, собираясь
Поглотить живое тѣло.
Громче бейте, барабаны!
Пойте, флейты и кифары!
Ждетъ Молохъ великой жертвы,
Быкъ изъ бронзы, Быкъ-Властитель.
Лейте медь въ огонь священный,
Проливайте благовонья!
Жертвы проситъ грозный мститель,
Быкъ изъ бронзы безопадный...»

Мирбалъ, утомленный до изнеможенія, стоялъ въ цѣпяхъ передъ Бронзовымъ Быкомъ и усталымъ и безразличнымъ взоромъ глядѣлъ на приготовленія къ казни.

Онъ не спалъ эту ночь.

Не могъ заснуть до разсвѣта, волнуемъ и терзаемъ печальными мыслями.

«Такъ вотъ къ чему готовила меня судьба!—думалъ онъ съ горечью.—Мечтать о славѣ, о творчествѣ, о счастіи, жить въ мірѣ грезъ о бессмертномъ искусствѣ, тщательно сторониться отъ соприкосновенія съ самою жизнью, избѣгать всего того, что называется житейскими дразгами, и дожить до позорища...»

«Не лучше ли было бы, если бы онъ, Мирбалъ, отдалъ свои молодые силы на нѣчто иное?»

«Развѣ десятки разъ не обращались къ нему враги Фалеса съ предложеніемъ: поднять знамя возстанія противъ узурпатора, кликнуть кличъ гнѣвной мести, призвать вѣрныя дружины для расплаты съ насильникомъ, доведшимъ царственный Тиръ до небывалаго униженія?!

«Многіе тайные посланцы шептали ему, Мирбалу:

«—Не думай, не безпокойся ни о чемъ! Предоставь только намъ право дѣйствовать твоимъ именемъ, и самъ оставайся въ сторонѣ. Для тебя приготовлено вѣрное убѣжище. Ты будешь окруженъ роскошью и будешь дѣлать, что хочешь, будешь заниматься, чѣмъ тебѣ угодно. И только когда придетъ рѣшительный часъ, мы позовемъ тебя, чтобы ты, надѣвъ на себя священное вооруженіе твоего славнаго предка, непобѣдимаго Хирама, хранящееся въ храмѣ Мелькарты, повелъ тысячи твоихъ вѣрныхъ приверженцевъ на Тиръ...»

Но Мирбалъ отказывался отъ этихъ предложеній: онъ не чувствовалъ ни малѣйшей охоты выставлять свои требованія на престолъ Тира, онъ не желалъ промѣнять жизнь художника на жизнь авантюриста.

И вотъ...

«Гдѣ Илессъ? Что съ нею?—думалъ тоскливо злополучный художникъ, прислушиваясь къ монотонной мелодіи священнаго гимна въ честь кровожаднаго Ваала-Молоха.

«Бѣдная, бѣдная Илессъ!

«Ты будешь голубкою, понавшей въ острые когти коршуна,—злого, безопаднаго коршуна, жаждущаго гибели голубки!

«Ты проведешь всю жизнь въ гинеевѣ мстительнаго Якинлу, подвергаясь истязаніямъ и всевозможнымъ униженіямъ!

«Или, можетъ быть и то: Якинлу, продержавъ тебя у себя два-три мѣсяца, выплетъ тебя на рынокъ, броситъ тебя въ толпу выведенныхъ на продажу невольниковъ, въ толпу рабынь.

«И быстроходная галера увезетъ тебя далеко-далеко, въ чужія страны, къ врагамъ твоей родины, и тамъ окончишь ты свою жизнь, роза Тира, лилія страны пальмъ!»

Тяжелыя мысли Мирбала были превраны подошедшимъ къ нему жрецомъ, который поднесъ къ губамъ осужденнаго тонкій узкогорлый сосудъ изъ стекла, наполненный жидкостью рубинового цвѣта.

— Пей, юноша!—произнесъ жрецъ.— Это вино даетъ забвеніе горестей и прогоняетъ злой страхъ смерти!

— Я не нуждаюсь въ твоёмъ сладкомъ дурманѣ!—рѣзко оттолкнулъ Мирбалъ руку жреца.—Я потомокъ Хирама, и я хочу до конца смотрѣть ясными глазами на міръ!

Жрецъ, пожимая плечами, отошелъ въ сторону.

Тѣмъ временемъ принесли изъ святилища лампаду съ неугасимымъ священнымъ огнемъ и подожгли четыре смолистыхъ факела, положенныхъ въ четырехъ углахъ костра подъ бронзовымъ чудовищемъ, изображеніемъ Ваала, Молоха въ видѣ быка.

Пламя охватило дерево костра со всѣхъ сторонъ, и голубоватый ароматный дымъ окуталъ мощное туловище идола.

Хоръ жрецовъ въ бѣлыхъ одеждахъ съ пурпурною каймою пѣлъ, аккомпанируя себѣ игрою на арфахъ:

— «Пусть пылаетъ кедръ ливанскій!

Жаждетъ жертвы богъ могучій,

Богъ Молохъ, властитель міра,

Богъ Молохъ, защитникъ Тира».

Бронзовое чудовище мало-по-малу разогрѣвалось. Мѣстами по мѣди, покрытой налетомъ копоти и окисловъ, побѣжали свѣтлыя пятна.

А Мирбалъ стоялъ и глядѣлъ упорно на огненную печь, готовую испепелить его тѣло...

— Разступитесь! Разступитесь!— слышались крики у входа въ храмъ.

Это прибылъ первый отрядъ тѣлохранителей Фалеса, чтобы очистить для владыки Тира, его гордой дочери и его свиты мѣсто на хорахъ подлѣ идола Молоха.

Но прошелъ еще добрый часъ, пока въ храмъ явился самъ Фалесъ.

Онъ былъ въ пурпурной мантии, съ двурогою митрою владыкъ Тира на головѣ. Два юныхъ воина въ золотыхъ латахъ вели владыку подъ руки. Это былъ

древній обычай, но онъ теперь оказывался какъ нельзя болѣе кстати: Фалесъ провелъ всю ночь въ дикой оргіи и теперь еле держался на ногахъ.

Его лицо было багрово, глаза скрывались межъ опухшихъ вѣкъ, руки и ноги дрожали, по одутловатымъ, лоснящимся щекамъ струились крупныя капли пота. Онъ тяжело и неровно дышалъ и по временамъ машинально хватался за безумно болѣвшіе виски.

Напротивъ, Іезавѣль казалась прекрасною, какъ никогда.

На ней было тяжелое парчевое платье съ множествомъ драгоценныхъ камней, на шеѣ—богатое жемчужное ожерелье, на головѣ—золотая діадема, перевитая нитками жемчуга. Въ ушахъ—массивныя кованыя золотыя серьги съ рубинами и жемчугами.

Ея лицо было набѣлено, подрумянено, глаза подчернены, губы тоже тронуты алою краскою и потому казались словно вымазанными въ свѣжую человѣческую кровь.

Но взоръ ея былъ мраченъ, и прекрасныя пушистыя брови все время гнѣвно хмурились.

Отъ времени до времени она оглядывала переполнявшую храмъ толпу гнѣвными очами, и тогда казалось, что будь въ распоряженіи царевны Тира могущество, всѣ присутствующіе въ этомъ древнемъ храмѣ были бы испепелены ея гнѣвными взорами...

— Отецъ!—шептала она находившемуся въ полудремотномъ состояніи Фалесу.—Отецъ! Прикажи кончать! Бронзовый Быкъ уже раскалился! Пусть огонь пожретъ этого червя, этого предателя!

Но Фалесъ постоянно отвѣчалъ:

— Еще не время! Я далъ слово, что буду ждать Илессъ до заката солнца. Зачѣмъ торопиться?

— Но, можетъ-быть, она ухитрится вернуться изъ Башни Молчанія?!

— Кто? Илессъ? Ты съ ума сошла? Развѣ былъ случай, чтобы оттуда вернулся живымъ кто-нибудь, вверженный туда?

«Развѣ вернулся Азеримъ, по приказанію котораго выстроена грозная башня? А вѣдь онъ зналъ почти всѣ

ея тайны, за исключеніемъ тайны выхода изъ нея, вѣдомой только послѣднему, бѣжавшему во время избіенія зодчихъ, строителю!

«Развѣ вернулись братья Хагъ, любимые вожди Азерима и его наперсники?»

«А ихъ опустили туда на канатахъ, оставивъ съ ними ихъ вооруженіе, и оба они были смѣлые, неустрашимые воины!»

«Развѣ вернулся верховный жрецъ Астарты, Коирфъ, тотъ, который осмѣлился всенародно упрекать меня за расправу съ Азеримомъ?»

«Нѣтъ, нѣтъ, Іезавэлль!»

«Твой страхъ напрасенъ и твои опасенія смѣшны: изъ Башни Молчанія могутъ выйти только призраки погибшихъ тамъ людей!»

— Ты слишкомъ полагаешься на Якинлу, отецъ!

— Я уже рѣшилъ покончить съ Якинлу, Іезавэлль! Но покуда онъ мнѣ еще нуженъ. И я увѣренъ, что онъ не поможетъ Илессъ уйти изъ царства смерти!

— Посмотримъ, отецъ! Но меня томятъ мрачныя предчувствія!

— А меня томитъ жажда! Сейчасъ я велю рабамъ подать мнѣ кубокъ сладкаго и пріятнаго вина. Если и ты выпьешь живительнаго сока винограда, твои мрачныя предчувствія развѣются, какъ дымъ костра!

Іезавэлль презрительно отвернулась отъ Фалеса, жадно тинувшаго пріятную искрометную влагу изъ тяжелаго золотого кубка.

А день медленно тянулся, и солнце уже склонялось къ вечеру.

Невыносимый дневной зной смѣнился вечернею прохладою. На западѣ появилась уже чуть замѣтная прозрачная фіолетовая дымка, вѣстница летящей на голубыхъ крыльяхъ ночи.

Море, бушевавшее все утро, теперь совершенно успокоилось и казалось огромнымъ зеркаломъ, только здѣсь и тамъ тронутымъ полосами тихой голубой ряби.

И на голубомъ фонѣ моря, сливающегося на горизонтѣ съ небомъ, такъ четко, такъ ясно рисовались силуэты

снующихъ у отмелей тирскихъ парусныхъ и гребныхъ судовъ.

Близился моментъ гибели мечтателя Мирбала, послѣдняго потомка великаго Хирама!

Но что же было съ Илессъ?

Что случилось съ героинею-дѣвушкою, добровольно подвергнувшею ужасному испытанію?

Вернемся нѣсколько назадъ.

Послѣ полудня, незадолго до прибытія Фалеса и Іезавэлль въ храмъ Ваала-Молоха, изъ храмовой тюрьмы вышелъ отрядъ воиновъ въ блестящемъ вооруженіи. Во главѣ отряда былъ «Царскій Тигръ», всѣмъ внушавшій страхъ и отвращеніе, Якинлу.

Отрядъ направился къ грозной Башнѣ Молчанія; Якинлу велъ туда обреченную на гибель Илессъ.

Опять, какъ вчера, въ часы суда надъ Мирбаломъ, улицы и площади царственного Тира были многолюдны. Но на этотъ разъ господствовало подавленное настроеніе: за ночь Якинлу успѣлъ стянуть въ городъ весьма внушительныя силы; отряды пѣхотинцевъ и всадниковъ занимали всѣ мало-мальски важныя въ стратегическомъ отношеніи пункты города, готовые при малѣйшемъ безпорядкѣ ринуться на обитателей Тира и предать ихъ огню и мечу.

Тѣмъ не менѣе, мѣстами на пути слѣдованія ведшаго къ Башнѣ Молчанія отряда царскихъ тѣлохранителей встрѣчались отдѣльныя группы горожанъ, обмѣнивавшихся мрачными взглядами съ воинами.

Почти при выходѣ изъ городскихъ стѣнъ, проходя мимо древняго, разрушеннаго землетрясеніемъ храма въ честь египетской богини Изиды, Якинлу остановился, какъ пораженный громомъ или какъ встрѣтившій на своемъ пути грозный призракъ: надъ пыльною дорогою, извивающеюся среди мшистыхъ стѣнъ, на грудѣ развалинъ стоялъ, словно изваяніе, «отшельникъ съ горы Кармэль» съ посохомъ въ рукахъ.

Легкій вѣтеръ развѣвалъ его сѣдую бороду и шевелилъ тяжелыя складки свѣтлой одежды, облекавшей его могучее бронзовое тѣло.

Казалось, вся жизнь старика сосредоточилась въ его орлиныхъ глазахъ.

— Куда идете вы, воины Фалеса? — прозвучалъ его металлическій голосъ.

— Какое дѣло тебѣ, нищій? — гнѣвно отозвался Якинлу, сожалѣвшій только о томъ, что подъ руками у него и у его воиновъ нѣтъ ни лука ни пращи для расправы съ отшельникомъ.

— Вы ведете въ Башню Молчанія новую жертву? — задалъ вопросъ старикъ. И, не дождавшись отвѣта, продолжалъ:

— Берегись, Якинлу, гнусный трусливый пестъ, называющій себя тигромъ!

«Въ полночь, наблюдая звѣзды, я видѣлъ, какъ закатились, упали въ бездну три кровавыя звѣзды, твоя, Фалеса и Гезавэлли, кровожадной гизны!

— Будь ты проклятъ, бродяга! — крикнулъ, потрясая мечомъ, Якинлу.

Не обращая вниманія на его ругательства, отшельникъ продолжалъ, поднявъ свой жезлъ и грозя имъ воинамъ:

— Я видѣлъ сонъ этою ночью, вѣщій сонъ, страшный сонъ! Башня Молчанія поглотила на моихъ глазахъ двѣнадцать воиновъ царя и приведшаго ихъ вожда. И тотъ вожда былъ Якинлу, и тѣ воины были вы!

— Убейте его! — крикнулъ виѣ себя Якинлу, порываясь къ развалинамъ, на которыхъ стояла грозная фигура отшельника.

Но раньше, чѣмъ воины добѣжали до развалинъ, старикъ исчезъ, словно призракъ... И только откуда-то издали донесся его глухой голосъ:

— Влизится гибель кровожадныхъ псовъ, осквернившихъ святую землю царственного Тира! Проклятье припшельцамъ! Трижды проклятье!

Убѣдившись, что поиски отшельника бесполезны, Якинлу отдалъ своимъ воинамъ приказъ идти дальше. Черезъ полчаса отрядъ былъ уже у подножія грозной Башни Молчанія.

При приближеніи людей съ верхушки башни, гдѣ кончалась наружная лѣстница, прозванная въ народѣ лѣстницею «Послѣднихъ Вздоховъ», сорвалось около полусотни огромныхъ коршуновъ, обжирателей труповъ. Огромныя птицы со зловѣщимъ клекотомъ кружились

надъ угрюмою башнею, налетали другъ на друга, будто оспаривая добычу, почти падали на раскаленные пески у подножія башни, потомъ опять взмывали въ небо.

— Стой! — скомандовалъ воинамъ Якинлу. — Вы расположитесь здѣсь и будете сторожить, чтобы ни одна живая душа не осмѣлилась проникнуть къ ступенямъ лѣстницы. Кто подойдетъ, именемъ владыки приказываю вамъ закалывать, рубить въ куски.

«Если появится этотъ черный воронъ, бродяга, отшельникъ съ горы Кармэлъ, десять золотыхъ колецъ тому, кто первый нанесетъ ему ударъ! И еще десять колецъ тому, кто принесетъ мнѣ его голову, и недѣля отпуска!

Потомъ, обратившись къ блѣдной, какъ полотно, дѣвушкѣ, онъ сказалъ ей грубо:

— Идемъ же!

И они начали подниматься по крутымъ каменнымъ ступенямъ лѣстницы «Послѣднихъ Вздоховъ».

Лѣстница заканчивалась площадкою, украшенною четырьмя столбами и повисшею надъ колодцемъ, образованнымъ циклопически толстыми стѣнами Башни Молчанія.

Илиссъ съ замираніемъ сердца заглянула внизъ: у нея кружилась голова и мелькало въ глазахъ. Чтобы не упасть въ бездну, дѣвушка была вынуждена прислониться къ колоннѣ.

Якинлу увидѣлъ волненіе, охватившее Илиссъ, и злорадно засмѣялся.

— Страшно? — сказалъ онъ, кладя свою руку на ея нѣжное плечо. — Да, да, прекрасная малютка, воистину, страшное это мѣсто!

«Страшно глядѣть отсюда, но... Но каково же тамъ, внизу?»

— Н-ничего! — черезъ силу вымолвила Илиссъ поблѣвшими губами. — Я ничего не боюсь.

— Да, да, ничего, ничего! — подхватилъ, смѣясь, Якинлу. — Развѣ я говорю что-нибудь? О, боги! Зачѣмъ тебѣ красавица, бояться? Незачѣмъ, рѣшительно незачѣмъ!

«Вотъ виситъ канатъ, по которому ты спустишься туда, въ пѣдра Башни Молчанія, чтобы тамъ искать перстень

Азерима, похищенный имъ изъ сокровищницы великаго Хирама.

«И тамъ, на днѣ башни, ты увидишь столько интереснаго!

«Тамъ бѣгаютъ по влажнымъ стѣнамъ огромные мохнатыя черныя пауки и ползаютъ скалопендры, тысяченогія гадины...

«Тамъ подъ камнями ютятся ядовитыя черныя скорпионы и роями посяютъ гнусныя пожирательницы разлагающагося мяса, зеленныя мухи...

«И тамъ такъ прохладно, такъ темно, какъ... какъ въ могилѣ!

«Ну, что же? Иди, спускайся въ могилу Азерима и присныхъ его, гордая дочь Маттана! И не бойся ничего!

Полными ужаса глазами взглянула опять внизъ Илессъ, потомъ поглядѣла на голубое небо. Въ этомъ небѣ съ хрипыми криками, описывая широкіе круги, носились проклятыя коршуны, пожирательницы труповъ...

А Якинлу продолжалъ издѣваться надъ Илессъ.

— Ты будешь тамъ въ хорошей компаніи, красавица! — продолжалъ онъ, злобно смѣясь. — Въ достойной тебя компаніи будешь ты тамъ, красавица, гордая роза Финикій.

«Азеримъ и его два наперника Хагъ Старшій и Хагъ Младшій. И еще кое-кто...

«Правда, они лѣтъ десять назадъ уже обратились въ скелеты, но что за бѣда?

«Они такъ обрадуются, увидѣвъ тебя!

— Замолчи!

— Почему я долженъ молчать? — удивился шпионъ. — Во имя чего я долженъ положить печать молчанія на мои уста?

«Ты не хотѣла слушать другихъ моихъ рѣчей, такъ слушай же эти, хотя онѣ не нравятся тебѣ, гордая дочь осужденнаго на гибель Тира, тирская роза, какъ называетъ тебя глупая чернь!

Помолчавъ немного, Якинлу вымолвилъ измѣнившимся голосомъ:

— Слушай! Не будь безумною!

«Тебѣ не найти перстня Хирама! Слышишь?

«Ты вернешься оттуда, изъ нѣдръ Башни Молчанія, съ пустыми руками!

«Твое «испытаніе» это простая ловушка, подстроенная тебѣ Фалесомъ, или, правильнѣе, ненавидящею тебя Іезавѣлью.

«Итакъ, ты вернешься изъ Башни Молчанія съ пустыми руками, если только не погибнешь тамъ отъ укусовъ ядовитыхъ тарантуловъ и тысяченожекъ!

— Берегись, Якинлу, гнусный, трусливый песъ, называющій себя тигромъ!

«И съ пустыми руками придешь ты въ храмъ Ваала-Молоха, гдѣ рдѣтъ уже Бронзовый Быкъ, ожидающій момента, чтобы пожрать Мирбала!

«Внимай же, въ послѣдній разъ говорю тебѣ—внимай мнѣ, Илессъ! Приносимая тобою жертва напрасна: ты не спасешь Мирбала и сама погибнешь!

«Но въ моемъ сердцѣ есть еще жалость по отношенію къ тебѣ: довѣрься мнѣ, и я спасу тебя!

— И какую цѣною заплачу я за свое спасеніе тебѣ, о, великодушный и благо-

родный «Царскій Тигръ»? — оправившись, улыбнулась Илессъ.

Не замѣчая насмѣшки, сквозившей въ словахъ дѣвушки, шпионъ вымолвилъ хриплымъ голосомъ:

— Въ Тирѣ не сегодня, такъ завтра начнется кровавая сумятица, въ которой сломаютъ головы и Фалесъ, и Іезавэлъ, и всѣ близкіе къ нимъ! Мое чутье не обманываетъ меня!

«Я собралъ всѣ мои драгоценности, я все приготовилъ для бѣгства. Въ гавани стоитъ окрашенная въ зеленый цвѣтъ галера, носящая имя «Лотосъ». Въ ней сидятъ умѣющіе молчать гребцы, нубійскіе рабы, у нихъ вырѣзаны языки и они научены повиновенью плетью надсмотрщиковъ. Всѣ мои богатства погружены въ эту галеру. Она легка, она быстра, какъ весенній вѣтеръ.

«Скажи только одно слово, что ты станешь моею женою, и прямо отсюда мы отправимся не въ храмъ Ваала, а въ гавань, и къ вечеру будемъ такъ далеко, что ни одна трирема Фалеса не нагонитъ насъ.

«На сѣверѣ есть много острововъ, прекрасныхъ, какъ рай земной. Туда уплывемъ мы съ тобою, чтобы начать новую жизнь, Илессъ!

«Что же ты молчишь?

— Будь ты проклятъ, исчадіе ада! — крикнула ему въ лицо дѣвушка и рѣшительно схватилась за висѣвшій надъ мрачнымъ колодцемъ канатъ.

— Такъ погибай же! — отвѣтилъ ей Якинлу.

V.

Илессъ была такъ взволнована, что не помнила себя, спускаясь внутрь Башни Молчанія по спущенному съ верхней площадки канату съ узлами.

Собственно говоря, было чудомъ, что дѣвушка не сорвалась съ каната, терзавшаго ея нѣжныя руки, и не упала съ страшной высоты на дно колодца. Но инстинктъ самосохраненія работалъ въ ея душѣ, и она цѣпко держалась за канатъ.

По временамъ, почувствовавъ подъ ногами узелъ, она отдыхала нѣсколько мгновений, переводила духъ, и потомъ опять ползла внизъ, стараясь не гля-

дѣть ни внизъ ни вверхъ, чтобы не поддаться мучительному головокруженію.

Тогда она устремляла свой взоръ на угрюмыя стѣны Башни Молчанія.

Странныя картины представлялись очамъ Илессъ: стѣны Могила Живыхъ были сложены то изъ массивныхъ каменныхъ плитъ, испещренныхъ какими-то надписями, покрытыхъ скульптурными изображеніями, то изъ толстыхъ бревенъ ливанскаго кедра, изъ дерева, крѣпкаго, какъ бронза, то изъ кусковъ разноцвѣтнаго мрамора.

Здѣсь и тамъ въ стѣнахъ виднѣлись какъ будто выступы и впадины, словно балконы и ниши.

Илессъ вспомнила слухи, ходившіе въ народѣ, что Башня Молчанія—это настоящій улей, въ которомъ имѣется нѣсколько сотъ различныхъ потайныхъ помѣщеній.

И чудилось злополучной невѣстѣ осужденнаго на ужасную казнь Мирбала, что этотъ странный лабиринтъ населенъ, что въ стѣнахъ его ютятся люди, что они смѣются, поютъ, переговариваются, что они слѣдятъ за каждымъ движеніемъ пришельцы то съ сочувствіемъ, то съ злорадствомъ.

Но все темнѣе и темнѣе дѣлается вокругъ Илессъ по мѣрѣ того, какъ она приближается къ дну колодца. Все смутнѣе и смутнѣе видитъ ея взоръ рельефныя изображенія на стѣнахъ.

Все душнѣе становится воздухъ...

И вотъ нога дѣвушки коснулась почвы: Илессъ находилась уже на днѣ колодца внутри ужасной Башни Молчанія.

Взглянула она наверхъ: словно изъ пропасти видитъ она клочокъ неба. И это небо кажется темнымъ, и Илессъ видны свѣтлыя точки на темномъ фонѣ. Не сразу сообразила она, что это звѣзды.

И, сообразивъ, испугалась: развѣ уже наступила ночь, темная ночь?

Нѣтъ, нѣтъ!

Этого быть не можетъ!

Спускъ продолжался всего нѣсколько минутъ. А когда отрядъ воиновъ Якинлу пришелъ къ подножью Башни Молчанія, былъ полдень...

Просто, это видны звѣзды дневного неба, потому что стѣны башни образуютъ родъ огромной трубы. Если спуститься днемъ въ достаточно глубокий колодезь, всегда можно различить звѣзды...

«Но зачѣмъ я тутъ? — сонно думала Илессъ.

«Ахъ, да!

«Я должна отыскать кольцо Хирама, похищенное Азеримомъ!

«Но какимъ образомъ отыскать это кольцо?!

«Кто скажетъ, кто научить меня?»

Тоскливо озиралась вокругъ Илессъ, не смѣя отойти въ сторону отъ каната, казавшагося ей послѣднею связью съ живымъ міромъ.

Азеримъ былъ схваченъ во время сна, потомъ на канатѣ, вотъ на такомъ же самомъ, спущенъ на дно Башни Молчанія клеветами Фалеса.

У него не отняли его одѣяній, но, разубѣтся, взяли его оружіе, всѣ его драгоценности.

Неужели же враги свергнутого владыки Тира могли оставить въ рукахъ Азерима такую драгоценность, какъ кольцо Хирама?

Но, съ другой стороны, всѣ говорятъ, что въ моментъ ареста кольцо было на пальцѣ правой руки Азерима и исчезло таинственнымъ образомъ. Поговаривали, будто онъ проглотилъ его, этотъ талисманъ. Гдѣ же оно?

Илессъ сдѣлала шагъ, другой. Что-то затрещало, захрустѣло подъ ея легкою стопою. Дѣвушка наклонилась и увидѣла, что ея ноги попираютъ хрупкія бѣлыя кости человѣческаго скелета.

Большой черепъ насмѣшливо заглянулъ ей въ лицо своими пустыми глазами въ впадинахъ, оскаливъ выпятившіеся впередъ желтые зубы.

Съ содроганьемъ Илессъ отпрянула отъ скелета, потревоженного ея стопою, въ сторону, но и тутъ опять наткнулась на скелетъ, даже на два скелета, лежавшіе, прислонясь къ стѣнѣ, рядомъ.

Сердце забилось съ неудержимою силою, потомъ замерло. Кровавые круги поплыли передъ глазами, руки и ноги сразу налились тяжестью, словно свинцомъ.

Дѣвушка сама не знала, сколько времени она простояла въ состояніи полного оцѣпенѣнія, столбняка.

Но въ ея прекрасномъ тѣлѣ жила столь же прекрасная, гордая душа дочери сильнаго, воинственнаго, полного неукротимой энергіи и могучихъ страстей племени, — того племени, которому суждено было послужить связующимъ звеномъ между вымершею древнею, доисторическою культурою и культурою новыхъ временъ, историческаго періода господства на землѣ бѣлой расы.

И скоро Илессъ оправилась отъ своего страха.

Теперь она, правда, все еще содрогаясь отъ волноу пробѣгавшаго по ея тѣлу ужаса, по временамъ въ изнеможеніи закрывая прекрасныя очи, понемногу стала изучать окружающее.

Что ее особенно страшило, — это боязнь встрѣтиться съ одною изъ тѣхъ гадинъ, о которыхъ столько говорилъ ей Якинлу: съ скалопендрами, ядовитыми, какъ змѣй пустыни, съ мохнатыми тарантулами или съ какою-нибудь еще иною опасною и противною пресмыкающеюся тварью.

Но пока что, ни скорпіоновъ ни тысяченожекъ не было видно и слѣда.

Да, подъ ногами Илессъ валялись въ беспорядкѣ человѣческія кости. Но ихъ присутствіе не очень теперь пугало Илессъ, разъ она сколько-нибудь освоилась съ ихъ видомъ.

О боги!

Развѣ обитатели Тира не приучили ее къ подобнымъ сценамъ?

Развѣ на улицахъ города не валялись частенько трупы засѣченныхъ за какія-нибудь провинности рабовъ? Развѣ кругомъ города не стояли высокіе деревянные столбы, на которыхъ по недѣлямъ висѣли трупы притворженныхъ за руки и ноги плѣнныхъ пиратовъ?

Развѣ не всенародно разъ въ недѣлю совершались на рынкѣ казни фальшивомонетчиковъ, которымъ въ ротъ вливали расплавленный свинецъ?

Правда, самъ Маттанъ отличался мягкостью характера, и въ его домѣ, на его фабрикѣ особенно дикихъ сценъ не происходило и кровавыя расправы не допускались.

Но Маттанъ жилъ съ дочерью не на необитаемомъ островѣ, и очи Илессъ привыкли къ кровавымъ зрѣлищамъ...

Теперь ей сдѣлалось стыдно своего страха при видѣ скелетовъ. Она смѣло подошла къ одному изъ нихъ.

Это былъ скелетъ, повидимому, высокаго и могуче сложенного человѣка съ необычайно толстыми костями. Кости лежали грудю, полуприкрытыя обрывками тяжелой цвѣтной ткани.

Не безъ отвращенія Илессъ шевельнула ногою грудю тряпокъ, опасаясь, что оттуда выползетъ какая-нибудь ядовитая тварь.

Но только пара быстрыхъ голубоватыхъ ящерицъ, спугнутыхъ появленіемъ живого человѣка въ этомъ царствѣ смерти, метнулась изъ-подъ тряпья. И ящерицы сейчасъ же исчезли, забившись въ ближайшую щель.

Что-то тускло блеснуло рядомъ съ толстою берцовою костью скелета великана. Илессъ нагнулась, подняла блестящій предметъ. Это былъ амулетъ въ видѣ щитка, выкованный изъ золота.

Еще разъ тронула Илессъ кончикомъ туфельки тряпки—оттуда выкатился массивный золотой браслетъ. И, поднявъ его, Илессъ прочла на немъ надпись:

— Я принадлежу господину моему, великому, непобѣдимому Хагу, вождю.

Прочитавъ эту надпись, дѣвушка мгновенно вспомнила о цѣли, ради достиженія которой она пришла сюда:

— Надо, во что бы то ни стало я должна отыскать среди груды истлѣвшихъ костей погубленныхъ здѣсь Фалесомъ несчастныхъ кольцо Хирама.

«Но если оно только существуетъ, оно должно находиться возлѣ трупа Азерима.

«Который же изъ множества скелетовъ, лежащихъ на днѣ колодца Вашни Молчанія, принадлежитъ злополучному Азериму?»

Осмотрѣвъ болѣе или менѣе внимательно нѣсколько отдѣльныхъ грудъ костей, Илессъ нашла еще нѣсколько драгоценныхъ предметовъ, какъ-то: печатку съ изображеніемъ цвѣтка лиліи, золотую цѣпь, ручку сломаннаго кинжала, украшенную самоцвѣтными камнями.

Но это все было не то, чего она такъ страстно искала: не было и слѣда кольца Хирама, волшебнаго перстня, обладаніе которымъ могло дать дѣвушкѣ средство для спасенія Мирбала!

Въ отчаяніи Илессъ опустила на холодную каменную плиту пола рядомъ съ тремя или четырьмя черепами, и горько заплакала.

— Илессъ! — донесся въ это время сверху голосъ Якинлу. — Гдѣ ты, Илессъ? Или тебя уже убили ядовитыя гадины, ползающія тамъ, внизу? Откликнись, Илессъ!

«Или, можетъ-быть, ты уже нашла тайные выходы Азерима и сбѣжала? Ха-ха-ха!»

Негодяй отлично видѣлъ своими зоркими хищными очами каждое движеніе беззащитной жертвы, и издѣвался надъ дѣвушкою.

Но его издѣвательства имѣли какъ разъ обратное дѣйствіе: Илессъ воспрянула духомъ и вскочила.

— Торопись, Илессъ! — злобно насмѣшливо кричалъ Якинлу. — Торопись, моя нѣжная роза, моя гордая лилія!

«Часы летятъ, день угасаетъ, близка ночь, а на закатѣ солнца твой избранникъ обратится въ кучку пепла, который будетъ брошенъ жрецами Ваала Молоха въ воды моря...

«Торопись же, моя кроткая голубка, моя красотка!

— Боги да покараютъ тебя, шакаль! — сквозь зубы пробормотала Илессъ. — Если бы я могла, я бы пронзила твое черное сердце моимъ стилетомъ безъ раздумья, безъ содроганья, и глядѣла бы, какъ ты, змѣя, извиваешься въ предсмертныхъ судорогахъ!

И опять Илессъ принялась за странные поиски.

— Кольцо! — воскликнула она, нагибаясь и поднимая небольшое гладкое золотое колечко.

Но минутная радость сейчасъ же смѣнилась горькимъ разочарованіемъ, потому что на кольцо явственно была видна надпись:

— Иза, супруга Кхіаса, дочь Хига. Это кольцо валялось возлѣ груды самыхъ тонкихъ и мелкихъ костей, и

Илиссъ поняла, что это скелетъ Изы, дочери Хага. Старшаго, умерщвленной Фалесомъ одновременно съ отцомъ.

Прошло еще около получаса.

Все это время Илиссъ терпѣливо, превозмогая свое отвращеніе, рылась въ грудахъ костей и среди истлѣвшихъ, расползавшихся подъ ея пальцами тряпокъ одѣяній жертвъ Башни Молчанія, ища драгоценное кольцо Хирама, исчезнувшее вмѣстѣ съ Азеримомъ.

Все, что дѣвушка находила, она откладывала въ сторону, чтобы потомъ тщательно пересмотрѣть.

— Еще кольцо! — пробормотала она.

На этотъ разъ ей подвернулось лежавшее въ скважинѣ между двухъ каменныхъ плитъ пола массивное мужское кольцо, скорѣе похожее на дѣтскій браслетъ.

Надписи на кольцѣ никакой не было, но, присмотрѣвшись, Илиссъ разглядела явственно изображеніе льва съ одной стороны и змѣи съ другой.

Еще десять, пятнадцать минутъ рылась Илиссъ съ отчаяніемъ въ душѣ, теряя послѣднія искорки надежды на успѣхъ.

И вдругъ словно молотомъ ударило ей въ виски: на свѣтлыхъ крыльяхъ изъ рая прилетѣла птичка, имя которой надежда, и крикнула въ уши Илиссъ вѣщія, небесною музыкою прозвучавшія слова:

— Да вѣдь ты нашла, уже давно нашла перстень Хирама!

«Левъ и змѣя.

«Змѣя и левъ.

«Символь силы, крѣпости, могущества и символъ мудрости, знанія, хитрости!

«Развѣ не Хирама древнія надписи на сооруженныхъ имъ храмахъ и монументахъ называютъ Могучимъ Львомъ и Мудрымъ Змѣемъ?

«Развѣ не изображены были левъ и змѣя на его царскомъ щитѣ?

«И перстень, на которомъ имѣются эти изображенія, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только священнымъ перстнемъ, талисманомъ Хирама!

Илиссъ приостановилась, задумалась, стараясь вспомнить, гдѣ именно нашла она этотъ перстень.

— Вспомнила! — вырвалось изъ ея устъ.

«Перстень лежалъ не на полу, а на крошечномъ каменномъ выступѣ въ разстояніи двухъ-трехъ вершковъ отъ полу. И возлѣ этого выступа лежали кости, прикрытыя обрывками изъ истлѣвшей, но, все же отсвѣчивавшей алымъ цвѣтомъ ткани.

«Но пурпурная одежда—это принадлежность людей, относящихся къ царственному роду Тира.

Илиссъ нагнулась и подняла блестящій предметъ.

«Ни Хагъ, ни Иза, никто изъ другихъ жертвъ Башни Молчанія не былъ царскаго рода, кромѣ Азерима!

«Это его скелетъ, значитъ, лежалъ тутъ!

«Передъ смертью, наступившею, должно-быть, много позже, отъ голода и жажды, Азеримъ положилъ чудесно сохраненный перстень на камень, и умеръ, вѣроятно, глядя тускнѣющимъ взоромъ на вѣщій талисманъ...

— Якину! — крикнула Илиссъ. — Якину! Я нашла перстень! Я отыскала талисманъ Хирама!

«Подними же меня, Якинлу! Ради всего святого подними меня!

«Я должна поспѣшить въ Тиръ, чтобы спасти моего повелителя, моего Мирбала!

Но голосъ Илессъ умиралъ, разбиваясь о холодные камни стѣнъ Башни Молчанія: никто не отзывался сверху, и на висѣвшей надъ колодцемъ площадкѣ не показывалась человѣческая тѣнь.

— Якинлу, о, Якинлу! — звывала въ отчаяніи Илессъ.

Она заматалась по дну колодца, топчя, раздавливая хрупкія кости скелетовъ. И ея свободныя, широкія одѣянія развѣвались за нею, словно фантастическія крылья огромной экзотической бабочки.

— Якинлу-у-у! О, отзовись, Якинлу!

Не дождавшись отвѣта, Илессъ смолкла. Потомъ съ энергіею отчаянія она ринулась къ концу каната, свѣсившагося съ верхней площадки, и схватилась за этотъ канатъ: вѣдь по немъ можно было подняться навверхъ, какъ можно было спуститься внизъ! На канатѣ есть узлы, облегчающіе подъемъ. Опираясь на эти узлы, можно отдыхать отъ времени до времени, переводить дыханье!

И дѣвушка, сунувъ драгоценное священное кольцо Хирама за пазуху, ползла вверхъ по канату.

Труденъ, неимоверно труденъ былъ подъемъ: узлы оказывались расположенными далеко одинъ отъ другого, и когда удавалось добраться до узла, силы были близки къ истощенію, руки и ноги дрожали, сердце колотилось, словно плѣнная птичка о стѣнки клѣтки..

Но все же шагъ за шагомъ Илессъ преодолевала всѣ препятствія и поднималась все выше и выше.

И по мѣрѣ того, какъ близилась она къ вершинѣ башни, къ свѣту радостнаго дня, къ жизни,—все большая и большая радость охватывала ея измученную истерзанную душу.

Еще семь, восемь «ку»—финикійская мѣра, равная средней длинѣ человѣческаго тѣла. И тамъ—площадка, спасительная площадка.

И вдругъ сердце Илессъ, переполненное радостью, похолодѣло, почти перестало биться, а глаза застлалъ сѣрый туманъ: дальше она не могла подняться ни на одну пядь!

— Якинлу, о, Якинлу!—стономъ вырвалось изъ ея груди.—Шакаль, подлый, грязный червь, демонъ!

Вся верхняя часть каната оказывалась начисто лишенною узловъ, при помощи которыхъ было возможно подниматься безъ особаго труда. Мало того, руки Илессъ теперь безпомощно скользили по канату, сползали внизъ при малѣйшей попыткѣ удержаться на канатѣ, ибо предатель Якинлу обильно смазалъ жидкимъ оливковымъ масломъ пряди каната, и онъ, канатъ, сдѣлался скользкимъ, какъ чешуя рыбы, какъ шкура угря или змѣи.

— Якинлу! Предатель! Убійца!—обезумѣвъ отъ ярости, кричала Илессъ.

Но отвѣтомъ ей былъ только клочокъ коршуновъ, описывавшихъ широкіе круги въ поднебесьи.

Коршуны видѣли Илессъ. Коршуны слышали ея отчаянный зовъ и, должно-быть, ликовали: они знали, что дѣвушка достанется имъ въ добычу. Они скликали своихъ товарищей на готовящееся пиршество.

Силы покинули несчастную «розу Тира», и Илессъ, рыдая какъ ребенокъ, снова сползла по канату внизъ, на дно колодца.

Теперь она знала, что все погибло.

Ей осталось только ожидать прихода смерти, избавляющей отъ всѣхъ мученій, и она рѣшила не трогаться съ мѣста, пока не придетъ къ ней смерть.

И вдругъ до слуха Илессъ долетѣлъ какой-то звукъ: ей показалось, что она слышитъ скрипъ камня, ползущаго по камню.

Или это ящерицы, переговариваясь другъ съ другомъ, выпускаютъ эти странные звуки? Или заговорили насмѣшливо скалящіе свои зубы черепа?

— Илессъ! Ты здѣсь, Илессъ?—послышался сзади дѣвушки тихій голосъ.

«Я умираю! — мелькнула мысль въ головѣ нашей героини.—Мною овладѣли уже предсмертныя грезы. Я брежу!»

— Илессь! Да отзовись же, дитя!— снова и болѣе настойчиво послышался тотъ же голосъ.

Илессь не выдержала и съ легкимъ крикомъ испуга вскочила съ полу. Какой-то подвернувшійся ей подъ ноги черепъ съ характернымъ сухимъ трескомъ откатился къ стѣчѣ и ударился звонко о холодный камень.

— Не пугайся! Я пришелъ къ тебѣ на помощь!—разслышала до полусмерти испуганная Илессь.—Не поднимай крика, чтобы не поднять тревоги среди воиновъ Фалеса, сторожащихъ Башню Молчанія,—продолжалъ успокаивать ее таинственный голосъ.

— Кто ты? Гдѣ ты?—дрожа всѣмъ тѣломъ, освѣдомилась Илессь, озираясь вокругъ полными дикаго страха очами.

— Я тотъ, кто позабылъ свое имя,—послѣдовалъ спокойный отвѣтъ.—Но ты знала меня, какъ друга! Я—отшельникъ съ горы Кармэль, другъ тебѣ и другъ Мирбалу! Сожалѣю, что раньше мнѣ не удавалось пробраться сюда, но тогда солдаты проклятой ливійской гѣны, этого Якинлу, сторожили слишкомъ усердно! Теперь они занялись игрою въ кости, и я здѣсь.

— Но гдѣ же ты?

— Сейчас увидишь.

Опять послышался странный скрипъ ползущаго камня, и передъ очами изумленной дѣвушки зазіяла темная дыра въ совершенно гладкой стѣнѣ башни. Черезъ мгновенье въ этомъ черномъ отверстіи показалась фигура таинственнаго жреца, отшельника съ горы Кармэль.

— Ты выведешь меня на свободу?—бросилась къ нему Илессь, протягивая отшельнику руку, въ которой блестяло золотое кольцо.—Я нашла, я отыскала здѣсь священный талисманъ!

— Кольцо Хирама?—удивился старикъ.

— Да, да, вотъ оно! Смотри! Вотъ изображеніе льва, вотъ изображеніе змѣи! Правда же, это перстень славнаго Хирама? О боги!

«Выведи, о, выведи же меня изъ этой могилы! Я должна торопиться, я должна бѣжать въ городъ, чтобы злодѣи не сожгли въ утробѣ кроваваднаго Брон-

зоваго Быка моего господина, моего Мирбала, избраннаго моимъ сердцемъ!

— Не торопись, дитя!—засмѣялся жрецъ.—До вечера еще далеко, времени много!

— Но Мирбаль такъ страдаетъ ожидая казни!

— Я былъ тайкомъ въ храмѣ Ваала, я видѣлъ твоего друга!—успокоилъ пылкую дѣвушку жрецъ.—Да, онъ страдаетъ, но онъ—мужъ. Въ его жилахъ течетъ гордая кровь, онъ настоящій потомокъ Хирама, и онъ ни единымъ движеніемъ не выдаетъ волнующихъ его мыслей!

«Онъ подождетъ еще лишнихъ полчаса! Мнѣ необходимо раньше свести одинъ старый счетъ!

Голосъ старика зазвучалъ холоднымъ гнѣвомъ, въ глазахъ блеснулъ мрачный огонь.

— Что хочешь дѣлать ты?—со страхомъ спросила его Илессь.

— Уничтожить злѣйшихъ враговъ Тира, весь отрядъ Якинлу и его самого! О немъ я говорить не буду: ты знаешь, кто и что онъ! Но ты, можетъ-быть, не знаешь еще, что его люди достойны своего вождя!

«Нѣтъ такого ужаснаго злодѣйства, на которое они не были бы способны! Нѣтъ такого грѣха, которымъ не были бы осквернены ихъ темныя души!

— Но, отшельникъ, ты же не можешь справиться съ цѣлымъ отрядомъ вооруженныхъ воиновъ?—изумленно воскликнула Илессь.

Въ отвѣтъ жрецъ засмѣялся.

— Иди за мною!—сказалъ онъ повелительно, и потянулъ Илессь въ темный коридоръ, открывшійся въ стѣнѣ Башни Молчанія.

Какъ въ навѣянномъ чарамъ снѣ, молча шла за старикомъ Илессь, почти не сознавая, гдѣ она, что съ нею: счастье вновь обрѣсти надежду на спасеніе отъ гибели, отъ смерти въ грозной башнѣ Азерима, и счастье надѣяться на спасеніе любимаго человѣка,—все это нахлынуло мощною волною на душу дѣвушки и закружило и затуманило эту усталую, измученную душу, пережившую за послѣдніе дни столько потрясеній, подвергнувшуюся столькимъ ужаснымъ испытаніямъ.

— Какъ здѣсь темно!—бормотала соннымъ голосомъ дѣвушка.

— Ничего, ничего!—успокаивалъ ее отшельникъ.—Держись за полу моего плаща, иди спокойно! Тебѣ нечего бояться, покуда ты со мною, а я не покину тебя! Я полюбилъ тебя, какъ мое собственное дитя!

— Развѣ ты такъ давно знаешь меня?—невольно улыбнулась Илессъ во тьмѣ.

— Гораздо больше времени, чѣмъ ты думаешь!—отвѣтилъ отшельникъ.—Знаешь, съ какихъ поръ ты запечатлѣлась въ моей душѣ, Илессъ?

«Это было въ тотъ годъ, въ тотъ день, когда Азеримъ велѣлъ истребить зодчихъ, построившихъ по его заказу Башню Молчанія. Тогда по улицамъ Тира однажды скитался человѣкъ, по пятамъ котораго гнались злобные псы,—ищейки Азерима, его наемники.

«Бѣглець былъ измученъ: онъ только что побывалъ въ жестокой схваткѣ, во время которой на его глазахъ были истреблены его товарищи, его друзья безжалостными убійцами.

«И самъ онъ погибалъ, потому что смертельно усталъ.

«И вотъ у порога одного богатаго дома бѣглець увидѣлъ стараго раба, продававшаго стеклянную и глиняную посуду. И рядомъ съ рабомъ, вся озаренная лучами заходящаго солнца, играла, сплетая вѣнокъ изъ цвѣтовъ, маленькая дѣвочка, ребенокъ съ ясными глазами.

«Къ рабу обратился бѣглець, моля его дать хоть глотокъ воды, чтобы освѣжиться, и кусокъ хлѣба, чтобы подкрѣпиться.

«Ребенокъ слышалъ разговоръ, задумался, потомъ побѣжалъ внутрь своего дома, вынесъ и подаль бѣглецу маисовую лепешку, намазанную медомъ, и кусокъ печеной рыбы, и кубокъ сладкаго и крѣпкаго вина, и еще гроздь винограда.

«Помнишь ли ты эту сцену, Илессъ?

«Тотъ рабъ былъ Асмуть, рабъ твоего отца Маттана. Тотъ бѣглець, голодный и измученный, былъ я, и тою дѣвочкою была ты, Илессъ!

— О боги!—невольно воскликнула Илессъ, въ душѣ которой сразу ярко

встало воспоминаніе о далекихъ дняхъ дѣтства.

«Такъ это былъ ты?—продолжала она взволнованно.—У тебя былъ изорванъ плащъ и правый рукавъ хитона окрашенъ кровью...

— Да, то былъ я!—отвѣтилъ столь же взволнованнымъ голосомъ старикъ.—И именно твоя помощь тогда спасла меня и дала мнѣ возможность, собравшись съ силами, уйти отъ преслѣдовавшихъ меня враговъ, отъ шпіоновъ Азерима! Съ того часа жизнь моя принадлежала тебѣ, и мысли мои всегда были съ тобою; я полюбилъ свѣтлоокую дѣвочку, дочь Маттана, какъ свою собственную дочь...

«Я спасся, и я бодрствовалъ, оберегая тебя. Много, много лѣтъ!

«Помнишь ли, какъ однажды ты съ рабынями отправилась на прогулку къ морю въ маленькой лодкѣ, и буря унесла лодку въ открытое море, и твои рабыни, растерявшись, только кричали и метались въ готовой наполниться водою и затонуть лодкѣ?

— Помню, помню! Но къ намъ на помощь на утломъ челнѣ приплылъ какой-то пожилый бородатый морякъ, и взявъ весла, и вывелъ лодку изъ яростныхъ волнъ. И когда я звала его въ домъ отца моего, чтобы онъ тамъ получилъ щедрую благодарность,—онъ, засмѣявшись, ушелъ...

— Это былъ я, Илессъ! Потому что и тогда, въ тотъ день, я бодрствовалъ, я оберегалъ твой покой и стерегъ твою жизнь отъ опасностей...

«И еще было одинъ разъ... Поздною ночью кто-то постучался въ двери дома отца твоего и поднялъ на ноги всѣхъ слугъ, предупредивъ, что шайка грабителей намѣревается въ полночь напасть на вашъ домъ, чтобы похитить Илессъ и продать ее въ рабство греческимъ пиратамъ! Это сдѣлалъ я!

«Видишь, Илессъ, какъ давно знаю я тебя, роза Тира, лилія страны пальмъ?

«Ты только мало обращала вниманія на меня и потому не могла узнать меня при нашей послѣдней встрѣчѣ!

— Но какъ ты могъ тогда прійти на помощь къ намъ?

— Вчера?

— Да. Откуда зналъ ты, что мнѣ грозитъ опасность?

— Я не зналъ, но я предчувствовалъ это! Видишь ли, когда пастухъ видитъ, какъ шакалъ шляется около входа въ долину, гдѣ пасутся его овечки, онъ не ждетъ, покуда хищники проникнуть въ загородку, а самъ садится въ засаду, чтобы подстеречь хищника.

«Уже нѣсколько недѣль я замѣчалъ, что проклятый «Царскій Тигръ», кровожадный и алчный Якинлу бродитъ вокругъ вашего дома, ищетъ возможности видѣть тебя, говорить съ тобою.

«Я зналъ, что онъ добивался твоей руки и что былъ отвергнуть тобою и твоимъ отцомъ, хотя онъ и пытался соблазнить Маттана богатыми дарами и запугать его своимъ могуществомъ, своимъ вліяніемъ на Фалеса.

«Все это зналъ я, и еще зналъ, что Якинлу на все способенъ, ни передъ чѣмъ не остановится, лишь бы или овладѣть тобою, или отомстить тебѣ и твоему отцу за оскорбленіе.

«И вотъ я тщательнѣе прежняго сторожилъ каждый шагъ шпіона.

«Вчера я видѣлъ, какъ Якинлу, крадучись, словно тигръ, пробрался въ жилище твоего отца. Я поспѣшилъ за нимъ, и, какъ ты сама знаешь, поспѣлъ во-время! Но—увы!—богамъ не было угодно, чтобы мнѣ легко и просто удалось избавить тебя и любимаго тобою человѣка отъ опасности! Боги хотѣли подвергнуть васъ обоихъ жестокимъ испытаніямъ, и Мирбалъ оказался въ рукахъ наемниковъ Фалеса.

«Но я не сѣтую на случившееся: пережитыя испытанія словно огнемъ закаляютъ ваши юныя души. Мирбалъ изъ мечтателя-юноши, спящаго съ открытыми глазами, превратился въ зрѣлаго мужа. Въ немъ загворитъ кровь его предка, грознаго врагамъ Хирама. И ты изъ беззаботнаго ребенка уже превратилась въ зрѣлую женщину, потому что испытаніе въ Башнѣ Молчанія не пройдетъ даромъ для тебя!

«За два дня вы оба пріобрѣли опытъ, который другимъ дается только годами тревожной жизни.

«Но оба вы юны душою и могучи тѣломъ, и вы перенесете это испытаніе,

и оно только сильнѣе, неразрывнѣе свяжетъ ваши души!

— Кажется, становится нѣсколько свѣтлѣе?—перебила слова своего покровителя Илессъ.

— Да. Сейчасъ мы поднимемся до того мѣста, гдѣ въ стѣнѣ Башни Молчанія есть небольшое отверстіе, своего рода оконце или отдушина. Потомъ, черезъ пятьдесятъ положихъ ступеней, будетъ еще одно такое. А тамъ... тамъ мы скоро будемъ у нашей цѣли!

— Постой! — вымолвила, пріостанавливаясь, Илессъ, пораженная только сейчасъ пришедшею въ голову мыслью.— Значитъ, ты знаешь тайный ходъ въ Башню Молчанія? И ты знаешь всѣ тайники ея? Ты снаружи проникъ сюда, и ты ходишь тутъ, во мглѣ, какъ у себя дома... Какимъ образомъ получилъ ты всѣ эти свѣдѣнія? Или ты раньше бывалъ тутъ?

— Я бывалъ тутъ, — отвѣтилъ старикъ, — когда здѣсь еще не было гордой и страшной Башни Молчанія! Я былъ тутъ, когда закладывали первый камень ея могучаго фундамента.

«И много мѣсяцевъ присутствовалъ я тутъ, глядя, какъ одинъ камень ложился на другой, чтобы образоватъ мощныя стѣны. И я зналъ, въ какомъ порядкѣ лягутъ эти камни, гдѣ въ неимовѣрно толстыхъ стѣнахъ остаются своего рода пазухи, образующія потайныя камеры для сокровищницъ Азерима, гдѣ въ толщѣ стѣнъ, словно ходъ, прорываемый въ землѣ червемъ, проходятъ узкіе коридоры!

— Но почему же ты зналъ все это? Какимъ образомъ? Вѣдь говорятъ же, что, кромѣ зодчихъ, которымъ Азеримъ поручилъ постройку Башни Молчанія, никто не зналъ ея тайнъ?

— Да. Такъ что же изъ этого?

— Но вѣдь всѣ зодчіе убиты предательски Азеримомъ!

— Не всѣ: одинъ вѣдь спасся бѣгствомъ!

— Но онъ пропалъ безъ вѣсти! Онъ или умеръ давно, или скитается гдѣ-то, въ далекихъ краяхъ, о которыхъ мнѣ рассказывалъ столько Мирбалъ, не смѣя, понятно, пок азаться на родинѣ

потому что здѣсь его постигла бы немедленно гибель!

— Не такъ-то просто!—засмѣялся старикъ.—Не такъ легко погубить Рахаза, дитя!

«Нѣтъ, онъ и не умеръ и не скитается на чужбинѣ!

«Правда, онъ первое время послѣ бѣгства скитался въ пустыняхъ, онъ жилъ на опаленныхъ зноемъ склонахъ горы Кармэль.

«Но потомъ онъ смѣло вернулся въ Тиръ подъ видомъ жреца-отшельника, и бродилъ по городу, никѣмъ не опознанный, и бродилъ по пескамъ, по скаламъ побережья, возлѣ этой башни, выстроенной имъ и его злополучными товарищами.

«Мало того,—Рахазъ, знавшій тайные входы и выходы Башни Молчанія, сотни, можетъ-быть, тысячи разъ проникалъ въ нѣдра этой Башни Смерти и по недѣлямъ жилъ въ тайникахъ ея, не боясь никакихъ преслѣдователей, не подвергаясь ни малѣйшей опасности!

«Поняла ли теперь ты, роза Тира, кто пришелъ тебѣ на помощь сегодня, съ кѣмъ идешь ты по тайникамъ угрюмага зданія Азерима, его мавзолея?

— Ты—Рахазъ, великій зодчій!—воскликнула Илиссъ, приостанавливаясь.

— Да, я Рахазъ!—отвѣтилъ старикъ, останавливаясь въ свою очередь.

Помолчавъ минуту, онъ вымолвилъ глухимъ голосомъ

— Но теперь это имя забыто, дитя! Теперь у меня другое имя! Хочешь знать его?

— Разумѣется.

— Мое имя—Местъ

«Но идемъ же, идемъ! Еще десять, двѣнадцать ступеней осталось!

И онъ повлекъ за собою ошеломленную дѣвушку.

Черезъ нѣсколько шаговъ снова посвѣтлѣлъ узкій темный коридоръ, въ которомъ они брели.

— Сюда, сюда!—показывалъ дорогу дѣвушкѣ старикъ.—Теперь нагнись, стань на колѣни, взгляни сюда! Что ты видишь, дитя?

— Боги! — воскликнула невольно Илиссъ.—Воины Фалеса! Отрядъ проклятаго Якинлу, шпиона!

— Да, это они! Посмотри еще разъ на нихъ, дитя! Какъ они веселы, какъ беззаботно звучать ихъ грубые голоса?!

«Кто бы подумалъ, что смерть уже простерла свои черныя крылья надъ ними и навѣваетъ имъ оцѣпенѣніе могилы...

— Какимъ образомъ, Рахазъ?

— Боги вооружили мою руку, дитя! Боги возложили на меня священную обязанность уничтожить этихъ кровожадныхъ псовъ Фалеса и ихъ вождя. Какъ? Ты сейчасъ увидишь это!

«Но я долженъ отвести тебя въ другое мѣсто, откуда тебѣ будетъ слышно каждое слово, произносимое этими шакалами, и будетъ видно каждое ихъ движеніе! Идемъ!

Опять, нѣсколько минутъ, то спускался, то поднимаясь, брели по узкимъ коридорамъ наши странники.

— Оставайся здѣсь и смотри сюда!—сказалъ Илиссъ старикъ, показывая ей щель въ стѣнѣ.

Прильнувъ глазами къ этой щели, Илиссъ разглядѣла, что сейчасъ она опять находится въ самомъ нижнемъ этажѣ башни, почти на уровнѣ съ землею.

Прямо противъ нея разстилалась небольшая каменистая площадка, украшенная парой колоннъ съ надписями, указывавшими, когда именно по приказанію Азерима была предпринята постройка Башни Молчанія.

Сейчасъ эта площадка, на которую спускалась каменная наружная лѣстница, вся была залита лучами заходящаго солнца.

Воины отряда Якинлу собрались тутъ, довольно небрежно сторожа лѣстницу, они знали, что ихъ вождь, самъ Якинлу, поднялся на лѣстницу, чтобы переговариваться съ находящеюся внутри Башни Молчанія плѣнницею, правильно, чтобы снова поиздѣваться надъ своею жертвою. И, оставаясь на свободѣ, солдаты предавались своему любимому занятію—метанью игральныхъ костей изъ бронзовой чаши.

— Слава Изидѣ, моей покровительницѣ!—разслышала явственно Илиссъ грубый хриплый голосъ одного изъ воиновъ,—по виду египтянина чистѣйшей крови.—Изида милостива сегодня

ко мнѣ! Я выиграю партію у тебя, эллинъ! Шесть значковъ! А съ прежними у меня сорокъ два, а у тебя только двадцать восемь!

— Проклятые! Мнѣ не везетъ сегодня въ игрѣ!—отозвался его противникъ, бородатый грекъ, беря изъ рукъ египтянина кубокъ и встряхивая кости.

— Играй же!

— Сейчасъ!

И онъ вытряхнулъ изъ кубка кости.

— Восемь!—крикнулъ кто-то изъ наблюдавшихъ за ходомъ игры воиновъ.— У грека тридцать шесть, у египтянина тридцать два!

— Ничего!—отозвался египтянинъ хладнокровно.—Я сейчасъ выброшу всѣ двѣнадцать очковъ! Смотрите! Считайте!

Почти вырвавъ кубокъ изъ рукъ эллина, египтянинъ выбросилъ на землю кости, которыя раскатились у его ногъ.

— Семь!—крикнулъ кто-то.

— Ложь! Одиннадцать!—гнѣвно отозвался египтянинъ.

— Какихъ одиннадцать?—Ты мошенничаешь! Ты перевернулъ эту костяшку! Тутъ была единица, а ты перевернулъ, и вышла та сторона, на которой пять точекъ!

— Я мошенничаю? Собака! Ты поплачешься мнѣ за это оскорбленіе!

— Что? Я поплачусь? Я?

— Да! Защищайся отъ моего меча!

— Разнимите ихъ! Они перерѣжутъ другъ другу глотки изъ-за игры!

— Получи!

— Не попалъ! Получи въ свою очередь! Что! Доволенъ ли ты, египетскій гиппопотамъ?

— Получи же теперь, эллинская ящерица!

— Опять мимо! А я тебѣ сдѣлаю маленькую зарубку на плечѣ на память!

Сверкали на солнцѣ мечи, нанося удары по блестящимъ латамъ соперниковъ, но не причиняя особаго вреда: въ сущности, это не было настоящимъ поединкомъ, потому что воины отряда тѣлохранителей были закованы съ головы до ногъ; и въ лучшемъ случаѣ одинъ ловкій фехтовальщикъ могъ лишь оглушить другого и свалить его на землю. Но чтобы прикончить упавшаго, надо было вонзить мечъ въ горло, тамъ, гдѣ

подъ подбородкомъ сходились завязки шлема. Для этого нужно было извѣстное время, а остальные товарищи, разумѣется, не допустили бы подобной расправы, ибо могли жестоко поплатиться за безучастное отношеніе къ убійству одного изъ царскихъ тѣлохранителей.

Враги скоро бросили свои мечи и щиты и схватились въ рукопашную.

Они нѣсколько мгновений стояли, упираясь мускулистыми ногами въ каменистую почву, топча злополучныя игральные кости, послужившія предлогомъ къ ссорѣ и поединку. Потомъ грекъ попытался къ самой стѣнѣ Башни Молчанія, прижимаемый сильнымъ египтяниномъ.

— Я раздавлю тебя, какъ пустой орѣхъ!—скрежеталъ зубами сынъ страны лотоса.

— Попробуй!—отвѣчалъ, задыхаясь въ медвѣжьихъ объятіяхъ, эллинъ. И, улучивъ моментъ, когда египтянинъ сдѣлалъ оплошное движеніе, толкнулъ его отъ себя съ такою силою, что тотъ не удержался на ногахъ и покатился на землю. Во мгновеніе ока грекъ, какъ кошка, бросился на поверженного соперника и сталъ награждать его ударами ногъ въ грудь.

Правда, все тѣло упавшаго воина было защищено тяжелыми латами, и особаго вреда толчки ногъ грека не могли принести, но все же удары были тяжеловѣсны, они раздавались, словно удары молота по мѣдному листу, и послѣ каждаго удара злополучный чернокожій воинъ громко вскрикивалъ отъ боли и ярости.

А окружающіе хохотали, и никто не думалъ итти на помощь къ египтянину и защищать его отъ разъяренного врага.

— Вотъ тебѣ, черепаха изъ Мамфиса!—вскрикивалъ грекъ, нанося ударъ за ударомъ поверженному сопернику.— Это тебѣ за то, что ты обозвалъ меня пустымъ орѣхомъ! А это прими за то, что ты осмѣлился мошенничать, бросая кости! А это тебѣ за то, что ты на прошлой недѣлѣ укралъ у меня все мое мѣсячное жалованье

Илиссъ наблюдала равнодушно и усталыми очами эту сцену. Драка полупья-

ныхъ воиновъ не могла ее интересовать уже въ силу того, что снова тревожныя мысли овладѣвали дѣвушкою: ее безпокоило казавшееся слишкомъ долгимъ отсутствіе Рахаза - Мстителя.

«Гдѣ же старикъ? — тоскливо думала дѣвушка, оглядываясь вокругъ и съ трудомъ различая только угрюмыя стѣны той «пазухи» въ стѣнѣ Башни Молчанія, куда онъ привелъ зачѣмъ-то Илессъ. — Хотя бы поскорѣе приходилъ онъ!

«Часы бѣгутъ, солнце быстро склоняется къ западу!

«Боги!

«Вѣдь дорого каждое мгновенье!

«Если мы не вернемся въ Тиръ до захода, Фалесъ исполнитъ свою угрозу, и Мирбалъ будетъ сожженъ въ утробѣ Бронзоваго Быка!»

Машинально дѣвушка вновь взглянула въ разсѣлину и увидѣла новую картину: драка прекратилась, борцовъ растащили въ разныя стороны. И теперь воины весело пируютъ, распивая вино, принесенное имъ къ подножью Башни Молчанія въ огромной глиняной амфорѣ.

VI.

— Славное вино! — вымолвилъ одинъ изъ воиновъ, опоражнивая солидной величины кубокъ однимъ духомъ и облизывая языкомъ омоченныя алымъ виномъ губы. — Я пилъ такое только тогда, когда однажды мы разграбили поселокъ обитателей каменистой Иберіи, тамъ, за моремъ! Но тогда мы, воины, пили и боялись, что вино иберійцевъ отравлено! Иберійцы — мстительный народъ, и способны на всякую гадость!

— А мнѣ это вино напомнило вина, которыя выдѣлываютъ наши поселенцы, осѣвшіе на островѣ Двухъ Городовъ, Капраимъ¹⁾! — отозвался другой. — Тамъ живутъ самыя красивыя женщины міра, клянусь богами!

— Да, и тамъ водятся самыя ядовитые комары въ мірѣ! — вмѣшался третій. — Когда я жилъ на Капраимѣ, я

положительно сходилъ съ ума отъ укусовъ этихъ проклятыхъ кровопійцевъ комаровъ! Странно, друзья, такая маленькая бестія, такое ничтожество, а обладаетъ такою силою! Воображаю, что было бы, если бы въ мірѣ водились комары величиною, ну, скажемъ, хоть съ лебеда или аиста!

«Вѣдь тогда людямъ житья не было бы на землѣ.

«Гигантскіе комары летали бы тучами по воздуху и гонялись бы за людьми, какъ теперь люди гоняются за кроликами! И, нагнавъ, всаживали бы свои ядовитыя жала въ людскія тѣла, убивали бы, я думаю, самого сильнаго челоуѣка въ нѣсколько минутъ, а потомъ выпивали бы ихъ кровь! Ъррь!

— Постой! Кто-то кричитъ сверху башни! — востепенулся побѣдитель египтянина, бородатый грекъ, въ свою очередь, только что опорожнившій кубокъ съ виномъ.

— Должно-быть, Якинлу издѣвается надъ плѣнницею! Славная дѣвочка, клянусь богами! Очень жаль, въ сущности, что ея судьбою распоряжается Якинлу!

— А тебѣ завидно?

— Разумѣется! Она мнѣ нравится! Она, видишь ли, напоминаетъ мнѣ одну плѣнницу, доставшуюся однажды мнѣ при раздѣлѣ добычи послѣ одного морского похода. Она была уроженкою греческаго архипелага. Тамъ тоже родятся красивыя женщины, могу вась увѣрить! Такія высокія, такія статныя... Съ огневыми очами, съ алыми устами... Если бы плѣнница досталась на мою долю, я былъ бы очень доволенъ. Наконецъ ее всегда можно послать на рынокъ, въ кварталы чужеземцевъ въ гавани, чтобы она зарабатывала, какъ знаетъ, деньги. А я сидѣлъ бы себѣ дома, попивалъ бы хорошее вино, игралъ бы на кифарѣ отъ нечего дѣлать. Когда моя рабыня возвращалась бы изъ города, я билъ бы ее бичомъ изъ кожи нильской лошади, чтобы внушить ей почтеніе ко мнѣ и отбить у нея охоту обманывать, обсчитывать меня, тратить мои деньги на покупку всякой дребедени, до которой столь падки женщины всѣхъ племенъ міра! Да, это было бы славное житье!

¹⁾ Древнее имя острова Капри, первыя челоуѣческія поселенія котораго приписываются легендою именно финикійцамъ.

— Ха-ха-ха!—захохотали варвары вокруг рассказчика.—Отъ такой жизни ты скоро распухъ бы, словно боровъ, и твое тѣло пропиталось бы виномъ, какъ губка, которую уронили въ амфору!

— А развѣ это плохо?—не смущаясь, отозвался воинъ.—Мнѣ надоѣло, признаться, трепаться на службѣ! Ни днемъ ни ночью покоя нѣту! Вьешь ноги, голодаешь, шлеешься по всему міру, а что толку?

«Напорешься гдѣ-нибудь на вражеское копьё или пронзятъ тебя отравленная стрѣла, и будутъ шакалы обгладывать твои косточки! А то еще хуже: попадешься, израненный, въ плѣнъ къ какимъ-нибудь свирѣпымъ дикарямъ, и тѣ обратятъ тебя во вьючное животное и будутъ колотить тебя бичами и палками, какъ лѣниваго мула или упрямаго осла!

— Да, наша жизнь не изъ сладкихъ!—позѣвывая, откликнулся еще одинъ воинъ.—Вотъ мнѣ сейчасъ смертельно спать хочется! Такъ, повалился бы тутъ же, въ тѣни, прикурнулъ бы, да и заснулъ мертвымъ сномъ!

— А кто тебѣ мѣшаетъ, сонливецъ!

— Покорно благодарю!—проворчалъ сонливый воинъ.—У меня и до сихъ поръ болятъ кости послѣ ударовъ древкомъ копья, полученныхъ мною три дня назадъ отъ Якинлу! Ливіецъ не любитъ шутить съ нашимъ братомъ! Позабылъ то время, когда самъ былъ простымъ солдатомъ и получалъ плети отъ центурионовъ!

— Не зѣвай такъ страшно, Лурасъ! Вывихнешь себѣ челюсти! И почему тебѣ такъ хочется всегда спать? Успѣешь вѣдь выспаться, когда зароютъ въ землю!

— Ну, тебя! Терпѣть не могу напоминаній о смерти!—поморщился зѣвавшій яростно воинъ.—Мнѣ и то сегодня не по себѣ: все мерещится этотъ проклятый отшельникъ, посылавшій на наши бѣдныя головы столько проклятій съ вершины развалинъ храма у городской стѣны! Клянусь Астартою,—онъ, кажется, колдунъ! И я никакъ не могу отдѣлаться отъ впечатлѣній, произведеннаго на меня его угрозами!

— Какими?

— Да что у васъ память отшибло, что ли? Вѣдь онъ кричалъ Якинлу, что насъ всѣхъ сегодня пожретъ адъ!

— Не нравится тебѣ это предсказаніе? А еще воиномъ называешься! Забываешь, что наше ремесло таково: воинъ готовъ каждый мигъ отправиться въ адъ!

— Отправляйся, если тебѣ нравится! А я еще охотно пожилъ бы!

— Не шумите! Опять кто-то кричитъ! Пойти посмотрѣть, что ли?

Два или три воина, не трогаясь съ мѣстъ, задрали головы, чтобы посмотрѣть вверхъ, откуда до нихъ вторично донесся рѣзкій крикъ.

— Привидѣнье!—воскликнулъ кто-то изъ нихъ.—Образъ того самаго бродягизреца, который...

— Какой грозилъ намъ гибелью съ руинъ храма!

— Призракъ! Призракъ!

Но то, что видѣли воины, отнюдь не было призракнымъ: на вершинѣ Башни Молчанія, на огромномъ нависшемъ надъ воинами карнизѣ, стоялъ, склонившись внизъ, Рахазъ-Мститель. Это его голосъ слышали солдаты.

— Горе, горе вамъ, шакалы Фалеса!—кричалъ онъ, простирая внизъ костлявую руку.—Гибель вамъ! Смерть на черныхъ крыльяхъ прилетѣла изъ пустынь горы Кармэль, чтобы пожрать васъ, ядовитыя гадины, слуги пьяницы и клятвопреступника, убійцы и предателя, винопійцы Фалеса!

«Горе, горе вамъ!

Воины были до того испуганы непонятнымъ для нихъ появленіемъ жреца на ни для кого недоступной вершинѣ Башни Молчанія, что сидѣли и стояли у стѣны, словно пораженные громомъ, словно окаменѣвшіе.

И вотъ что-то затрещало, загудѣло.

Мигъ, и часть стѣны Башни Молчанія отдѣлилась, тронулась съ мѣста, мгновенно какъ будто висѣла въ воздухѣ надъ полумертвыми отъ страха людьми Фалеса, потомъ рухнула на ихъ тѣла, погребая солдатъ подъ огромными каменными глыбами.

Тяжкій ударъ груди камня о каменистую почву вызвалъ подобіе землетрясенія. Илессъ, сидѣвшая въ нижнемъ

этажъ Башни Молчанія и глядѣвшая въ разѣлину, невольно закрыла глаза и въ изнеможеніи прислонилась къ дрожавшей, словно въ лихорадкѣ, стѣнѣ своей темницы.

— Смерть, смерть, смерть!—мелькала мысль въ ея усталомъ, измученномъ мозгу. И странное спокойствіе снизошло на нее.

Но черезъ минуту инстинктъ самосохраненія овладѣлъ ея душою. Она вскочила и съ крикомъ побѣжала по темному коридору, сама не зная куда.

Но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановилась, дрожа всеѣмъ тѣломъ: она боялась заблудиться въ лабиринтѣ тайныхъ ходовъ Башни Молчанія. И больше всего ее страшила мысль, что, быть-можетъ, покинувъ указанное ей Рахазомъ-Мстителемъ мѣсто, она очутится опять въ колодезь, дно котораго завалено скелетами.

Минуту спустя, голосъ Рахаза пробудилъ ее изъ состоянія, близкаго къ обмороку.

— Ты тутъ, дитя мое?—спрашивалъ Рахазъ, спускавшійся къ ней по крутой винтовой лѣстницѣ.

— Да, да! Скорѣе уведи меня изъ этого ужаснаго мѣста!—схватила за руку жреца дѣвушка.—Я боюсь, я боюсь!

«Башня рухнула, и мы погребены подъ ея развалинами!

«И я не спасу Мирбала!

— Успокойся!—отвѣтилъ ей Рахазъ.— Башня еще не рухнула. Рухнулъ только одинъ карнизъ, и то только потому, что я сбросилъ его на головы этихъ кровавадныхъ псовъ Фалеса!

«Да и я не могъ бы сдѣлать этого, если бы въ стѣнахъ Башни Молчанія не имѣлись спеціальныя приспособленія, предназначенныя для сбрасыванія кусковъ стѣнъ!

— Что съ ними?

— Съ кѣмъ?

— Съ воинами Якинлу!

— Погребены подъ обломками, раздавлены, истерты въ порошокъ!

— А... а самъ Якинлу?

— Онъ спасся, но не надолго: онъ стоитъ на крошечной площадкѣ рухнувшей лѣстницы, окруженный огнемъ пожара: башня горитъ. Черезъ пять ми-

нутъ она обратится въ огромный костеръ, и если Якинлу не рискнетъ прыгнуть съ огромной высоты, то... то огонь пожретъ его тѣло!

— Но уведи же меня отсюда! Я не могу оставаться тутъ долѣе!—молила старика Илиссъ.

— Пойдемъ! Намъ тутъ больше нечего дѣлать!—отвѣтилъ онъ.

Двѣ минуты спустя, они остановились передъ какою-то нишею въ стѣнѣ Башни Молчанія.

Освѣтивъ стѣну огнемъ принесеннаго съ собою факела, жрецъ сильно нажалъ выдвинувшійся изъ стѣны бронзовый стержень.

Большой квадратный камень почти беззвучно сдвинулся въ сторону, и въ лицо Илиссъ блеснулъ лучъ близкаго къ горизонту солнца.

Если бы Рахазъ не придержалъ дѣвушку за руку, она птичкою ринулась бы въ открывшуюся въ фундаментѣ башни потайную дверь.

— Не торопись, дитя!—сказалъ онъ.— Говорю же тебѣ,—времени еще много! Мои друзья переполнили храмъ, и они не позволяютъ Фалесу приступить къ казни Мирбала раньше, чѣмъ зайдетъ солнце. А до того времени остается добрыхъ три часа.

«Уйти же отсюда, когда еще не рѣшена участь Якинлу, означало бы поставить на карту судьбу Тира.

Илиссъ повиновалась и молча пошла за Рахазомъ-Мстителемъ. Отойдя отъ башни на нѣсколько шаговъ, она обратила вниманіе на то обстоятельство, что лѣстницы, ведшей на верхнюю площадку, уже не было: она тоже рухнула.

Уцѣлѣлъ только небольшой выступъ на высотѣ добрыхъ шести или семи сажень отъ уровня земли, и на этомъ выступѣ металась безпомощно человѣческая фигура, вся окутанная голубымъ дымомъ, который струйками вырывался изъ пазовъ между камней.

Это былъ Якинлу.

— Спасите меня!—закричалъ онъ, увидѣвъ дѣвушку и ея спутника, но, повидимому, не узнавъ еще, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.—Спасите меня! Я—любимецъ владыки Тира! Я—«Царскій Титръ» вождь тѣлохранителей! Мое имя Якинлу,

и я именемъ Фалеса приказываю вамъ, люди, спасите меня!

— Успѣешь!—пробормоталъ насмѣшливо Рахазъ. И потомъ, приложивъ руки къ устамъ, крикнулъ зычнымъ голосомъ:

— Якинлу! Великій, могучій Якинлу! Любимецъ Фалеса!

Шпіонъ встрепетулъ: его поразили звуки знакомаго уже голоса. Его помутившійся отъ ужаса взоръ различилъ черты лица его смертельнаго врага, жреца съ горы Кармэлъ.

— Бродяга!—закричалъ онъ яростно.—Ничтожный червь! Я раздавлю тебя какъ слизняка!

— Раньше огонь, пожирающій стѣны Проклятой Башни, испепелитъ твое гнусное тѣло!—насмѣшливо крикнулъ ему въ отвѣтъ жрецъ.—А мы съ Илессъ будемъ стоять тутъ и наблюдать, какъ ты корчишься, словно попавшій въ кольцо огня скорпіонъ! И мы увидимъ, какъ ты, чтобы избѣжать смерти, отъ огня, самой ужасной смерти, пронзишь своимъ мечомъ свое сердце, черное сердце осквернительницы могилъ, гіены!

Якинлу снова заметался на узенькой площадкѣ.

Теперь ему приходилось держаться на самомъ краю площадки, ибо стѣна за его спиною была покрыта огненными языками, пробивавшимися наружу изъ внутренности Башни Молчанія. Тамъ, внутри, пылали огромные стволы высохшаго кедроваго дерева. Оттуда, изъ какихъ-то скрытыхъ въ толщѣ стѣны нишъ, выливались наружу пылающія струи черной смолы, и брызги этой жидкости падали на голову, на плечи воина, и зажигали ткань его одѣянія, и прожигали до костей его тѣло.

Якинлу видѣлъ, что оставаться долѣе на площадкѣ неммыслимо: онъ долженъ былъ сгорѣть заживо.

Оставалось попытаться спастись прыжкомъ внизъ. Но прыжокъ съ такой огромной высоты страшилъ его.

— Смотри, Илессъ!—обратилъ вниманіе дѣвухи на манипуляціи Якинлу жрецъ.—Эта тварь хитра, какъ лдовитая змѣя!

— Что онъ дѣлаетъ?—удивилась Илессъ.—Онъ, кажется, снимаетъ свои латы и шлемъ?

— Да! Онъ хочетъ уменьшить вѣсъ своего тѣла, чтобы паденіе не было такъ жестоко! Но это тщетная надежда!

«Крыльевъ у него нѣтъ, а только на крыльяхъ онъ могъ бы спасти свою жизнь!

— Онъ прыгаетъ! Онъ прыгнулъ!—вскрикнула, вздрогнувъ, Илессъ.

Глухой гулъ возвѣстилъ паденіе тѣла шпіона Фалеса на землю.

— Онъ убить, Рахазъ? — теребила Илессъ руку стараго жреца.

— Едва ли!—отозвался тотъ.—Подойдемъ, посмотримъ!

И онъ подошелъ къ распростертому на камняхъ окровавленному тѣлу Якинлу.

При приближеніи своихъ враговъ Якинлу задергался, приподнялся, застоналъ:

— Пощады! Пощады! Пощадите меня!

— А ты щадилъ другихъ?—глухимъ, но полнымъ ярости голосомъ отвѣтилъ жрецъ.

— Я отдамъ вамъ всѣ мои богатства! Илессъ! Я такъ любилъ тебя!

— И Мирбала, кажется, тоже любилъ?—засмѣялась дѣвушка, не могшая простить шпіону осужденія на смерть Мирбала.

— Илессъ, Илессъ! Я такъ богатъ! Возьми, у меня на рукѣ есть перстень съ изображеніемъ Бронзоваго Быка, Вала - Молоха. Покажи этотъ перстень гортатору, командующему моею галерою, тою, о которой я говорилъ тебѣ тамъ, на вершинѣ это проклятой башни,—и гортаторъ отдастъ тебѣ груды золота, и самое галеру, и всѣхъ рабовъ гребцовъ!

«Но пощади меня, Илессъ! Не убивай меня!

«Клянусь, я раскаиваюсь въ причиненномъ мною тебѣ злѣ, и еще клянусь Вааломъ и Астартою и всѣми богами и богинями, что если ты пощадишь меня, я буду вѣрнымъ рабомъ твоимъ всю жизнь!

«Хочешь, Илессъ, я приведу къ тебѣ твою оскорбительницу, царевну Іезавѣль, и швырну ее къ твоимъ ногамъ, Илессъ?

«И ты будешь терзать ее, и ты будешь наслаждаться ею мученіями, и ты выместишь на ней всё свои обиды?»

«О, Илессъ, Илессъ!»

Дѣвушка съ отвращеніемъ отвернулась отъ корчившагося на землѣ искалѣченнаго, полусожженнаго шпіона, пытавшагося дотянуться до нея и схватить почерпѣвшими руками подолъ ея платья.

Рахазъ вынулъ изъ складокъ своего широкаго одѣянія острый кинжалъ и, не спуская глазъ съ покрывшагося холоднымъ потомъ лица Якинлу, приблизился къ нему.

— Пошадите! Не убивайте меня!— стоишь Якинлу, простирая впередъ руки и пытаясь отползти въ сторону.

— Молю васъ, пошадите меня!

Ударомъ ноги въ грудь Рахазъ опрокинулъ тѣло Якинлу на землю навзничъ и занесъ кинжалъ для смертельнаго удара.

Но Илессъ не выдержала.

— Не убивай его!—крикнула она.— Я прощаю ему! Пошадь его!

Жрецъ гнѣвно блеснулъ глазами.

— Ты не властна надъ нимъ!—сказалъ онъ.—Ты—ребенокъ, и ты не понимаешь, чего ты требуешь!

Еще разъ и два вскрикнулъ Якинлу, получивъ два сильныхъ удара кинжала въ горло и грудь.

И потомъ у него вырвалось только хрипѣнье: кровь широкою струею хлынула изъ перерубленнаго горла. Глаза закатились. Пальцы впились въ раскаленный песокъ.

А колоссальная Башня Молчанія, гордое сооруженіе зодчихъ, убитыхъ по приказанію коварнаго Азерима, пылала, словно гигантскій костеръ.

— Намъ больше нечего дѣлать тутъ,—вымолилъ глухимъ голосомъ жрецъ, вытирая окровавленный кинжалъ о полу своего плаща.

— Прочь отсюда!—почти прорыдала Илессъ, глядя съ ужасомъ на агонизировавшаго Якинлу.—Въ Тиръ, въ Тиръ! Чтобы спасти Мирбала!

— И покарать Фалеса и Іезавэлль!—отозвался жрецъ, поднявъ руку съ кинжаломъ, словно наноситъ страшное оружіе для удара.—Мои друзья ждутъ моего

прихода, какъ сигнала для поголовнаго возстанія.

Едва Рахазъ и Илессъ отделились отъ пылавшей, подобно гигантскому факелу, Башни Молчанія, какъ земля задрожала подъ ихъ ногами съ такою силою, что бѣглецы едва не упали.

— Что это?—въ ужасѣ спросила Илессъ.—Громъ грохочетъ, земля колеблется!

— Оглянись, и ты увидишь!—отвѣтилъ, останавливаясь, жрецъ.

И, оглянувшись, Илессъ не повѣрила своимъ глазамъ: она не видѣла больше силуэта высокой Башни Молчанія.

Величественное сооруженіе рухнуло, и только груды обломковъ, повитая синеватымъ дымомъ, громоздилась на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше стояла Башня Молчанія.

Испуганные коршуны тщетно ожидавшіе сегодня желанной добычи, метались въ голубомъ просторѣ неба надъ дымящимися развалинами, оглашая окрестности хриплыми криками.

А багровый дискъ солнца стоялъ уже низко-низко надъ лономъ моря. До захода солнца оставалось не больше часу, и солнце это было багрово, словно оно выкупалось въ крови.

И алѣлъ весь горизонтъ, какъ будто небо было охвачено пожаромъ...

VII.

— Проснись, отецъ!—сказала Іезавэлль, толкая задремавшаго Фалеса.— Солнце заходитъ! Приближается часъ моей мести, моей радости! Жрецы Ваала-Молоха ждутъ только твоего знака, чтобы приступить къ жертвоприношенію! Бронзовый Быкъ раскаленъ, и сейчасъ я увижу, какъ въ огненной печи будетъ корчиться тѣло оскорбившаго меня Мирбала, а ты полюбишься, какъ обращается въ пепелъ послѣдній опасный для тебя врагъ, послѣдній потомокъ Хирама!

— Развѣ такъ поздно?—удивился Фалесъ.—Я, дѣйствительно, задремалъ, слушая гнусавое пѣнье жрецовъ въ честь Ваала!

Онъ всталъ, протеръ глаза и поднялъ правую руку.

Тотчасъ же смолкли барабаны, утихли флейты и кифары, оборвался звонъ струнъ арфъ.

Въ огромномъ величественномъ храмѣ воцарилась могильная тишина.

— Готовы ли вы, слуги Безпощаднаго Бронзоваго Быка, рогатаго божества? — хриплымъ голосомъ спросилъ Фалесъ.

— Да, мы готовы! — прозвучалъ хоръ голосовъ жрецовъ. — И Великій Двурогій тоже готовъ!

— Готовъ ли ты, осужденный? — обратился Фалесъ къ стоявшему въ гордой и спокойной позѣ Мирбалу.

— Готовъ! — отвѣтилъ тотъ дрогнувшимъ голосомъ, взглянувъ съ презрѣніемъ въ лицо владыки Тира. — Я сейчасъ пойду въ страну тѣней! Мой духъ полетитъ въ обитель, гдѣ живетъ покровитель Тира, Вааль, и ему, вѣчному, расскажетъ про новое злодѣяніе твое, узурпаторъ и братоубійца!

— Ввергните его въ огонь! — махнулъ рукою Фалесъ.

Жрецы окружили Мирбала. Ихъ пѣснь въ честь Ваала зазвучала съ новою силою. Понеслись въ дикой пляскѣ полунагія храмовыя танцовщицы, усыпая путь Мирбала къ огненной утробѣ Ваала розами и лиліями.

Юноша оттолкнулъ жрецовъ, положившихъ руки на его плечи, и рѣшительнымъ шагомъ направился къ раскаленной безобразной — чудовищно отвратительной статуѣ, изображавшей Ваала, Молоха въ видѣ тучнаго человѣка съ бычачьею головою.

Но въ это время у входа въ храмъ послышались голоса:

— Илессъ! Илессъ! Перстень Хирама!

Толпа разступилась, и передъ помостомъ, на которомъ возсѣдалъ рядомъ съ Іезавѣллію Фалесъ, появилась высокая женская фигура, при видѣ которой Фалесъ упалъ въ полубоморочномъ состояніи на свою покрытую золотою парчею скамью, а Іезавѣллъ закрыла обѣими руками смертельно блѣдное лицо.

— Призраки встаютъ изъ могилъ! Мертвецы возвращаются къ жизни! — простоналъ Фалесъ.

— Я принесла тебѣ священное кольцо Хирама! — прозвучалъ властный голосъ Илессъ. — Вотъ священный талисманъ!

И она высоко подняла руку, въ которой блестѣло массивное кольцо съ изображеніемъ льва и змѣи.

— Видишь ли ты, народъ Тира, кольцо твоего великаго и мудраго владыки? Узнаете ли вы, жрецы, кольцо, перстень того, кто воздвигъ этотъ храмъ?

— Да, да! Мы узнаемъ этотъ перстень! — неслись отовсюду голоса.

— Мирбалъ свободенъ! — продолжала дѣвушка, торжествуя. — Фалесъ поклялся великими богами, что отдастъ мнѣ жизнь моего жениха за этотъ перстень!

— Мирбалъ свободенъ, свободенъ!

— Да здравствуетъ Мирбалъ, потомокъ Хирама!

— Да здравствуетъ Мирбалъ, наслѣдникъ Хирама!

— Ура въ честь Мирбала, нашего законнаго владыки!

Во мгновеніе ока засверкали мечи.

Танцовщицы съ криками испуга разбѣжались, скрываясь среди могучихъ колоннъ. Жрецы Ваала, застигнутые врасплохъ, были смяты нахлынувшею отовсюду толпою, и ихъ цвѣтныя одежды скоро потонули среди одеждъ вооруженныхъ воиновъ, безъ пощады рубившихъ и коловшихъ тѣлохранителей лежавшаго безъ признаковъ жизни на пышно убранномъ помостѣ Фалеса.

И съ площади и съ прилегающихъ улицъ въ храмъ Ваала доносились неистовые крики, — звуки закипѣвшаго повсемѣстно боя.

Отъ времени до времени гудѣли, словно трубы, голоса боевыхъ слоновъ. Отъ времени до времени пѣли, были рожки ливійской кавалеріи, кидавшей въ атаку на горожанъ. Но все слабѣе, слабѣе...

— Да здравствуетъ Мирбалъ, владыка царственнаго Тира! — все настойчивѣе, все радостнѣе, побѣднѣе звучали голоса сторонниковъ молодого художника.

Исторія гласитъ слѣдующее:

— Фалесъ винопійца, узурпаторъ, былъ найденъ мертвымъ въ храмѣ Ваала-Молоха, но не руки людей, не мечи, не копья и не кинжалы воиновъ оборвали нить его полной злодѣйствъ жизни: страхъ умертвилъ его, и тѣло его распухло, почернѣло, разложилось и заражало

зловоніемъ воздухъ храма, и псы избѣгали прикоснуться къ его смрадному трупѣ.

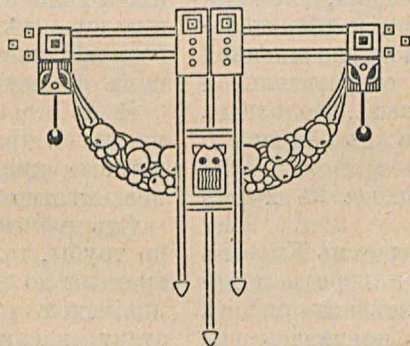
Рабы, осужденные на смерть, и тѣ отказывались взять на себя обязанность удалить смраднѣйшій трупъ братоубійцы изъ храма Ваала, хотя имъ было обѣщано помилованье...

Тогда были призваны прокаженные, нечистые, и они выволокли тѣло узурпатора и бросили его въ яму, наполненную нечистотами.

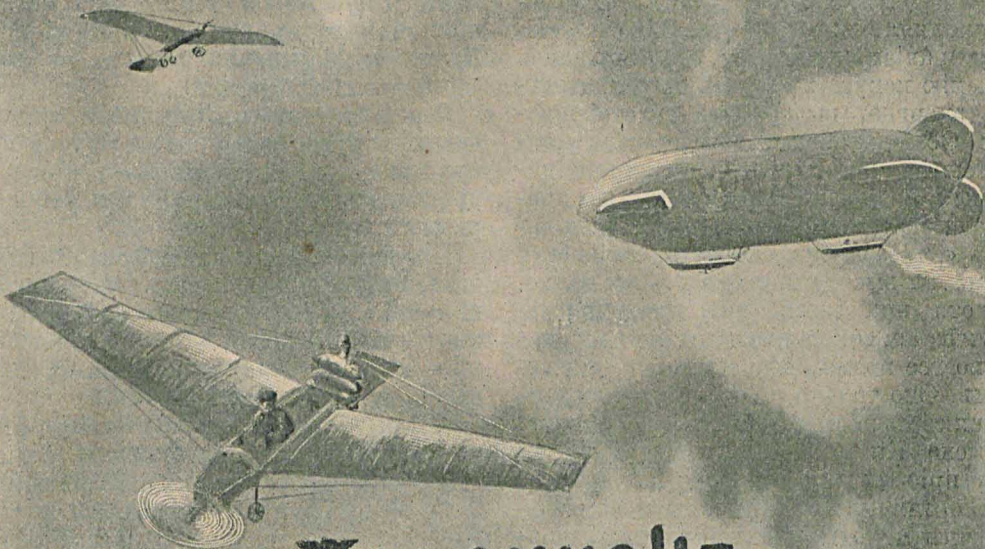
Женщины Тира расправились съ гордою Іезавѣллюю, прозванною отравительницею: съ ея тѣла были сорваны одежды, съ ея главы золотая діадема, съ ея рукъ перстни, изъ ея ушей серьги, съ ея ногъ браслеты.

Она, стѣня и рыдая, ломая руки, бѣжала по улицамъ Тира, при заревѣ пожара дворцовъ Фалеса, и камнями побивали ее, и псы лизали кровь ея, лившуюся на плиты мостовой, и гнѣзны пустыни растаскали кости ея, потому что смерть подстерегла ее за городскими воротами...

А послѣ того на престолѣ Тира вступилъ Мирбаль, потомокъ Хирама, великаго воителя, и былъ онъ подобенъ Хираму, и были долги и счастливы дни царствованія его, и былъ великъ и могучъ и славенъ гордый Тиръ, владыка морей, въ дни Мирбала имя же Мирбалу—Счастливый. И женою его была прекрасная Ились, прозванная кроткою звѣздою Тира....

Поединокъ.

Разсказъ М. Волохова.

ПЕРЕСТАНЬТЕ, господа!

— Они сейчас сбьются вру-
копашную!

— Господа! Зачѣмъ вы такъ горячи-
тесь?! Вѣдь вопросъ чисто-теоретиче-
скій, и ваша страстность положительно
непонятна!

Но тѣ, къ кому относились эти друже-
скіе совѣты, ничего не слышали и ни-
чего не желали слышать.

Они стояли другъ противъ друга, ка-
залось, дѣйствительно готовые ринуться,
схватиться, душить одинъ другого. Они
глядѣли пламенными, полными страст-
наго гнѣва, даже больше—полными нена-
висти глазами, подстерегая взаимно ка-
ждое движеніе. И каждое сказанное тѣмъ
или другимъ слово явно имѣло особое,
колючее, обидное значеніе. Одинъ былъ
представителемъ подарившей міру ста-
рую культуру латинской расы: средняго
роста, смуглый, черноволосый и черно-
глазый, съ движеніями, полными бурной,
кипучей энергіи,—не человѣкъ, а комокъ
нервовъ. Другой—полная противопо-

ложность: на голову выше, голубоглазый
и русоволосый, тоже стройный, муску-
листый, подвижной, но держащійся спо-
койно, энергичный, но не дающій воли
своимъ страстямъ, проявляющій энергію
не въ бурной и торопливой, а въ спокой-
ной и рѣшительной формѣ знающаго
отлично дѣлу этой энергіи существа. Съ
перваго взгляда въ немъ каждый
призналъ бы безъ труда потомка той
расы, которая, унаслѣдовавъ старую
латинскую цивилизацію, претворила ее,
переработала, внесла въ нее новые, мо-
лодые, свѣжіе элементы.

Этого русоволосаго молодца звали
Чарльзъ Кингъ, и онъ былъ сыномъ
отца-англичанина и матери-русской, и
для него и Англія и Россія были своими,
родными.

Его противника звали Карлосомъ Ман-
товани, онъ былъ родомъ изъ Мексики и
происходилъ отъ отца-итальянца и ма-
тери-испанки.

Еще недавно Кингъ и Мантовани въ
Мурмелонѣ считались неразлучными дру-

зьями и держались всегда вмѣстѣ, какъ-то дополняя одинъ другого. Оба страстно любили авіаціонное дѣло, оба отдавались изученію искусства летать съ удивительною энергію, выдержкою, настойчивостью. Оба одновременно выдержали установленныя испытанія и получили дипломы пилотовъ перваго ранга. Оба принимали участіе въ нѣсколькихъ авіаціонныхъ «райдахъ» на скорость, дальности полета, на высоту подъема и такъ далѣе. И хотя при этомъ имъ приходилось, разумѣется, соперничать, но это соперничество все время было мирнымъ, дружескимъ. Оно только подстрекало каждого изъ нихъ къ новымъ и новымъ подвигамъ.

Имена Кинга и Мантовани мало-помалу приобрѣтали хорошую извѣстность въ спортивныхъ кругахъ, да и большой публикѣ молодые авіаторы стали достаточно извѣстными послѣ ряда совершенныхъ ими смѣлыхъ полетовъ, особенно послѣ знаменитой, исторической, хотя и закончившейся неудачею попытки обоихъ перелетѣть черезъ море, отъ Ниццы до Корсики. Тогда Мантовани, сбившись съ пути, ушелъ въ туманѣ далеко въ сторону и опустился на итальянской территоріи, а Кингъ, почти добравшись до береговъ Корсики, изъ-за порчи мотора вынужденъ былъ опуститься въ морѣ, гдѣ его монопланъ потонулъ, а самъ онъ, продержавшись нѣсколько часовъ въ водѣ благодаря спасательному поясу, былъ вытаскнъ корсиканскими рыбаками.

«Кубокъ Корсики» и назначенная первая премія въ сто тысячъ франковъ не были присуждены ни тому ни другому, но общественная подписка дала въ ихъ пользу по пятьдесятъ тысячъ, и общее сочувствіе и уваженіе къ нимъ только возросли, несмотря на неудачу полета.

До осени 1910 года отношенія между друзьями-соперниками не оставляли желать ничего лучшаго. Гдѣ появлялся одинъ, тамъ непременно можно было рассчитывать увидѣть и другого. Одинъ безъ другого, казалось, не могъ существовать. И опять-таки казалось—единственнымъ интересомъ ихъ жизни была авіація.

Глубокой осенью 1910 года авіаціонный міръ удѣлялъ свое исключительное вни-

маніе исторической «парижской авіаціонной недѣлѣ», въ дни которой на долю Кинга и Мантовани выпало не мало серьезныхъ триумфовъ.

И вотъ именно въ это время, какъ-то сразу, вдругъ, соперники и друзья превратились въ соперниковъ-враговъ, и враговъ смертельныхъ, враговъ непримиримыхъ.

Кто изъ окружающихъ былъ наблюдательнѣе, тотъ не могъ не обратить вниманія на то обстоятельство, что вражда между Кингомъ и Мантовани вспыхнула именно со дня появленія на сцену сеннориты Мерседесъ Гланъ.

Это была дѣвушка на рѣдкость интересная: красавица въ полномъ смыслѣ этого слова, образованная, талантливая, живая, остроумная, вдобавокъ ко всему очень богатая,—она одно время считалась царицею парижскихъ свѣтскихъ салоновъ и кумиромъ аристократической молодежи этого гигантскаго базара житейской суеты.

Знали о ней очень мало, но то, что было извѣстно, только повышало общій интересъ къ ней: дочь игравшаго во дни оны очень видную роль въ исторіи новой Мексики генерала, выходца изъ Норвегіи Яна Глана, и матери-мексиканки, Мерседесъ осталась сиротою, когда ей было только восемь лѣтъ. Отъ матери она унаслѣдовала колоссальныя земельныя имѣнія въ Мексикѣ, отъ отца—первые въ мірѣ по богатству серебряныя рудники. Отъ обоихъ—ихъ красоту: льняные кудри отца, огневые черные глаза матери; высокій ростъ и неженскую силу предковъ-сѣверянъ, несравненную грацію испанскихъ женщинъ отъ предковъ со стороны матери.

Прошлое Мерседесъ, которой теперь было около двадцати лѣтъ, тоже вызывало общій интересъ: алчное мексиканское католическое духовенство, правильнѣе сказать, іезуиты, держащіе злополучную страну въ своихъ когтяхъ, намѣтили себѣ въ добычу колоссальное богатство молодой сироты и пустили въ ходъ все, чтобы добиться цѣли.

Іезуитамъ удалось достигнуть назначенія опекуномъ сироты генерала Кампоса, который былъ послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. Кампосъ отдалъ

дѣвочку на воспитаніе въ женскій монастырь.

Тамъ десятилѣтнему ребенку принялись внушать мысль о грѣховности міра, о томъ, что единственное спасеніе въ полномъ отреченіи отъ свѣтской жизни.

Въ двѣнадцать лѣтъ Мерседесъ Гланъ изъявила готовность уйти отъ міра и сдѣлаться монахиней, понятно, предоставивъ въ полное распоряженіе своимъ руководителямъ и учителямъ, агентамъ іезуитскаго ордена, всѣ свои богатства.

Оставалось ждать совершеннолѣтія.

Добыча, казалось, не могла уйти изъ цѣпкихъ лапъ іезуитовъ.

Но въ четырнадцать лѣтъ съ дѣвочкою совершился душевный переломъ, и въ одну прекрасную ночь она удрала изъ монастыря - тюрьмы, скиталась цѣлый мѣсяць, перерядившись пастухомъ гаучо, куда ея преслѣдователи не сбились съ толку.

У ея покойнаго отца были друзья. Къ нимъ-то и обратилась бѣглецка.

Если бы въ дѣло не былъ замѣшанъ вліятельный европейскій консулъ, если бы самъ «Мексиканскій Наполеонъ», президентъ донъ Порфиріо Діасъ не былъ вынужденъ считаться кой съ кѣмъ изъ людей, принявшихъ сторону Мерседесъ Гланъ, — дѣло, конечно, замяли, задушили бы.

Но теперь скандалъ разгорался со дня на день. О дѣлѣ Мерседесъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ отозвалась вліятельнѣйшая изъ нью-йоркскихъ газетъ. И мало-по-малу, послѣ упорнаго боя, враги Мерседесъ вынуждены были очищать захваченныя позиціи.

Разумѣется, дѣлалось это скрѣпя сердце. Іезуиты не сдаются добровольно.

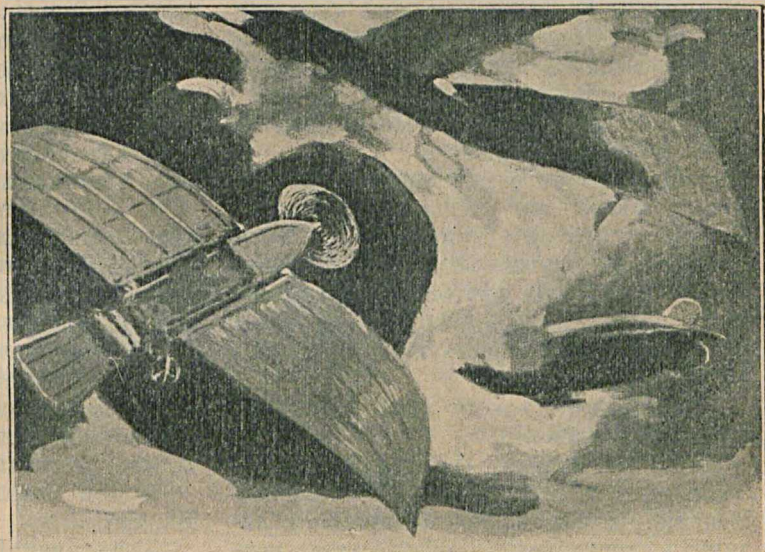
И теперь они не теряли еще надежды: Мерседесъ — дѣвушка. Когда-нибудь она

пожелаетъ выйти замужъ. Можно будетъ подстроить такъ, что она отдастъ свою руку и свои богатства человѣку, который будетъ вѣрнымъ исполнителемъ инструкцій своихъ руководителей. А тамъ...

Мадонна!

Развѣ нѣсколько столѣтій практики не выработали безошибочныхъ, всегда достигающихъ цѣли приѣмовъ?

Если бы Мерседесъ осталась въ Мексикѣ, вѣроятно, планъ іезуитовъ былъ бы благополучно приведенъ къ вождѣлѣн-

Механическая птица неслась на дирижабль. (Къ стр. 64).

ному концу. Но молодая наслѣдница покинула Мексику, направилась въ Соединенные Штаты, оттуда въ Японію, изъ Японіи — въ Англію, и, наконецъ, поселилась въ Парижѣ.

Именно тамъ она встрѣтилась съ людьми, участь которыхъ была рѣшена встрѣчею съ молодого мексиканкою: и Кингъ и Мантовани сдѣлались постоянными спутниками Мерседесъ Гланъ.

Первымъ сдѣлавъ предложеніе ей Мантовани.

Онъ говорилъ дѣвушкамъ о томъ, что Мантовани — потомки герцоговъ Мантуй, что ихъ родственники и сейчасъ числятся въ рядахъ «Черной аристократіи», поддерживающей Ватиканъ, что если Мер-

седесь Главъ станетъ Мерседесь Мантовани—ей будетъ открытъ доступъ туда, куда проникають только избранные...

— Я не люблю васъ!—коротко отвѣтила молодому потомку герцоговъ Мантуи дѣвушка.

Черезъ недѣлю съ нею заговорилъ Кингъ.

— Не знаю... Я, кажется, еще... я еще не рѣшилась отдать мою свободу, я не знаю, могу ли я быть чьею-либо женою!—смущенно отвѣтила Кингу Мерседесь.—Подождите немного, мистеръ Кингъ!—Я не скрою—я... я очень уважаю васъ. Вы внушаете мнѣ большой интересъ. Но... но подождите немного! Сейчасъ я не въ силахъ дать вамъ опредѣленный отвѣтъ!

Это не было отказомъ. Но не было и принятіемъ предложенія.

Однако съ этого времени въ Парижѣ начали связывать имена Мерседесь и Кинга, и этого было достаточно для того, чтобы старая дружба между Мантовани и Кингомъ рухнула и чтобы на мѣсто ея пришла, по крайней мѣрѣ, со стороны Мантовани, все разраставшаяся и разраставшаяся ненависть.

И вотъ мало-по-малу дѣло дошло до рѣзкаго столкновѣнія.

Было это зимою. Парижскія газеты заговорили о томъ, что правительство Мексики, намѣреваясь, по примѣру великихъ государствъ, обзавестись воздушнымъ флотомъ, приглашаетъ на службу въ качествѣ инструкторовъ челоуѣкъ около двадцати лучшихъ пилотовъ изъ Франціи, родины воздухоплаванія.

И Мантовани и Кингъ—оба подписали годовые контракты, обязавшись на очень выгодныхъ условіяхъ послужить годъ Мексикѣ для того, чтобы къ январю 1912 года въ распоряженіи дона Порфиріо Діаца оказалась воздушная флотилія изъ трехъ дирижаблей типа Клэманъ-Байара и двадцати четырехъ аэроплановъ-развѣдчиковъ различныхъ системъ.

Въ день подписанія этихъ контрактовъ прежніе друзья встрѣтились вечеромъ въ помѣщеніи парижскаго клуба авіаторовъ, и тутъ-то между ними произошло столкновѣніе, о которомъ мы рассказали въ началѣ нашего повѣствованія.

Ссору началъ Мантовани, который въ присутствіи Кинга сталъ громко жаловаться на то, что Порфиріо Діацъ наводняетъ Мексику приглашаемыми имъ на службу авантюристами—иностранными, тогда какъ край могъ бы отлично обойтись безъ иностранной помощи.

— Они отравляютъ нашу жизнь, эти международные проходимцы!—почти кричалъ пылкій потомокъ герцоговъ Мантуи.—Они вносятъ въ нашу среду дикіе нравы своихъ варварскихъ націй. Они убиваютъ наши старыя понятія о чести, совѣсти, благородствѣ. Они грабятъ страну. Они...

— О комъ это вы говорите, сеньоръ?—сдерживаясь, освѣдомился Кингъ.

— О жадныхъ пришельцахъ, ползущихъ въ Мексику сквозь всѣ щели!—отвѣтилъ Мантовани, впиваясь лихорадочно горящими взоромъ въ лицо бывшаго друга.—О торгашахъ безъ чести и совѣсти, выходцахъ съ варварскаго сѣвера.

— А-а!—протянулъ Кингъ.—Я думалъ, вы вспомнили о томъ, что, какъ мнѣ рассказывали, нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, вашъ отецъ переселился изъ Италіи въ Мексику, при чемъ, чтобы добратъся до Мексики, ему пришлось наняться поваромъ на шедшее туда изъ Неаполя англійское судно.

— Мой отецъ—потомокъ владыкъ Мантуи!

— Да, да! Еще мнѣ рассказывали, что вашъ почтенный папаша, потомокъ герцоговъ Мантуи, голодая на первыхъ порахъ въ той же Мексикѣ, вспомнилъ дни своего дѣтства, соорудилъ переносный театръ маріонетокъ, купилъ ручную обезьяну и странствовалъ по Мексикѣ, повидимому, культивируя въ жителяхъ Мексики любовь къ искусству!

— Вы—негодяй, Кингъ!—задыхаясь, выкрикнулъ Мантовани, порываясь броситься на соперника.

— Вы—достойный наслѣдникъ вашего папаша арлекина!—съ презрѣніемъ отвѣтилъ Кингъ.—Вашъ отецъ нажилъ въ Мексикѣ не честнымъ трудомъ, хотя бы и трудомъ бродячаго шута, какъ началъ, а шпіонствомъ у Жюареца. И вы же, его сынъ, клеймите людей, которые несутъ въ Мексику новую, свѣжую культуру для замѣны ею вашей отравленной само-

влюбленностью, невѣжествомъ, религиознымъ фанатизмомъ латинской культуры! Стыдитесь, Мантовани!

— Я завтра пришло къ вамъ моихъ секундантовъ!

— Пожалуйста! Только драться съ вами на шпагахъ я не стану, предупреждаю заранее: я кое что слышалъ о томъ, какъ нѣкоторые «гидалъго» умѣютъ намазывать ядомъ кончики дуэльных шпагъ, чтобы убивать своихъ соперниковъ навѣрняка...

Мантовани бросился на Кинга, но присутствовавшіе тутъ же общіе знакомые не допустили до схватки.

Дня черезъ три произошелъ поединокъ—на пистолетахъ. Дрались въ излюбленномъ мѣстѣ всѣхъ парижскихъ дуэлистовъ—въ Булонскомъ саду.

Условія дуэли были жестоки: до выбытія одного изъ дуэлистовъ изъ строя.

Послѣ вторичной обмѣны выстрѣлами Мантовани валялся на землѣ съ прострѣленной ногою, Кинга подъ руки увели къ ожидавшей его каретѣ—у него было ранено плечо.

Объ этой дуэли много говорили въ парижскомъ обществѣ, и инныя газеты прозрачно намекали на то, что причиною дуэли было вовсе не столкновение на почвѣ различія мнѣній о значеніи пришельцевъ въ дѣлѣ возрожденія Мексики, а соперничество обоихъ авіаторовъ въ дѣлѣ завоеванія руки и сердца «мексиканской невѣсты», то-есть Мерседесъ Гланъ.

Но въ Парижѣ не проходитъ дня безъ скандала или сенсационнаго событія, и очень скоро всѣ толки о случившемся были забыты. Кстати, всѣ герои исчезли со сцены.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и о Мантовани и Кингѣ заговорили снова, потому что изъ-за океана стали приходить по телеграфу извѣстія объ ихъ роли въ разыгравшихся весной 1911 года въ Мексикѣ бурныхъ событіяхъ. Упоминалось и имя Мерседесъ Гланъ.

Дѣло въ томъ, что весной этого года въ Мексикѣ вспыхнуло давно ожидавшееся возстаніе, вызванное безумною политикою тридцать или сорокъ лѣтъ безъ пощады грабившаго страну ея «несмѣняемаго президента» дона Порфиріо Діаца, прославившагося нечеловѣческимъ

жестокостью, неимоверною алчностью варварствомъ, не знавшимъ предѣловъ.

Возстаніе поднялось въ сѣверныхъ провинціяхъ Мексики. Его поддерживали капиталами крупные землевладѣльцы «эстанціонеры» и «гаціэндоры», подвергшіеся различнымъ утѣсненіямъ со стороны президента. Къ этой партіи «либераловъ» быстро примкнуло обездоленное, разоряемое поборами партизановъ Діаца сельское населеніе, и началась кровавая сумятица.

Въ самомъ началѣ возстанія стало извѣстно, что сеннорита Мерседесъ Гланъ, обладательница богатѣйшихъ серебряныхъ рудниковъ Мексики, приняла сторону возставшихъ и на свой счетъ вооружила партизанскій отрядъ, въ которомъ насчитывалось до трехсотъ кавалеристовъ. Ее называли героинею инсurreкціи, мексиканскою Жанною д'Аркъ.

Прошло еще нѣсколько недѣль. Газеты твердили, что Порфиріо Діацъ, старый и опытный политикъ, раздавилъ возстаніе, побѣдилъ всякое сопротивление, и теперь въ Мексикѣ идетъ судъ и расправа надъ инсургентами. Вожди ихъ въ плѣну, партизаны Діаца торжествуютъ повсемѣстно.

Какъ разъ въ это время пришло сенсационное извѣстіе, чрезвычайно заинтересовавшее общественное мнѣніе: партизаны сеннориты Гланъ неожиданнымъ налетомъ проникнувъ въ глубь края, занятого войсками Діаца, овладѣли однимъ городкомъ, гдѣ президентомъ были устроены арсеналы и гдѣ только что размѣстился правительственный воздухоплавательный паркъ.

Удержать городокъ въ своихъ рукахъ партизаны, понятно, не могли, но, уходя, они взорвали арсеналы, подожгли пакгаузы, разрушили выстроенные Діацомъ гангары для военныхъ дирижаблей. Два изъ трехъ «Клеманъ-Баяровъ» погибли въ огнѣ, третій, и самый большой, попалъ въ добычу инсургентамъ.

Другой отрядъ инсургентовъ, руководимый внукомъ знаменитаго итальянскаго героя, генерала Гарибальди, Пепино, одновременно съ Мерседесъ Гланъ предпринявшій райдъ въ глубь страны, тоже достигъ извѣстнаго, но только относительнаго успѣха: Гарибальди

артиллерійскимъ огнемъ разгромилъ небольшой авіаціонный лагерь генерала Тарквиніо, гдѣ Діацъ сосредоточилъ всѣ свои аэропланы.

Большинство этихъ механическихъ птицъ было уничтожено, и въ распоряженіи Діаца осталось только штукъ семь или восемь аэроплановъ разныхъ системъ.

Успѣхъ этихъ двухъ смѣлыхъ «райдовъ» воодушевилъ повстанцевъ. Къ нимъ стали стекаться волонтеры, пожертвованія. Изъ Европы, специально изъ Франціи, отправилось на помощь нѣсколько отрядовъ добровольцевъ.

Борьба не на жизнь, а на смерть разгоралась заново...

— Мнѣ не хотѣлось, чтобы ты, Чарли, принималъ сегодня участіе въ полетѣ! — вымолвилъ женскій голосъ.

— Почему, дорогая Мерседесъ? — отозвался ласковый мужской голосъ.

— Не знаю, почему, но мое сердце сегодня сжимается такъ тоскливо, на душѣ у меня такъ тяжело! И я спала сегодня такъ тревожно!

— Вотъ въ этомъ-то все и дѣло, родная! — засмѣялся мужчина. — Просто-напросто, ты не выспалась. Къ тому же, ты за послѣднее время переутомилась. Боевая жизнь не для женщинъ. Я не отрицаю, до сихъ поръ ты была всегда на своемъ посту, впереди всѣхъ, и если бы не Мерседесъ Гланъ, которую газеты уже окрестили Жанною д'Аркъ Мексики, — дѣло враговъ — Діаца, должно-быть, погибло бы! Но, Мерседесъ, есть предѣлъ человѣческимъ силамъ, и ты дошла именно до этого предѣла. Докторъ Уиллисъ давно твердитъ тебѣ, что ты должна бросить эту жизнь, уфхаться отсюда...

— Да, бросить, уфхаться! Въ то время, когда близится моментъ, когда рѣшится участь, возродиться ли Мексикѣ, или остаться въ рабствѣ у Діаца и его сторонниковъ-грабителей, — я должна все бросить, уфхаться въ Европу или въ Соединенные Штаты, гдѣ я буду въ полной безопасности! Собранные мною солдаты будутъ умирать за наше святое дѣло!

— Но, Мерседесъ, война — это дѣло мужчинъ!

— Я не хочу слушать этого!

— Какъ хочешь, родная! Я вѣдь забочусь только о тебѣ!

— Да. Ты заботишься только обо мнѣ и ничуть не заботишься о себѣ! Вотъ ты почти каждый день выходишь съ «Кортецомъ» на развѣдки. Вчера твой дирижабль былъ обстрѣлянь, подбитъ, ты съ трудомъ спустился въ линіи расположенія нашихъ войскъ, и если бы генералъ Мадэро не подоспѣлъ туда со своимъ отрядомъ, вѣроятно, ты попалъ бы въ руки сторонниковъ Діаца. А ты знаешь, чѣмъ это грозило бы тебѣ?

— Смертью! — прозвучалъ спокойный отвѣтъ. — Но, Мерседесъ, вѣдь кто идетъ на войну, тотъ заранѣе долженъ быть готовъ на все!

— Знаешь, я никогда не прощу себѣ, что увлекла тебя, Чарли, въ это дѣло! Ты вѣдь не мексиканецъ! Тебѣ чуждо наше дѣло!

— Ты такъ думаешь, Мерседесъ?

— А какъ же я иначе могу думать? Ты — полуангличанинъ, полурусскій родомъ, ты къ Мексикѣ не имѣешь ни малѣйшаго отношенія...

— Ты забываешь одно: одна мексиканка, которую зовутъ Мерседесъ Гланъ, отдала свою руку одному полурусскому, полуангличанину... И если она, эта мексиканка, уже давъ слово, идетъ въ опасность, если она жертвуетъ всѣмъ для торжества своего дѣла, — то какъ долженъ дѣйствовать тотъ, чьею женою она обѣщавалась стать по окончаніи войны? Можетъ-быть, онъ долженъ былъ сидѣть въ Европѣ, участвовать въ разныхъ авіаторскихъ конкурсахъ, гоняться за грошовыми призами и дешевыми триумфами?

«Нѣтъ, Мерседесъ!

«Съ того момента, какъ ты стала моею невѣстою, твое дѣло сдѣлалось моимъ дѣломъ, и, согласись, я служу этому дѣлу не за страхъ, а за совѣсть! Я не лѣзу впередъ, но и не отстаю отъ другихъ. Я не стремлюсь къ лаврамъ во имя удовлетворенія тщеславія, для снисканія популярности. Но я добросовѣстно исполняю мой долгъ, ибо, познакомившись съ жизнью Мексики, я считаю ваше дѣло святымъ и правымъ.

«Это так просто, Мерседесъ!

— Не так просто, какъ ты говоришь! Начать съ того, что ты вѣдь былъ на службѣ у президента Діаца!

— Не у него, а у правительства Мексики. И я не обязывался служить этому правительству для того, чтобы оно могло истреблять самихъ же мексиканцевъ! Наконецъ, какъ только началось возстаніе, я подавъ въ отставку, отказался служить Діацу совершенно открыто и честно!

— За что Діацъ посадилъ тебя въ тюрьму!

— Изъ которой я бѣжалъ при твоей же помощи, подписѣвшей какъ разъ въ время, Мерседесъ! Но мы отклонились отъ темы нашего разговора. Я скажу только два слова. Надо торопиться, дитя, потому что мнѣ пора идти къ нашему временному гангару! Ты заговорила о дурныхъ предчувствіяхъ. Видишь ли, — у меня самого не совсѣмъ легко на душѣ. Я не азартный игрокъ, любящій шутить своею жизнью. Я отношусь совершенно сознательно къ опасностямъ, сопряженнымъ съ дѣломъ авіатора. Но что же будешь дѣлать? Я далъ слово, и я держу его.

«Кстати, — для тебя не секретъ, что сегодняшняя развѣдка нашего дирижабля, надо полагать, будетъ послѣднею: генералъ Мадэро разсчитываетъ дать завтра сраженіе сторонникамъ Діаца, и если, какъ мы имѣемъ всѣ шансы разсчитывать, побѣда будетъ на нашей сторонѣ, — отреченіе Діаца и заключеніе міра неизбежны сейчасъ же вслѣдъ за сраженіемъ. Тогда моя служба будетъ закончена, я выйду въ отставку. И, ужъ захочешь или не хочешь, Мерседесъ, — я заставлю и тебя завтра же отказаться отъ активнаго участія въ этой кровавой сумятицѣ.

— Да, да, Чарли! Я сама чувствую, какъ я страшно устала, какъ мнѣ нуженъ отдыхъ!

— Мы, сдѣлавъ свое дѣло, родная, можемъ спокойно уѣхать изъ этого края.

— Да, да! Съ первымъ же пароходомъ, идущимъ въ Европу!

— А теперь прощай! Пора идти!

Голоса смолкли. Мгновенно спустя, двѣ фигуры показались изъ тѣни пышной листвы, образовавшей оригинальную

бесѣдку у стѣнъ маленькаго глинобитнаго дома городка Санъ-Руффо, въ которомъ помѣщался въ эти дни главный штабъ генерала Мадэро, предводителя мексиканскихъ инсургентовъ.

Это были наши старые знакомые — сеннорита Мерседесъ Гланъ и ея женихъ Чарльзъ Кингъ.

Уже подходя къ дому, въ окнахъ котораго мелькали фигуры офицеровъ инсургентской арміи, Мерседесъ вполголоса сказала любимому человѣку:

— Меня тревожитъ Мантовани, Чарли!

— Что за глупости, родная!

— Нѣтъ, Чарли, это не глупости! Этотъ человѣкъ или погибнетъ самъ, или добьется нашей гибели, Чарли!

— Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ! — засмѣялся Кингъ. — Вѣдь вотъ же, со времени нашего перваго столкновенія прошло около полугода, а Мантовани ничего не добился, если не считать того, что ты, упрямяца, еще недавно уклончиво отвѣчавшая мнѣ на мое предложеніе, официально стала моею невѣстою!

— Да, Чарли, но Мантовани куется! Ты не разувѣришь меня! Я знаю, что этотъ человѣкъ способенъ на все!

— Возможно! Заговорила хваленая «старая латинская кровь», которою онъ такъ привыкъ кичиться! Я и самъ думаю, что мой арестъ и заключеніе въ тюрьму въ Чигуагуа — дѣло рукъ Мантовани!

— А исторія съ отравленіемъ въ тюрьмѣ трехъ арестантовъ, которые въ мукахъ умерли, съѣвъ присланное будто бы мною для тебя кушанье, которое они украли?

— Да, родная! Очень похоже на покушеніе на мою жизнь! Но все же я живъ и здоровъ, и скоро все кончится. Но мнѣ пора разстаться съ тобою! Вотъ отъ гангара бѣжитъ мой помощникъ, вѣроятно, съ докладомъ о готовности «Кортеца» къ выходу на рекогносцировку. Прощай же, голубка!

— Ради Бога, Чарли, будь осторожнѣе! Не рискуй безъ особенной надобности!

— Тебя ли я слышу? — беззаботно засмѣялся Кингъ. — Лекцію объ осторожности мнѣ читаетъ мексиканская Жанна д'Аркъ, сама прославившаяся полнымъ презрѣніемъ къ опасности!

— Ради меня, Чарли! Ради нашего будущего счастья!

— Ну, хорошо, хорошо, дитя! Я даю слово, что буду благоразуменъ, и очень прошу тебя успокоиться: развѣдка нужна самая коротенькая. Къ послѣ полудня я рассчитываю вернуться. Погода стоитъ отличная.

«Летать мнѣ придется надъ мѣстностью, гдѣ почти не бываетъ опасныхъ для дирижабля круговыхъ вихрей. Нѣтъ, право, ты совершенно напрасно такъ тревожишься за меня! Сама увидишь, все обойдется благополучно!

— Дай-то Богъ! Прощай, Чарли!

— Прощай, Мерседесъ!

И они разстались.

Полчаса спустя, единственный, находившійся въ распоряженіи арміи инсургентовъ дирижабль системы Клэманъ-Баяръ, «Кортецъ» имѣя въ двухъ своихъ гондолахъ шесть человѣкъ команды съ пулеметомъ и ракетнымъ станкомъ, вышелъ изъ гангара, чтобы произвести послѣднюю развѣдку расположенія арміи генерала Руомано.

Чарльзъ Кингъ руководилъ своимъ любимымъ дирижаблемъ.

— Они стрѣляютъ въ насъ, капитанъ!—сказалъ сидѣвшій въ гондолѣ дирижабля рядомъ съ Кингомъ молодой мексиканскій офицеръ, донъ Алонзо Гермоза.

— Толку отъ этого мало!—спокойно отозвался авіаторъ, глядя внизъ въ сильный бинокль.—Мы идемъ на такой высотѣ, что ружейныя пули до насъ долетать не могутъ, а въ то же время пушечныхъ снарядовъ намъ бояться нечего: въ единственной покуда арміи міра, у нѣмцевъ, имѣются спеціальныя пушки, приспособленныя Крупномъ для стрѣльбы по воздушнымъ кораблямъ, да и то еще неизвестно, удовлетворяютъ ли они своему назначенію. Обыкновенная же полевая артиллерія, рассчитанная на стрѣльбу по горизонтальному направленію, абсолютно не приспособлена для стрѣльбы по шарамъ или дирижаблямъ.

«Я сильно подозреваю, что солдаты сеннора Діаца забавляются и развле-

каются обстрѣломъ дирижабля для собственнаго удовольствія, но это занятіе столь же бесполезно, сколь шумно...

Въ самомъ дѣлѣ, до слуха авіаторовъ снизу, съ поверхности земли, съ полей и перелѣсковъ, гдѣ расположилась въ живописномъ безпорядкѣ сильно пострадавшая за послѣднее время армія Діаца, доносилась частая и безтолковая трескотня ружейныхъ выстрѣловъ, но свиста пуль не было слышно совсѣмъ. Зато видно было отлично тамъ, далеко-далеко, внизу, подъ гондолами дирижабля, на иззелена-бурой землѣ, на свѣтло-желтыхъ песчаныхъ лысинкахъ, гдѣ мѣстами разсыпаны, словно дѣтскіе игрушечные «кубики», бѣлые домишки, а мѣстами расплываются въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ темно-зеленыя пятна оливковыхъ рощъ, тамъ безпорядочно вспухаютъ бѣлые клубки, словно крошечные грибы, лѣзущіе къ солнцу изъ почвы послѣ всеоживляющаго весенняго дождя.

Вспухнетъ такой крошечный клубочекъ, плыветъ въ сторону, таетъ, исчезаетъ. А рядомъ съ нимъ уже вспухъ другой, третій, десятый, сотый и надъ долиною, гдѣ лежать, стрѣляя по дирижаблю, мексиканскіе солдаты, носится сизоватый дымокъ порохового дыма, напоминающій туманъ.

Кингъ отдалъ приказаніе рулевому, «Кортецъ» лѣнливо измѣнилъ направленіе и поплылъ въ другую сторону: все, что нужно было знать относительно положенія въ этомъ пунктѣ, уже было узнано, записано, даже передано по довольно примитивному-таки аппарату безпроводнаго телеграфа въ главную квартиру. И Кингъ не удержался—добавилъ къ депешѣ нѣсколько словъ: привѣтъ Мерседесъ Гланъ.

Теперь дирижаблю предстояла самая трудная часть задачи—обслѣдованіе гористой и вмѣстѣ лѣсистой мѣстности, въ которой, по всѣмъ признакамъ, размѣстилось ядро арміи приверженцевъ Діаца.

Лѣсистость этой территоріи представляла весьма серьезное препятствіе для обслѣдованія: правительственныя войска могли размѣщаться въ укрытыхъ мѣстахъ, въ тѣни лѣсныхъ великановъ,

въ чащахъ кустарниковъ, во рвахъ и рывинахъ горныхъ отроговъ, и для того, чтобы не дать невѣрныхъ свѣдѣній, дирижабль былъ вынужденъ идти значительно ниже, чѣмъ это было бы желательно по теоретическимъ соображеніямъ.

— Теперь пули долетаютъ до насъ!— замѣтили озабоченно Гермоза, касаясь рукою локтя углубленного въ наблюдѣнія авіатора. Въ самомъ дѣлѣ, разатри-четыре и самъ Кингъ разслышалъ визгъ пролетающей мимо дирижабля ружейной пули, теряющейся въ пространствѣ.

— Ничего! Какъ-нибудь!—отозвался сквозь зубы Кингъ.—Вѣдь нашъ дирижабль новѣйшей системы. Въ общей оболочкѣ содержится двадцать четыре отдѣльных баллона. Поврежденіе одного, двухъ, даже пяти еще не повлечетъ за собою необходимость немедленнаго спуска. Кромѣ того, устроенное мною приспособленіе даетъ возможность обнаруживать почти моментально прорывъ общей оболочки пулею, а сенноръ Драго съ пластыремъ и заплатками держится наготовѣ и сейчасъ же залѣпитъ дыру! Да намъ бы поддержатся еще лишь съ часъ,—а тамъ и basta. Все будетъ сдѣлано! Можно будетъ возвращаться по домамъ...

— Смотрите! Словно птица! Что это такое, сенноръ Кингъ?

— Дьяволъ, а не птица!—стиснувъ зубы, отвѣтилъ Гермозъ авіаторъ, увидѣвъ, какъ по землѣ, внизу, подъ дирижаблемъ, поползло какое-то странное серебристо-сѣрое наскромое съ распластанными крыльями.

— Но что же это? Вонъ вторая такая штука!—затревожился Гермоза.

— Скоро узнаете! Это аэропланы вашего президента! Тѣ самые, которые спаслись отъ налета Гарибальди.

— И что они будутъ дѣлать?

— Примутся охотиться за нами!

— Охотиться за нами? Аэропланы за дирижаблемъ?

— Что же васъ удивляетъ?—пожалъ плечами Кингъ.—Техника военного дѣла идетъ именно къ этому. Дирижабли будутъ играть роль уже отживающихъ чудовищъ моря, броненосцевъ, аэро-

планы—роль миноносцевъ и подводныхъ лодокъ. Когда-нибудь, когда разгорится не игрушечная мексиканская революція, а настоящая война между двумя великими державами, напимѣръ, между Франціею и Германіею,—миръ будетъ присутствовать при настоящихъ воздушныхъ сраженіяхъ. Въ одной Франціи сейчасъ насчитывается свыше тысячи аэроплановъ всѣхъ системъ, отчасти пригодныхъ и для военныхъ цѣлей. Германія покуда увлекается только дирижаблями, и соорудила, пожалуй, до полутора десятка воздушныхъ броненосцевъ. Какъ только будетъ объявлена война,—сейчасъ же начнутся столкновѣнія на воздухѣ: аэропланы будутъ подстерегать и атаковать идущіе на войну дирижабли.

— Да, но теперь?

— Что теперь?

— Неужели же мы подвергнемся нападенію аэроплановъ?

— Да что васъ тутъ удивляетъ?

— Но вѣдь воздушнаго сраженія миръ еще не знаетъ! Неужели же намъ первымъ суждено испытать это?—волновался Гермоза.

— Что же? Будемъ первыми!—спокойно, но угрюмо отозвался Кингъ.

Покуда шли эти переговоры, дирижабль, уже закончившій существенную часть потребной развѣдки, снова измѣнилъ направленіе, завернулъ и противъ вѣтра поплылъ къ расположенію войскъ инсургентовъ.

— Мы убѣгаемъ?—освѣдомился Гермоза.

— Нѣтъ! Мы не должны лѣзть слѣпо въ опасность, дѣло наше исполнено, поэтому мы просто возвращаемся домой.

— Но если аэропланы погонятся за нами?

— Будемъ защищаться!

Четверть часа спустя, на блѣдно-голубомъ фонѣ неба замелькалъ силуэтъ перваго вражескаго аэроплана. Пилотъ его явно намѣревался примѣнить простой приѣмъ подняться, пролетѣть надъ дирижаблемъ, съ высоты бросить въ дирижабль пару ручныхъ гранатъ и такимъ образомъ уничтожить «Кортца».

Но Кингъ предупредилъ смѣлаго врага: развивая бѣшеную скорость, дирижабль понесся вслѣдъ за аэропланомъ, затре-

щаль пулеметь, буквально поливая пулями аэропланъ.

Мигъ, и аэропланъ, не успѣвшій взмыть въ воздухъ, свернулся и, кувыркаясь, полетѣлъ въ бездну съ разбитымъ правымъ крыломъ.

На немъ было два военныхъ авіатора.

— Одинъ!—отмѣтилъ, стиснувъ зубы, Кингъ.

— Смотрите! Смотрите! Со вторымъ тоже что-то случилось! Онъ падаетъ, падаетъ!

Въ самомъ дѣлѣ, приближавшійся уже къ дирижаблю второй аэропланъ, описывавшій широкія спирали, чтобы подняться выше дирижабля, на поворотѣ круто накренился въ бокъ и, повисѣвъ мгновенно въ воздухѣ, рухнулъ безобразною грудой на землю: у него сломалось отъ бокового толчка вѣтра одно изъ крыльевъ, онъ погибъ жертвою одной изъ тѣхъ роковыхъ случайностей авіаціи, которыхъ не предусмотрѣть ни предупредить нѣтъ возможности...

— Кажется, мы отдѣлаемся благополучно!—пробормоталъ, оглядываясь облегченно вокругъ, Чарльзъ Кингъ.

Но именно въ этотъ моментъ до его слуха долетѣлъ характерный звукъ, давно знакомый ему: рокоталъ, работая съ лихорадочною поспѣшностью, могучій моторъ аэроплана «Блеріо» № 16,—такого самого которые всегда избралъ для себя на всѣхъ конкурсахъ Мантовани, считая ихъ лучшими въ мірѣ.

— Мантовани!—прошепталъ, блѣднѣя не отъ страха, а отъ волненія, Кингъ.

Дирижабль уходилъ съ вражеской территоріи. На ходу Кингъ успѣлъ протелеграфировать, что онъ подвергся нападенію аэроплановъ и что два аэроплана погибли. Просилъ командира разослать по опредѣленнымъ пунктамъ кавалерійскіе отряды, помощь которыхъ могла оказаться весьма полезною при спускѣ «Кортеца».

— Все обстоитъ благополучно!—заканчивалась его депеша.—Насъ преслѣдуетъ только одинъ аэропланъ, съ которымъ надѣемся легко справиться.

На самомъ дѣлѣ, Кингъ въ глубинѣ души вовсе не вѣрилъ въ это свое «легко» и невольно думалъ о прошломъ, о Мер-

седесъ, о столкновеніи съ Мантовани, который, казалось, тогда же сошелъ съ ума отъ ненависти и злобы.

Покуда «Блеріо» не показывался, дирижабль втянулся въ полосу наплывшихъ съ запада тучъ и скрылся въ волнахъ тумана. Но отъ времени до времени вдругъ откуда-то, казалось, совсѣмъ поблизости, вырывалось лопотанье мотора аэроплана.

— Онъ ищетъ насъ!—шепталъ Гермоза, опасливо поглядывая по сторонамъ и сжимая рукоятку дальнобойнаго маузера.

— Держитесь насторожѣ!—отвѣчалъ ему озабоченно Кингъ.

Пять или шесть минутъ спустя, они увидѣли аэропланъ: механическая птица коршунѣмъ неслась на дирижабль, распластавъ свои огромныя крылья.

— Балластъ! Бросайте балластъ!—скомандовалъ Кингъ.

Сразу было выброшено нѣсколько мѣшковъ, и дирижабль однимъ скачкомъ поднялся на добрыхъ сто сажень вверхъ. Аэропланъ, который рассчитывалъ пронестись надъ воздушнымъ кораблемъ, проплылъ подъ нимъ.

— Стрѣляйте! Стрѣляйте!—скомандовалъ Кингъ. И съ обѣихъ гондолъ дирижабля посыпались выстрѣлы. Палили изъ револьверовъ, стрѣляли изъ пулемета.

Дирижабль и аэропланы находились въ непосредственной близости, всего лишь нѣсколько секундъ, и притомъ оба неслись по своимъ незримымъ дорогамъ съ поразительною скоростью, сильно мѣшавшею прицѣлу. Всѣ выстрѣлы изъ торопливо направленного пулемета пронеслись мимо, но нѣсколько револьверныхъ пуль достигло цѣли, и Гермоза въ дикомъ восторгѣ воскликнулъ:

— Попалъ! Я попалъ!

Въ самомъ дѣлѣ, отъ одного изъ крыльевъ аэроплана сорвалось нѣсколько осколковъ обращеннаго въ щепу дерева. Да и самъ авіаторъ не ушелъ безнаказанно: онъ покачнулся, выпустивъ изъ рукъ рычагъ, и поникъ на бокъ. Но сейчасъ же оправился.

— Мантовани! Это Мантовани!—въ себя кричалъ Кингъ.—Стрѣляйте, стрѣляйте! Это смертельный врагъ!

Словно въ отвѣтъ, съ улетаващаго аэроплана загремѣли револьверные выстрѣлы, и двѣ пули впились надъ головою Кинга въ оболочку дирижабля.

Правда, кто-то изъ команды дирижабля моментально обнаружилъ мѣста поврежденія оболочки и залѣпилъ дыры специальнымъ пластыремъ, но подъемная сила воздушнаго корабля все же пострадала, и дирижабль сталъ замѣтно опускаться.

— Бросайте балластъ! Скорѣе, скорѣе! Мы падаемъ!— распоряжался Кингъ.

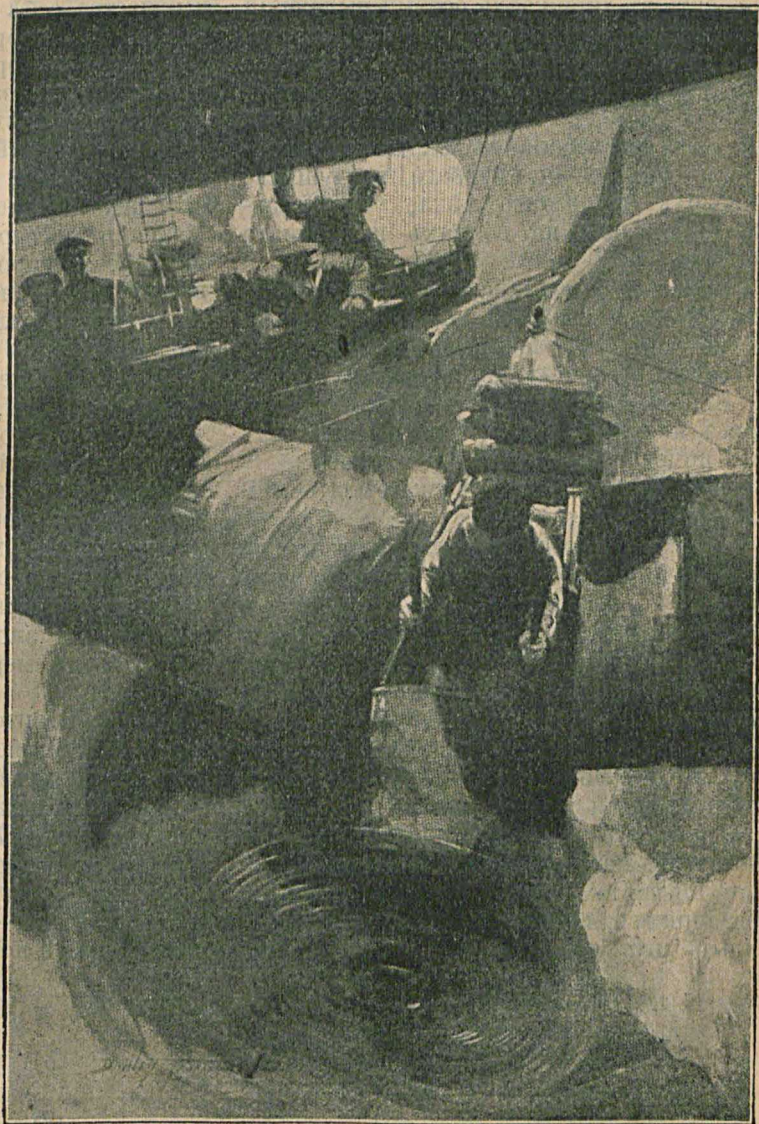
Но сбрасыванье балласта задержало опусканье только на короткій промежутокъ времени. По всемъ признакамъ выстрѣлами Мантовани были нанесены и другія поврежденія оболочки, которыя оказывалось затруднительнымъ обнаружить немедленно, и газъ уходилъ, то-есть уходила сама жизненная сила воздушнаго корабля.

А рокоть мотора «Блеріо» опять послышался въ непосредственной близости дирижабля: Мантовани возвращался докончить свое дѣло.

Онъ мчался въ волнахъ тумана, чтобы свести послѣдній счетъ съ соперникомъ, отнявшимъ у него надежду на счастье, на богатство, на вліяніе въ жизни...

На этотъ разъ дирижаблю не удалось подняться и пропустить аэропланъ подъ собою. Но зато, когда «Блеріо» уже, казалось, готовился накрыть своими крыль-

ями дирижабль, Чарльзъ Кингъ швырнулъ въ аэропланъ ручную гранату, которая разорвалась надъ головою Мантовани. Мигъ,—и разбитый вдребезги аэро-

Аэропланъ, который разсчитывалъ пронестись надъ дирижаблемъ, проплылъ подъ нимъ.

планъ полетѣлъ мимо дирижабля въ воздушную бездну.

— Конецъ! Конецъ!—крикнулъ Кингъ, видѣвшій, какъ мелькнуло, несясь въ пропасть, изорванное въ клочья тѣло его смертельнаго врага.

Но въ то же мгновеніе оглушительный грохотъ, словно раскатъ грома, пронесся въ воздухъ. Все закружилось, завертѣлось, заплесало.

Мантовани передъ гибелью успѣлъ бросить въ дирижабль особый пылающій снарядъ изъ комка пропитанной смолоу пакли и стальныхъ крючковъ. Ужасный факель вцѣпился въ оболочку дирижабля, зажегъ ее. Мигъ, и произошелъ взрывъ, разнесшій въ атомы весь корпусъ дирижабля, перваго воздушнаго корабля двадцатаго вѣка, участвовавшего въ бою на волнахъ воздушнаго океана.

Обломки аэроплана и осколки сооружений взорвавшагося дирижабля упали на каменистое поле всего въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень другъ отъ друга.

Поблизости держался кавалерійскій отрядъ инсургентовъ, который посѣщилъ на помощь жертвамъ катастрофы.

Но помощь человѣка уже была бесполезна аэронавтамъ...

Къ вечеру того же дня инсургенты съ какою-то нечеловѣческою яростью перешли въ наступленіе. Впереди бурей неся отрядъ, во главѣ котораго мчалась мексиканская Жанна д'Аркъ, мстительница за гибель злополучнаго Чарльза Кинга, Мерседесъ Гланъ.

Натискъ инсургентовъ былъ положительно безумнымъ, и ничто не могло сопротивляться ихъ ярости.

Къ разсвѣту разбитая на-голову армія «несмѣняемаго президента» Мексики, дона Порфиріо Діаца, бѣжала въ полномъ безпорядкѣ, и инсургентамъ было открытъ путь на столицу. Къ полудню

прибыли парламентареры Діаца, извѣщавшіе, что президентъ соглашается отречься, что онъ соглашается на всѣ условія возставшихъ, прося только гарантировать личную свободу и сохранность имущества себѣ и десятку важнѣйшихъ изъ своихъ сторонниковъ.

Кровавая борьба за обновленіе Мексики заканчивалась.

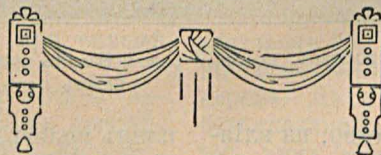
Мѣсто послѣдняго сраженія инсургентовъ съ войсками Діаца избрано, какъ извѣстно, для сооруженія колоссальнаго монумента въ честь избавленія Мексики отъ тираніи Діаца и его сообщниковъ. Но пройдутъ еще годы и годы, покуда монументъ, на который ассигновано много милліоновъ, будетъ доведенъ до конца.

Тѣмъ временемъ на одномъ краю каменистаго поля, близъ предполагаемаго «Памятника Свободы Мексики», уже высятся небольшой, но изящный мраморный памятникъ. Онъ стоитъ надъ братскою могилою, въ которой нашли успокоеніе всѣ, погибшіе вмѣстѣ съ «Кортецомъ» въ тотъ роковой день.

Это памятникъ въ честь Чарльза Кинга и пяти его злополучныхъ спутниковъ, нашедшихъ смерть въ первомъ воздушномъ бою.

Могила Мантовани нѣсколько въ сторонѣ. Надъ нею лежитъ простой, грубо отесанный камень.

Оба памятника сооружены несчастною «мексиканскою Жанною д'Аркъ», то-есть Мерседесъ Гланъ. Ея зловѣщія предчувствія того утра оправдались, и послѣдняя развѣдка «Кортеца» оказалась въ самомъ дѣлѣ послѣднею...

Разсказъ Д. Мэкки.

СТИВЪ сознавалъ, что его игра проиграна и что спасти его можетъ только какая-нибудь исключительная счастливая случайность, вѣрнѣе только чудо. Но въ чудеса молодой южанинъ не вѣрилъ, а на счастливыя случайности тотъ, кто берется за ответственное дѣло, не имѣетъ никакого права рассчитывать.

— Придется, видно, погибать! — бормotalъ Стивъ сквозь зубы, пробираясь сквозь колючіе кустарники, увязая чуть не по колѣни въ болотной грязи, выбиваясь изъ силъ и обливаясь потомъ.

— Придется, придется погибать! И никто даже не узнаетъ, какъ, когда, во имя чего осужденъ я на безславную смерть!

«А я столько мечталъ о подвигахъ, о славѣ, о томъ, что мое имя стануть повторять изъ поколѣнія въ поколѣніе..»

«Стопъ!

«Куда мнѣ итти теперь?»

«Этотъ лѣсокъ мнѣ кажется подозрительнымъ. Въ всякихъ сомнѣній, сѣверяне были бы слишкомъ большими глушцами, если бы не выставили тамъ сторожевыхъ постовъ.

«Пойти туда, значить, попасть волку въ пасть.

«Оставаться въ поросляхъ?»

«Но я уже двое сутокъ ничего не ѣлъ, и у меня больше нѣтъ силъ. А тутъ ничего не найдешь, даже корней какихъ-нибудь растений, при помощи которыхъ можно было бы обмануть муки голода.

«Вернуться назадъ, на ферму?»

«Но она сейчасъ занята фуражирами сѣверянъ, и я попаду имъ въ руки, какъ перепелка въ сѣтку охотника!

«Остается попытаться пробраться черезъ эту полянку. Тамъ долженъ быть небольшой ровъ. Можетъ-быть, меня не замѣтятъ, когда я буду туда ползти, а черезъ ровъ я смогу выбраться изъ этой проклятой ловушки.

«Ну, съ Богомъ!

И онъ, припавъ къ сырой землѣ, поползъ, словно ящерица, по выбранному направленію.

Черезъ пять минутъ ему удалось, въ самомъ дѣлѣ, добраться до предполагаемаго рва. Но тутъ молодой южанинъ увидѣлъ свою ошибку: рва никакого не было, а была просто глинистая яма, на днѣ которой скопилась лужа илистой и мутной воды.

Не размышляя долго, Стивъ утолилъ этою водою свою жажду.

Но когда онъ, напившись, попробовалъ выбраться изъ ямы, силы окончательно измѣнили ему, и онъ со слабымъ стономъ опустился на землю, погрузившись въ близкое къ летаргіи состояніе дремоты.

Въ полубреду онъ вспоминалъ событія послѣдняго времени. Передъ нимъ развертывались картины прошлаго.

Потомокъ одной изъ старыхъ плантаторскихъ фамилій Западной Виргиніи, Тимъ Стивъ до начала великой войны между Сѣверными и Южными штатами изъ-за освобожденія негровъ успѣшно учился въ одномъ изъ сѣверныхъ университетовъ, штудировавъ юриспруденцію и готовясь стать адвокатомъ.

Въ тѣ патріархальныя времена студенты имѣли гораздо больше свободного времени, чѣмъ въ наши дни, и молодой Стивъ, страстный охотникъ,

пользовался каждым свободнымъ часомъ, чтобы предаваться своему любимому занятію,—охотѣ «по шерсти» и «по перу».

Лѣтомъ, пріѣзжая на каникулы домой, онъ проводилъ въ скитаніяхъ по полямъ и лѣсамъ цѣлые мѣсяцы.

Забравъ съ собою пару книгъ и побольше охотничьихъ припасовъ, онъ исчезалъ изъ дому и возвращался только тогда, когда надо было возобновить запасъ пороху или когда взятая имъ съ собою книжка по юриспруденціи оказывалась проштудированною при свѣтѣ огня разложеннаго въ лѣсу костра до послѣдней страницы и усвоенною, какъ «Отче нашъ».

Эти многолѣтнія скитанья, заводившія молодого студента за сотни километровъ отъ родного дома, дали ему возможность изучить огромную территорию, какъ можетъ изучить мѣстность только прирожденный номадъ-охотникъ.

И вотъ, когда военные дѣйствія перекинулись на территорию родного штата, Тима Стива, молодой студентъ, поступившій въ войска южанъ въ качествѣ волонтера, оказался на рѣдкость полезнымъ своимъ товарищамъ, ибо онъ, какъ никто другой, могъ производить рискованныя развѣдки и ухитрялся добывать самыя точныя свѣдѣнія о расположеніи вражескихъ отрядовъ.

Тутъ помогала, кромѣ знанія мѣстности и охотничьяго навыка, высокая интеллигентность молодого юриста, привычка и умѣнье не только наблюдать, замѣчать, но и обобщать логически увидѣнное умѣнье дѣлать обоснованные выводы.

Сначала занятіе развѣдчика было только случайнымъ. Но послѣ двухъ или трехъ блестящихъ развѣдокъ, удостоившись похвалы командировъ, Стивъ позволилъ себѣ какъ будто увлечься достигнутымъ успѣхомъ, и всецѣло предался дѣлу производства развѣдокъ, забывая, что дѣло это щекотливое и что слишкомъ часто бываетъ трудно различить, гдѣ кончается развѣдчикъ и гдѣ начинается военный шпіонъ, съ которымъ расправляются, какъ съ бѣшеною собакою, вздергивая его на первый попавшійся сучокъ или пристрѣливая

его у первой встрѣтившейся на пути стѣнки.

И вотъ, увлекшись дѣломъ, какъ спортомъ, Тимъ Стивъ въ одно прекрасное утро зарвался, допустивъ двѣ-три мелкія неосторожности, забрелъ въ мѣсто расположенія войскъ сѣверянъ, наконецъ оказался въ безвыходномъ положеніи.

Въ довершеніе бѣды, спасаясь бѣгствомъ отъ преслѣдовавшаго его неприятельскаго развѣзда, Стивъ вынужденъ былъ покинуть все свое оружіе. Теперь у него оставался только карманный ножъ.

Да оставалась еще записная книжка, наполненная замѣтками о томъ что удалось Стиву разузнать о расположеніи отрядовъ сѣверянъ и объ идущихъ къ нимъ подкрѣпленіяхъ.

Съ книжкою Стивъ не хотѣлъ разставаться до послѣдней крайности: правда, если бы книжки не оказалось при немъ въ моментъ ареста сѣверянами, у него были еще шансы кое-какъ выкрутиться изъ тяжелаго положенія, избавиться отъ подозрѣнія въ шпіонствѣ, но, съ другой стороны, книжка содержала слишкомъ драгоценныя свѣдѣнія, которыя могли оказать большую услугу командирамъ близкихъ войскъ южанъ, и именно поэтому Стивъ рѣшилъ уничтожить ее только въ виду неминуемой опасности.

Обо всемъ этомъ думалъ молодой развѣдчикъ, лежа на днѣ глинистой ямы въ это утро,—думалъ, охваченный непобѣдимою усталостью, сонливостью, полною апатіею.

Внезапно до слуха его коснулись звуки человѣческихъ голосовъ, топотъ лошадиныхъ копытъ, бряцаніе оружія.

Стивъ, словно получивъ электрическій ударъ, привскочилъ осторожно и выглянулъ сквозь росшіе на краю ямы рѣдкіе кусты.

Да, онъ не ошибался: отъ недалекаго лѣска къ ямѣ тянулся отрядъ сѣверянъ съ двумя офицерами во главѣ. Сѣверяне шли, разсыпавшись рѣдкою цѣпью, и на ходу штыками ощупывали всѣ кусты, разсматривали всѣ слѣды на болотистой почвѣ, и при этомъ громко переговаривались, перекликались.

— Онъ прячется гдѣ-то здѣсь!—услышалъ Стивъ голосъ одного изъ офицеровъ, остановившагося на минуту, чтобы раскурить сигару.

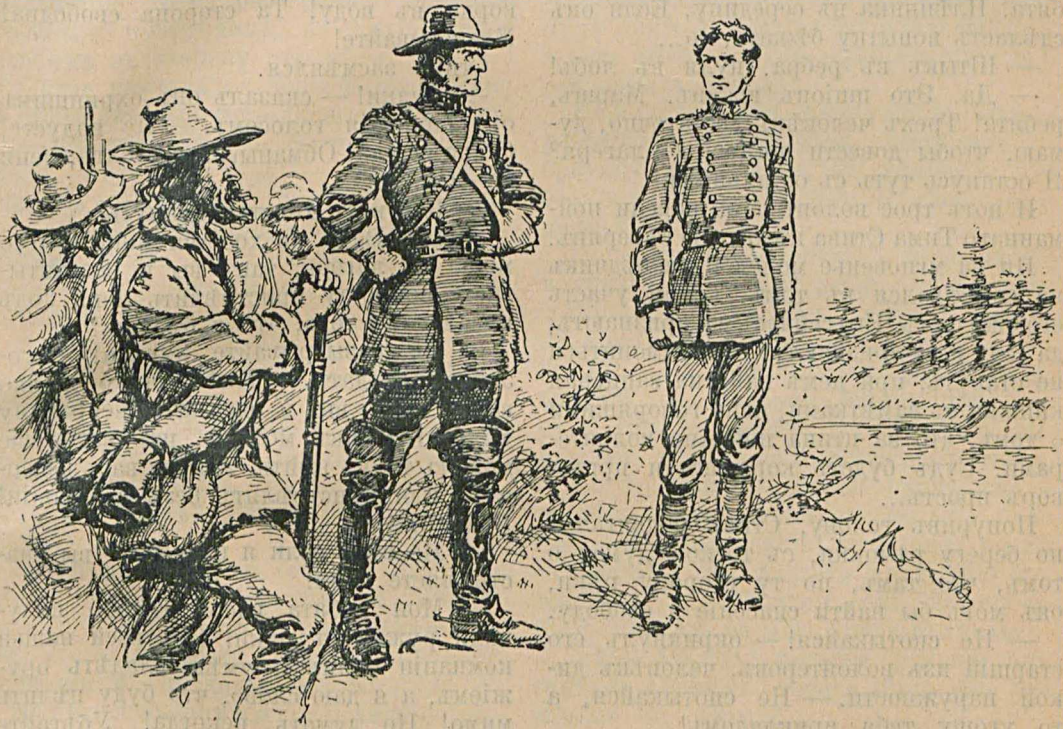
— Будьте осторожныѣ, ребята! Это ловкій и смѣлый парень!

Стивъ узналъ преслѣдователей: это былъ тотъ самый отрядъ, отъ котораго онъ съ величайшимъ трудомъ ушелъ вчера вечеромъ.

Онъ находился теперь поблизости отъ какого-то ручья или мелководной рѣчки съ болотистыми берегами, и стоило ему перебраться на ту сторону, онъ могъ разсчитывать на спасеніе.

Еще десять, еще двадцать шаговъ. Берегъ такъ близокъ...

И вдругъ что-то навалилось на Стива, придавило его къ землѣ. Десятокъ сильныхъ рукъ впился въ его плечи. Деся-

Сжимая кулаки, онъ гнѣвными глазами глядѣлъ на поймавшихъ его враговъ.

Явно, они попали на его слѣды, явно, они гнались именно за нимъ.

Теперь нельзя было терять даромъ ни минуты времени.

Сонливости, слабости, апатіи какъ не бывало. Стивъ выползъ изъ своего убѣжища и, прильнувъ къ землѣ, сливаясь съ ея кочковатою поверхностью, скрылся въ рѣдкихъ заросляхъ.

Ослы развѣдчиковъ мало-по-малу сдѣлались глухими.

Только издали доносилось чуть слышно конское ржанье, и Стивъ начиналъ вѣрить въ то, что непосредственная опасность уже миновала.

токъ гнѣвныхъ голосовъ звучалъ вокругъ него.

— Добрый день, мистеръ поползунка!—услышалъ Стивъ насмѣшливый презрительный голосъ.—Думаете поступить въ ящерицы, что ли? Или играете въ прятки?

Отнявъ у Стива его послѣднее оружіе, его ножъ, его враги предоставили ему извѣстную свободу, и молодой чело-вѣкъ могъ, наконецъ, подняться на ноги. Сжимая кулаки, онъ гнѣвными глазами глядѣлъ на поймавшихъ его враговъ.

Да, это были сѣверяне!

Это былъ отрядъ волонтеровъ подъ командою своего собственнаго «капитана», высокаго костляваго человѣка съ орлинымъ носомъ и блестящими глазами.

— Капитанъ! — доложилъ командиру одинъ изъ рядовыхъ волонтеровъ. — У этого молодчика я нашелъ въ карманахъ книжку! Не могу разобрать, что за каракули тутъ!

— Въ штабѣ разберутъ! — коротко отвѣтилъ «капитанъ». — Впередъ, ребята. Плѣнника въ середину. Если онъ сдѣлаетъ попытку бѣжать, то...

— Штыкъ въ ребра, пуля въ лобъ!

— Да. Это шпионъ южанъ. Маршъ, ребята! Трехъ человѣкъ достаточно, думаю, чтобы довести шпиона до лагеря? Я останусь тутъ съ остальными!

И вотъ трое волонтеровъ повели пойманнаго Тима Стива къ лагерю сѣверянъ.

Ни на мгновеніе молодой развѣдчикъ не сомнѣвался въ томъ, какая участь его ожидаетъ. Его сейчасъ же признаютъ, да если и не признаютъ, то церемониться не станутъ: при немъ найдена записная книжка съ замѣтками, ясно говорящими о томъ, что за птица поймана волонтерами. Судь будетъ коротокъ и приго-воръ простъ...

Понутивъ голову, Стивъ подвигался по берегу рѣчки, съ тоскою думая о томъ, что тамъ, по ту сторону рѣки, онъ могъ бы найти спасеніе и свободу.

— Не спотыкайся! — окрикнулъ его старшій изъ волонтеровъ, человѣкъ дикой наружности. — Не спотыкайся, а то угощу тебя прикладомъ!

Минутою спустя, проходя по узкой тропинкѣ, тотъ же волонтеръ распорядился двумъ другимъ идти нѣсколько впередъ, чтобы не наткнуться на засаду.

— А ты держи руки по швамъ! — сказалъ онъ суровымъ голосомъ плѣннику. — Да не вздумай бѣжать! Чуть что прикончимъ тебя тутъ же!

Но едва солдаты нѣсколько отделились, этотъ волонтеръ шепнулъ на ухо плѣннику:

— Вы—Стивъ,—сынъ стараго полковника Стива? Я призналъ васъ!

— Но я васъ не признаю! — отвѣтилъ шопотомъ же плѣнникъ.

— И не надо! Меня зовутъ Дикъ Уолтерсъ. Но это все равно: вы, поди,

разъ два въ жизни только и видѣли меня! Вы вѣдь баринъ, а я бѣдняга, бродяга, голъ, какъ соколъ! Но болтать нѣтъ времени. Слушайте! Сейчасъ мы доберемся до маленькаго мыска. Тутъ сравнительно мелко и много купцовъ. Во мгновеніе ока валяйте въ воду!

— Что? — изумился Стивъ.

— Идіотъ вы, что ли? — прикрикнулъ на него солдатъ. — Валяйте, говорю, въ воду! Та сторона свободна! Улепетывайте!

Стивъ засмѣялся.

— Дудки! — сказалъ онъ охрипшимъ отъ волненія голосомъ. — Не надуете! Стара штука! Обманывайте ребятъ, меня не обманете!

— Кто васъ хочетъ обмануть?

— Вы! Вамъ не хочется тащиться со мною въ лагерь, такъ вы и разсчитываете попросту пристрѣлить меня подъ предлогомъ того, что я бѣжалъ!

— Не разыгрывайте дурака! — отозвался солдатъ. — Мнѣ просто жалко васъ, хоть вы и служите неправому дѣлу! Вы такъ молоды, изъ васъ еще можетъ толкъ выйти. А вѣдь васъ вадернутъ или пристрѣлятъ безъ церемоніи! Убѣгайте!

— Но вѣдь если я и побѣгу, вы разстрѣляете меня!

— Мои ребята вчера только получили ружья въ руки! Изъ всей нашей компаніи одинъ я умѣю владѣть оружіемъ, а я даю слово, что буду цѣлить мимо! Но думать некогда! Убѣгайте же, чортъ бы васъ побралъ!

И онъ съ силою столкнулъ Тима въ воду съ некрутого берега, а въ то же мгновеніе закричалъ:

— Держи! Лови! Онъ удираетъ! Стрѣлай, стрѣлай, ребята!

Шедшіе въ десяткѣ шаговъ солдаты вернулись къ тому мѣсту, гдѣ находился съ плѣнникомъ ихъ командиръ. На бѣгу они неумѣло хватились за тяжелыя ружья.

— Ба-ба-бахъ! — пророкоталъ первый выстрѣлъ.

Тимъ Стивъ, упавъ въ тишину, воду, нырнулъ, потомъ, проплывъ нѣсколько саженъ подъ водою, выплылъ на срединѣ рѣчки.

Пуля изъ ружья Дика Уолтерса просвистѣла въ воздухъ и плеснула въ воду на двѣ сажени въ сторону отъ головы бѣглеца.

— Стрѣляйте, черти! — бѣсновался волонтеръ. — Стрѣляйте же!

— Мое ружье не заряжено! — оправдывался одинъ изъ солдатъ. — Кабы онъ мнѣ подвернулся подъ штыкъ...

— Ты отчего не стрѣляешь? — накинулся спаситель Тима на второго солдата. — Тотъ растерянно поднялъ ружье и выстрѣлилъ, но пуля пошла совсѣмъ въ сторону отъ цѣли.

Опять звучали раздраженные голоса, и опять гремѣли безтолковые выстрѣлы.

— Ребята! Кто не боится аллигаторовъ, лѣзь въ воду! — командовалъ старшій волонтеръ, Дикъ Уолтерсъ.

— Что? Аллигаторы? Да развѣ намъ самимъ жизнь не дорога?

— Такъ стрѣляйте же! А то мы сами попадемъ подъ судъ!

А Стивъ плылъ и плылъ.

Мысль его работала съ горячею мыслью.

— Аллигаторы? Какъ ужасъ! Въ самомъ дѣлѣ, тутъ должны водиться эти гадины! Вотъ, кажется, плыветъ одна изъ нихъ! Боже! Спаси и помоги!

Стивъ метнулся въ сторону отъ темнаго предмета, колыхавшагося въ мутной водѣ. Но потомъ сразу успокоился: это было попросту бревно, поросшее лишаями и опутанное водорослями.

На пути подвернулся крошечный островокъ, на которомъ, словно щетина, торчалъ пучокъ тростника. Стивъ заплылъ за этотъ островокъ и легъ на самомъ его краю, укрывшись за тростникомъ отъ постороннихъ взоровъ.

И во-время!

Едва онъ размѣстился тутъ, какъ берегъ, откуда еще гремѣли выстрѣлы, ожилъ: показались фигуры привлеченныхъ выстрѣлами волонтеровъ регулярныхъ солдатъ сѣверянъ, подсказали къ водѣ оба офицера разъѣзда, искавшаго Стива.

— Вотъ онъ! Вотъ! Плыветъ, плыветъ! — закричалъ Дикъ Уолтерсъ, бросаясь совсѣмъ въ другую сторону и на бѣгу стрѣляя по какому-то темному

предмету, въ самомъ дѣлѣ плывшему по соннымъ струямъ рѣчонки.

— Попасть! Въ голову попасть!

— Аллигаторъ! — крикнулъ чей-то испуганный голосъ, увидѣвъ бревно, которое, въ свою очередь, поплыло внизъ по теченію.

А Тимъ Стивъ, ни живъ, ни мертвъ, все еще лежалъ на краю спасительнаго островка и не вѣрилъ своему спасенію.

Съ наступленіемъ сумерекъ берегъ рѣчонки опустѣлъ. Тогда Стивъ рискнулъ опять пуститься въ странствованія и безъ особаго труда перебрался на другой берегъ потока.

Къ полуночи онъ наткнулся на первые разъѣзды южанъ, былъ доставленъ на бивуаки и положенъ въ лазаретъ, гдѣ его окружили заботами и скоро подняли на ноги.

Но когда выздоровѣвшій молодой человекъ могъ бы уже вернуться въ ряды войскъ сепаратистовъ, война пришла къ концу. Сѣверяне торжествовали повсюду. Югъ, истощенный, разоренный, близкій къ полному банкротству, не могъ уже отстаивать себя и былъ вынужденъ сдаться на милость побѣдителя.

Да, по правдѣ сказать, Стивъ уже и не испытывалъ никакого желанія принять активное участіе въ войнѣ: послѣ катастрофы онъ какъ-то внутренне измѣнился, переродился, онъ почему-то сталъ глядѣть на міръ другими глазами. и дѣло южанъ, которое раньше онъ считалъ правымъ, теперь было уже чуждымъ его сердцу.

— Если бы Югъ и побѣдилъ, — Стивъ едва ли согласился бы числиться въ рядахъ сторонниковъ рабства...

* * *

Прошло лѣтъ около десяти.

Изъ Тима Стива выработался за эти годы крупный общественный и политическій дѣятель.

Отдавъ всю свою энергію изученію права, онъ сталъ выдающимся юристомъ, съ авторитетомъ котораго считались всѣ окружающіе.

Въ тѣ годы Сѣверо-Американскіе Штаты были охвачены желѣзнодорожною строительною горячкою, и Стивъ

пристроился юрисконсултомъ при одной компаніи, которая мало-по-малу приобрѣла огромную популярность и колоссальное могущество въ желѣзнодорожномъ мірѣ.

Самъ Стивъ, имѣвшій случай оказать серьезныя услуги компаніи, не ограни-

шибочно опредѣлялъ наивыгоднѣйшее направление строящейся линіи.

Еще пять-шесть лѣтъ, и Тимъ Стивъ, уже сенаторъ, числился въ рядахъ «желѣзнодорожныхъ королей» Сѣверной Америки, а его личное состояніе исчислялось десятками милліоновъ долларовъ.

И вотъ однажды, совершенно случайно проглядывая газеты, Тимъ Стивъ наткнулся на хлестко написанную статейку какого-то борзописца, повѣствовавшего объ арестѣ нѣкогого Ричарда Уольтерса, обвиняемого въ вооруженномъ грабежѣ и сопротивленіи властямъ.

Арестованному грозила смертная казнь.

— Но вѣдь это тотъ самый дикарь, который тогда спасъ меня! — воскликнулъ Тимъ Стивъ. — Ну, да, это онъ, и никто больше! Вотъ, тутъ говорится, что онъ участвовалъ въ войнѣ, и мѣсто его послѣднихъ подвиговъ вѣдь это именно тамъ, гдѣ тогда мнѣ грозила веревка!

Вечеромъ того

же дня Стивъ экстренно заказаннымъ поѣздомъ отправился въ Западную Виргинію: онъ мчался, чтобы помочь своему спасителю.

Дѣло оказалось не изъ легкихъ: Дикъ Уольтерсъ запутался весьма основательно.

По существу, это былъ добрый, но несчастный человѣкъ. Молодость проведена въ бродяжествѣ. Послѣ войны какъ-то не умѣлъ понять, что теперь

Пуля просвистѣла въ воздухѣ и шлепнулась въ воду на двѣ сажени въ сторону отъ головы бѣглеца.

чился ролью юрисконсулта: онъ сдѣлался однимъ изъ директоровъ дороги.

Тутъ ему на помощь пришли тѣ самыя способности, которыя когда-то, въ бурную эпоху войны, увлекли его въ опаснѣйшія авантюры: бывшій развѣдчикъ теперь сдѣлался самоучкою «проспекторомъ» перваго ранга, онъ отважно обследовалъ мѣстность, по которой можно было проложить дорогу, и съ какимъ-то прирожденнымъ чутьемъ всегда безо-

пришли другія времена. И не за что было зацѣпиться.

Словомъ, Уолтерсъ всё эти пятнадцать лѣтъ перебывалъ съ хлѣба на воду, а иной разъ, изголодавшись, вступалъ въ конфликты съ согражданами, прегрѣшая противъ законовъ о собственности въ качествѣ законсѣлаго браконьера, который не желаетъ считаться съ ограничительными законами охотѣ.

Браконьерство выбило его изъ общества. Оно же завело его такъ далеко, что теперь Уолтерсу грозила опасность быть осужденнымъ и повѣшеннымъ въ качествѣ бандита.

Но трудность дѣла не остановила Тима Стива: въ качествѣ выдающагося юриста Америки, онъ, который отказывался выступать въ процессахъ, гдѣ обвиняемые могли заплатить за защиту меньше ста тысячъ долларовъ, выступилъ защитникомъ нищаго-браконьера.

Общество терялось въ догадкахъ и причинахъ, побудившихъ сенатора и архимилліонера Стива взять на себя защиту Уолтерса. Но Стива это не смущало.

На судѣ Стивъ произнесъ лучшую свою рѣчь.

Онъ прослѣдилъ всю жизнь подсудимаго, доказывая, что этотъ человѣкъ и въ своемъ глубокомъ паденіи все же сохранилъ образъ человѣческой и что его прегрѣшенія по большей части зависѣли не отъ наличія злой воли и дурныхъ инстинктовъ, а отъ неблагоприятнаго стеченія обстоятельствъ и отсутствія поддержки со стороны самого общества.

Процессъ, благодаря вмѣшательству Стива, закончился оправданіемъ Уолтерса.

Когда освобожденный вышелъ изъ тюрьмы, Стивъ увезъ его съ собою.

— Долгъ платежомъ красенъ! Око за око, жизнь за жизнь! — сказалъ онъ Уолтерсу. — Когда-то вы спасли меня отъ веревки. Я помню, вы тогда говорили мнѣ, что вамъ жалко меня и что я могу, по вашему мнѣнію, еще исправиться и оказаться полезнымъ чело-вѣкомъ.

«Теперь я, въ свою очередь, спасаю васъ отъ веревки. И хотя мы съ вами уже не молоды, но я думаю, что и вамъ еще есть возможность исправиться. Попросту, и вамъ надо къ чему-нибудь пристроиться, приспособиться. Не благодарите меня! Я вѣдь тогда, когда вы столкнули меня въ воду рѣки, тоже не благодарилъ васъ, а попросту работалъ и руками и ногами, чтобы выплыть на тотъ берегъ.

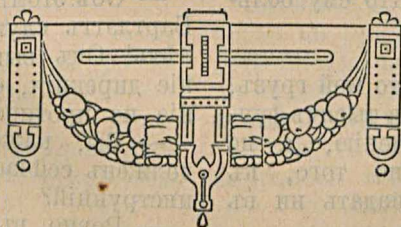
«Ну, плывите же теперь и вы!

«А я на всякій случай снабжу васъ парочкою плавательныхъ пузырей!

Стивъ зналъ, что дѣлалъ: онъ купилъ для Уолтерса порядочный участокъ земли въ мѣстности, которой, по его мнѣнію, предстояло хорошее будущее, и помогъ устроить тамъ обширную ферму для разведенія скота.

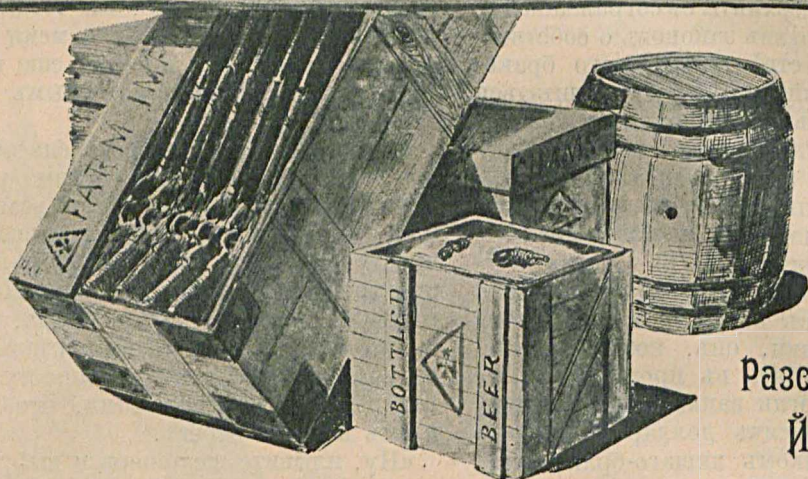
Уолтерсъ, прирожденный охотникъ, какъ никто другой, могъ оберегать свои стада, выставивъ со сказочно быстрою съ года на годъ.

До конца жизни своей онъ уже не возвращался къ прежнему, и ни разу Стивъ не имѣлъ случая пожалѣть, что по принципу «око за око» помогъ избавиться Уолтерсу отъ угрожавшей ему петли.

ДОЛГЪ МОРЕКА.

Разсказъ Йерлэсаккъ.

О ПАСАЮСЬ, изъ этого дѣла ничего не выйдеть!

— Почему такъ?

— Во-первыхъ, само дѣло рискованное!

— Ладно! Мало ли «рискованныхъ» дѣлъ, сэръ, приходится проводить такой крупной фабриктъ, какъ ваша!

— Во-вторыхъ, мнѣ кажется исключительно труднымъ найти капитана, которому можно было бы довѣрить опасное порученіе!

— Вотъ въ этомъ пунктѣ, сэръ, мы, должно-быть, и не сходимся! Въ чемъ именно вы видите затрудненіе?

— На такое дѣло можетъ итти только человѣкъ съ кровью авантюриста въ жилахъ! А авантюристъ это не изъ категоріи лицъ, къ которымъ можно питать довѣріе. Онъ сегодня служитъ одному дѣлу, завтра, со столь же легкимъ сердцемъ, другому. Кто ему больше заплатитъ...

— Дальше, сэръ!

— Кто мнѣ поручится, что мой грузъ, стоящій добрыхъ полтора ста тысячъ фунтовъ, дойдетъ по назначенію, а не попадетъ въ руки именно того, къ кому онъ не долженъ попадать ни въ коемъ случаѣ?

— Честь капитана, сэръ!

— Ба! Громкое слово!

— Напрасно такъ думаете, сэръ! Вы, очевидно, не знаете совсѣмъ людей съ моря и не имѣете представленія о томъ, какъ они исполняютъ свой долгъ!

Мистеръ Уилльямъ Врэддонъ, глава одной изъ крупнѣйшихъ въ мірѣ индустріальныхъ фирмъ, задумчиво покачалъ головою, потомъ со вздохомъ вымолвилъ:

— Во всякомъ случаѣ, я уже сдѣлалъ ходъ въ игрѣ, и назадъ не пойду! Мнѣ остается теперь надѣяться на благополучный исходъ дѣла, на этого вашего, какъ его...

— На капитана Дэвида Бартлэтта, сэръ! Головою ручаюсь, что онъ сдѣлаетъ свое дѣло, или...

— Или что?

— Или ляжетъ въ могилу!

— Но еще вопросъ: согласится ли онъ вести судно по назначенію?

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи! Бартлэттъ служитъ у насъ пятнадцать лѣтъ! Онъ выполнитъ всякое требованіе дирекціи, если только это требованіе не противорѣчитъ его совѣсти!

— Вы, кажется, сказали, что онъ долженъ сейчасъ прійти за полученіемъ инструкцій?

— Ровно въ полдень! Сейчасъ безъ семи минутъ двѣнадцать. Подождите до двѣнадцати, и вы увидите!

— Хорошо. Я подожду!

Въ просторномъ дѣловомъ кабинетѣ арматора Соутгэтта, гдѣ велся этотъ таинственный разговоръ, воцарилось молчаніе. Собесѣдники въ ожиданіи прихода капитана Бартлэтта погружались въ свои дѣла: Брэддонъ переглядывалъ номеръ сегодняшней газеты, поигрывая машинально золотымъ ключикомъ отъ часовъ, арматоръ Соутгэттъ переворачивалъ лежавшія на письменномъ столѣ бумаги и отъ времени до времени ставилъ на нихъ помѣтки карандашомъ.

Около двѣнадцати въ коридорѣ послышались увѣренные шаги, и на порогѣ кабинета показался пожилой морякъ съ бронзовымъ лицомъ и блестящимъ взоромъ.

— Пожалуйте, пожалуйста! — крикнулъ ему навстрѣчу арматоръ. — Садитесь! Что! новаго?

— «Бродяга» готовъ въ путь, сэръ! — сказалъ, садясь, капитанъ. — Я пришелъ, чтобы получить ваши инструкціи!

— Команда въ полномъ составѣ?

— Да. Удалось набрать отборный экипажъ.

— Грузъ на борту?

— Утромъ закончили погрузку.

— Провизія? Уголь?

— Въ порядкѣ!

— Можете отчалить?

— Хоть сейчасъ!

— Хорошо! Фирма полагается на васъ! Но... но вотъ въ чемъ дѣло...

— Слушаю!

— Инструкціи находятся здѣсь!

Армадоръ вынулъ изъ стола довольно объемистый пакетъ, запечатанный пятью сургучными печатями, и положилъ его на столъ передъ морякомъ. Тотъ спокойно поглядѣлъ на пакетъ.

— Вы выйдете въ открытое море, Бартлэттъ!

— Хорошо.

— Тамъ, и только тамъ, вы распечатаете пакетъ съ инструкціями!

— Слушаю!

— Вы узнаете, куда «Бродяга» долженъ пойти. Больше я ничего не имѣю вамъ сказать. До свиданья!

Морякъ молча поднялся, положилъ запечатанный пакетъ въ карманъ своего сюртука и, поклонившись, вышелъ

изъ кабинета тѣмъ же ровнымъ и спокойнымъ шагомъ.

Армадоръ и его гость проводили моряка взорами, потомъ арматоръ сказалъ вполголоса:

— Ну? Что вы теперь думаете о Бартлэттѣ, сэръ?

— Н-ну, довольно трудно сказать, что я думаю! — отозвался Брэддонъ, покачивая головою. — Я думаю о томъ, что я на карту поставилъ полтора ста тысячъ, и что эта карта зовется...

— «Честь моряка», сэръ! Вотъ какъ зовется ваша карта!

Помолчавъ немного, Брэддонъ вымолвилъ задумчиво:

— Вы дали ему инструкціи въ запечатанномъ конвертѣ. Такъ. А кто поручится мнѣ, что вашъ хваленый капитанъ Бартлэттъ не распечатаетъ этого конверта тутъ же, на улицѣ?..

— Да полноте, сэръ! — перебилъ его арматоръ. — Вы ужъ слишкомъ недо-вѣрчивы!

— Если рѣчь идетъ о такой крупной суммѣ, какъ полтора ста тысячъ...

— А не подумали вы, сэръ, что вѣдь и съ другой стороны на карту поставлено кое-что?

— Вашъ пароходъ?

— Ба! Пароходъ, конечно, застрахованъ. Кромѣ того, онъ уже выслужилъ свое, и фирма не очень страдаетъ въ случаѣ гибели судна! Но, сэръ, есть въ игрѣ и кое-что другое. И это другое называется человѣческою жизнью! Я думаю, это стоитъ немножко дороже, чѣмъ ваши полтора ста тысячъ или нашъ старый пароходъ... Вы уходите? До свиданья, сэръ! Какъ только мы получимъ какія-либо свѣдѣнія, вы узнаете объ этомъ сейчасъ же!

— До свиданья!

Посѣтитель вышелъ, попрежнему вертя въ рукахъ золотой ключикъ старомодныхъ часовъ. Арматоръ остался въ своемъ кабинетѣ, проглядывая дѣловыя бумаги.

Нѣкоторое время спустя, изъ устъ его вырвалось восклицаніе:

— Эти люди не знаютъ, какъ смотрятъ моряки на свой долгъ!

«Бродяга» нѣсколько дней шель по направленію къ юго-западу, не уклоняясь отъ большой морской дороги между Европою и Америкою.

Капитанъ Бартлэттъ держалъ слово и до выхода въ открытое море не знакомился съ содержаніемъ таинственнаго пакета за сургучными печатами.

Но вотъ, наконецъ, насталъ день, когда онъ могъ вскрыть пакетъ, и Бартлэттъ заперся въ своей каютѣ.

Первый документъ, попавшій ему на глаза, это былъ списокъ груза.

Проглядѣвъ этотъ списокъ, морякъ слегка присвистнулъ.

— Сто двадцать боченковъ съ помѣткою «мясные консервы»—призматическій порохъ для ружей.

— Сто боченковъ съ помѣткою «рыбные консервы»—пушечный порохъ.

— Шестьдесятъ маленькихъ ящиковъ съ помѣткою «игольный товаръ» — резервные патроны.

— Сто среднихъ ящиковъ съ помѣткою «части швейныхъ машинъ» — ружейные патроны.

— Двѣсти ящиковъ съ помѣткою «садовые инструменты»—дальнобойные револьверы.

— Четыреста ящиковъ большого формата съ помѣткою «сельско-хозяйственные орудія»—скорострѣльные ружья.

— Пятьдесятъ бочекъ съ помѣткою «солонина»—пушечные заряды.

Проглядѣвъ этотъ списокъ, Бартлэттъ сухо усмѣхнулся.

— Нечего сказать, хороши «съѣстные припасы» и еще того лучше «части машинъ» и «сельско-хозяйственные инструменты и орудія»!

Потомъ онъ взялся за листокъ, на которомъ была сдѣлана надпись:

— Инструкціи капитану Бартлэтту. Подлежитъ уничтоженію немедленно по прочтеніи.

— Посмотримъ, что тутъ написано! — проворчалъ морякъ.

«Грузъ «Бродяги» подлежить передачѣ генералу Рафаэлю Портуандо или его довѣренному. Мѣсто сдачи—устье рѣки Рио-Сабана, берега Венецуэлы. Вся отвѣтственность за цѣлость и сохранность груза возлагается на капитана Бартлэтта. Капитанъ Бартлэттъ упол-

номачивается дѣйствовать цѣликомъ по собственному усмотрѣнію. Въ случаѣ надобности капитану Бартлэтту предоставляется право смѣнить всю команду, назначить полуторное жалованье, выдавать отдѣльнымъ людямъ или всему экипажу экстраординарное вознагражденіе и такъ далѣе.

«Въ случаѣ неминуемой опасности капитанъ Бартлэттъ обязанъ озаботиться, чтобы его судно и весь грузъ *ни въ какомъ* случаѣ не попали въ руки нынѣшняго правительства республики Венецуэлы».

И четверть часа, и полчаса, и цѣлый часъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ капитанъ Бартлэттъ, глядя на лежавшія передъ нимъ бумаги.

Потомъ, тряхнувъ головою, какъ будто отгоняя отъ себя тяжелыя мысли, поднялся съ мѣста.

Первымъ дѣломъ онъ сжегъ инструкціи. Потомъ вышелъ на палубу и отдалъ боцману приказъ:

— Свистать всѣхъ наверхъ!

Черезъ минуту весь экипажъ «Бродяги» толпился на палубѣ, ожидая, что скажетъ командиръ.

— Вотъ что, ребята! — вымолвилъ спокойно и сухо капитанъ.

— Слушаемъ, командиръ! — отозвалась толпа моряковъ.

— Мнѣ нужны парни, у которыхъ душа не прячется въ пятки при малѣйшей опасности. Предлагаю полуторное жалованье тѣмъ, кто согласится плыть со мною, не спрашивая, куда и зачѣмъ мы плывемъ, и не струсить, если намъ вдогонку пошлютъ парочку чутуныхъ гостинцевъ!

Среди магросовъ, слушавшихъ эту краткую, но выразительную рѣчь, поднялось понятное волненіе. Нѣкоторые почесывали затылки. Другіе перешептывались съ товарищами.

— Кто не желаетъ, — продолжалъ Бартлэттъ, — того я высажу на Канарскихъ островахъ. Ну, рѣшайте!

Минуту спустя, изъ команды выдѣлилось два или три человѣка.

— Извините, капитанъ! — сказалъ первый изъ нихъ. — Это не пиратство?

— Дуракъ! — хладнокровно отвѣтилъ Бартлэттъ. — Пошелъ вонъ! Я съ то-

бою разговаривать не стану! Съ какихъ это поръ мои люди стали считать меня, Дэви Бартлэтта, способнымъ стать пиратомъ?

Сконфуженный морякъ ретировался и спрятался за спины товарищей, подтрунивавшихъ надъ нимъ.

Тогда заговорилъ второй делегатъ:

— За нами будутъ гоняться, капитанъ? — спросилъ онъ.

— Возможно!

— И если нагонять?

— Я потоплю судно! — отвѣтилъ капитанъ.

— А мы?

— А васъ изловятъ и посадятъ мѣсяца на два, на три въ тюрьму!

— Въ качествѣ чего?

— Въ качествѣ военныхъ контрабандистовъ!

— Военныхъ, сэръ?

— Да!

— Значить, дѣло политическое?

— Да!

Опять говоръ прошелъ по толпѣ матросовъ. Потомъ кто-то крикнулъ:

— Нечего балясы точить! Конечно, идемъ всѣ!

— Идемъ всѣ! — эхомъ отозвались остальные.

Капитанъ распорядился выдать командѣ праздничную порцію рому, по фунту стерлинговъ экстреннаго вознагражденія и записалъ, что съ этого дня команда получаетъ полуторное жалованье; это пришлось людямъ какъ нельзя болѣе по душѣ.

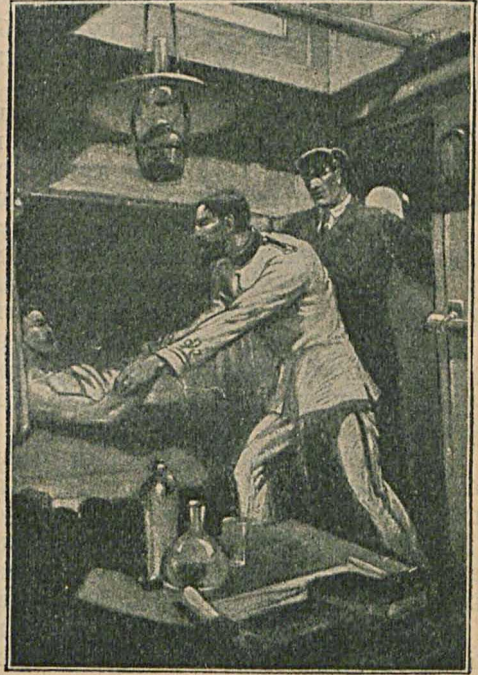
Переходъ черезъ океанъ, длившійся больше трехъ недѣль, прошелъ совершенно благополучно.

По мѣрѣ того, какъ «Бродяга» сталъ приближаться къ берегамъ Америки, на его пути все чаще и чаще стали встрѣчаться парусныя и паровыя суда подъ флагами всѣхъ націй.

Теперь капитанъ Бартлэттъ почти не сходилъ съ команднаго мостика: онъ опасался, что гдѣ-нибудь въ открытомъ морѣ ему придется имѣть дѣло съ правительственными крейсерами Венецуэлы, могущими пожелать произвести полную ревизію груза «Бродяги» и провѣрить, что за «солонина» и какіе «консервы» или «части машинъ» находятся

въ ящикахъ, боченкахъ и бочкахъ въ трюмахъ парохода.

Собственно говоря, капитанъ Бартлэттъ предпочелъ бы пойти прямо къ устьямъ Ріо-Сабапа. Но въ машинѣ парохода произошла небольшая поломка, потребовавшая починки, и «Бродяга» вынужденъ былъ на время этой починки остановиться у береговъ острова Мартиники.

— Бодрись, Дэви, все обойдется благополучно!
(Къ стр. 82).

Едва судно зашло въ портъ, какъ капитану пришлось принять исключительныя мѣры предосторожности: буквально сотни людей съ берега лѣзли на судно, и среди этихъ гостей было не мало весьма подозрительныхъ субъектовъ, смахивавшихъ на шпионовъ.

Само по себѣ разумѣется, портовыми властямъ капитанъ Бартлэттъ заявилъ, что «Бродяга» идетъ въ Пернамбуко и промолчалъ о своемъ опасномъ грузѣ.

Но едва «Бродяга» покинулъ гавань, какъ слѣдомъ за нимъ поплыла парочка дряхлыхъ колесныхъ пароходовъ, принявшихъ на себя роль конвоировъ «Бро-

дяти». Одинъ изъ этихъ непрошенныхъ «проводжатыхъ» шелъ подъ аргентинскимъ, другой подъ норвежскимъ флагомъ, но для капитана Бартлэтта не оставалось сомнѣнiя, что оба парохода на службѣ у венецуэльскаго правительства и несутъ въ этихъ водахъ сторожевую службу.

Являлось возможнымъ предположить, что правительство республики было предувѣдомлено своими шпионами о прибытiи судна, везущаго вождю инсургентовъ боевые припасы, и потому берега Венецуэлы охранялись особенно ревностно.

Однако *этихъ* соглядатаевъ капитанъ Бартлэттъ не боялся, убѣдившись въ первый же день, что они не могутъ состязаться въ скорости хода съ «Бродяго».

Чтобы обмануть преслѣдователей, Бартлэттъ направилъ свой курсъ прямо къ югу отъ Мартиники, ночью, уйдя отъ взора шпионовъ, притушилъ огни и на всѣхъ парахъ, описавъ полукругъ, проскользнулъ между преслѣдователями и направился къ берегамъ Рио-Сабана.

Утромъ на горизонтѣ виднѣлся только какой-то парусникъ, не могшiй быть опаснымъ для «Бродяги».

Но къ полудню пароходъ наткнулся на новаго врага: на горизонтѣ показались дымки цѣлой флотилiи паровыхъ судовъ.

По мнѣнiю Бартлэтта, это могла быть только эскадра изъ канонерки и трехъ миноносцевъ Венецуэлы.

Отъ такихъ быstroходныхъ судовъ, разумѣется, «Бродягѣ» уйти едва ли бы удалось, если бы рѣчь зашла о преслѣдованiи.

Поэтому Бартлэттъ примѣнилъ смѣльный маневръ и на всѣхъ парахъ пошелъ навстрѣчу эскадрѣ, свернувъ снова на сѣверъ.

Это давало иллюзiю, что судно идетъ не къ берегамъ Венецуэлы, а отъ береговъ ея, направляясь къ острову Гваделупы.

Эскадра прошла мимо и скрылась. Тогда Бартлэттъ снова измѣнилъ свой курсъ и на всѣхъ парахъ помчался къ условленному пункту, къ берегамъ Рио-Сабана.

* * *

День клонился къ вечеру, когда «Бродяга» оказался въ какихъ-нибудь семи-десяти морскихъ миляхъ отъ мѣста назначенiя.

Капитанъ Бартлэттъ тревожно озирался вокругъ, опасаясь, что въ самый послѣднiй моментъ постороннее вмѣшательство можетъ погубить все дѣло. Но море кругомъ было свободно отъ судовъ, и «Бродяга», пробираясь среди безчисленныхъ въ этихъ водахъ мелкихъ островковъ и отдѣльных отмелей, приближался къ цѣли.

Въ сумеркахъ, находясь уже подъ условленною широтою и долгою, Бартлэттъ распорядился подать установленный сигналъ: въ потемнѣвшее небо взвились, одна за другою, три ракеты. Первая — красная, вторая — зеленая, третья — синяя.

Прошло не менѣе пяти минутъ, куда съ берега пришелъ отвѣтъ: три ракеты, всѣ три — красныя, и потомъ одна зеленая.

— Чортъ бы побралъ всю эту исторiю! — проворчалъ Бартлэттъ, нервно почесывая переносицу.

Въ самомъ дѣлѣ, сигналъ ничего добраго не предвѣщалъ: три красныя ракеты означали, что входъ въ устье Рио-Сабана загражденъ правительственнымъ судномъ, что попытка проникнуть въ рѣку безнадежна, а зеленая ракета означала, что «Бродяга» долженъ вернуться на условленное мѣсто ровно черезъ сутки.

— Благодарю покорно! — бормоталъ Бартлэттъ. — Черезъ сутки? А гдѣ прятаться это время? И что дѣлать, если насъ тутъ обнаружатъ?

— Капитанъ! Судно съ лѣваго борта! — произнесъ въ это мгновенье кто-то.

Проклятье сорвалось съ устъ командира, услышавшаго докладъ своего помощника. — Это правительственный крейсеръ!

Не теряя ни минуты, «Бродяга» съ притупленными огнями ринулся въ поспѣшное бѣгство. Но ночь была достаточно свѣтла, и судно Венецуэлы безъ труда могло видѣть силуэтъ «Бродяги».

Единственная надежда оставалась положить на скорость хода, и винтъ

«Бродяги» заработалъ съ невѣроятною скоростью.

До полуночи, однако, преслѣдователь гнался почти по пятамъ убѣгавшаго парохода, отъ времени до времени обмѣниваясь съ другими здѣсь же крейсерованными судами свѣтовыми сигналами. Былъ моментъ, когда поимка «Бродяги» казалась неизбѣжною: пароходъ съ драгоцѣннымъ грузомъ оказался въ центрѣ треугольника, образованнаго тремя какими-то подозрительными судами.

Но послѣ полуночи луна зашла, поднялся сильный вѣтеръ, и подъ покровомъ темноты и при разыгравшемся волненіи «Бродяга» благополучно улизнула, такъ что утромъ оказался внѣ опасности.

Прошлявшись безцѣльно по морю почти весь день, пароходъ часамъ къ четыремъ снова направился къ условленному пункту встрѣчи. Но едва онъ приблизился къ берегамъ Рио-Сабана, какъ наткнулся на неожиданнаго врага: это былъ совсѣмъ маленькій и явно слабосильный старомодной постройки крейсерокъ береговой обороны подъ венецуэльскимъ флагомъ «Либертадоръ».

И часъ, и два, и три часа длилось преслѣдованіе.

Крейсеръ обладалъ большимъ ходомъ, чѣмъ тяжело нагруженный «Бродяга», и мало-по-малу разстояніе между ними все уменьшалось, хотя Бартлэттъ не щадилъ своего судна и развелъ такіе пары, что «Бродяга» могъ каждый моментъ взлетѣть на воздухъ.

Было около семи часовъ вечера, когда у борта «Либертадора», какъ звался венецуэльскій крейсеръ, въ первый разъ показался клубъ бѣлаго дыма: крейсерокъ стрѣлялъ по «Бродягѣ», требуя, чтобы капитанъ Бартлэттъ застопорилъ машину и остановилъ судно.

Граната не долетѣла добрыхъ саженъ на четыреста и взорвалась въ волнахъ. Черезъ четверть часа—вторая граната, эта упала уже почти за самую кормою удиравшаго «Бродяги».

Третья дала перелетъ и разорвалась впереди «Бродяги».

— Наше дѣло плохо! — проворчалъ Дэви Бартлэттъ. — Пожалуй, уйти-то не удастся!

Въ самомъ дѣлѣ, крейсеръ явно нагонялъ «Бродягу». Будь на «Бродягѣ» хоть какая-нибудь артиллерія, съ мало-сильнымъ и отвратительно вооруженнымъ крейсеромъ можно было бы справиться: двѣ-три удачно пущенныя гранаты должны были заставить венецуэльцевъ прекратить преслѣдованіе. Но артиллеріи у Бартлэтта не было, да если бы и была, Богъ знаетъ, рѣшился ли бы онъ пустить ее въ ходъ. Вѣдь куда рѣчь шла только о контрабандѣ, Бартлэттъ рисковалъ потерю судна и тюремнымъ заключеніемъ для экипажа. Если бы же онъ отстрѣливался, то это было бы актомъ вооруженнаго сопротивленія, оказываемаго притомъ не военнымъ судномъ; слѣдовательно, по морскимъ законамъ, капитанъ Бартлэттъ и его команда рисковали быть объявленными корсарами, стоящими внѣ закона морскими разбойниками...

Покуда Бартлэттъ разсуждалъ на эту тему, съ крейсера продолжали безъ перерыва стрѣлять, и одна граната, удачно направленная, обрѣзала конецъ готъ-мачты, усыпавъ палубу «Бродяги» осколками. Еще одинъ выстрѣлъ: на этотъ разъ пострадалъ бугшпритъ.

И вотъ суда мчатся въ непосредственной близости одно отъ другого. На мачтѣ «Либертадора» взвизываетъ сигналъ:

— Сдавайтесь. Сопротивленіе бесполезно.

— Отказываюсь сдаваться! — отвѣтилъ, стиснувъ зубы, Дэви Бартлэттъ.

— Командиръ крейсера «Либертадоръ» предлагаетъ капитану «Бродяги» Дэви Бартлэтту почетныя условія сдачи!

Бартлэттъ не вѣрилъ своимъ глазамъ:

— Какъ? Они знаютъ мое имя? Мое собственное имя? Они предлагаютъ мнѣ почетныя условія сдачи? — бормоталъ онъ.

— Отказываюсь сдать! — велѣлъ онъ поднять старый сигналъ.

Онъ видѣлъ, что «Бродяга» погибъ. Но...

Но грузъ не достанется правительству Венецуэлы!

Весь грузъ исчезнетъ въ морскихъ волнахъ!

Пусть подбирают людей и сажают въ тюрьму: консулъ вступится, правительство Венецуэлы побоится осложнений, и черезъ двѣ-три недѣли выпустить всѣхъ, конечно, кромѣ самого капитана «Бродяги», на котораго будетъ возложена вся отвѣтственность за попытку провезти контрабанду!

— Командиръ «Либертадора» предлагаетъ капитану Бартлэтту часовое перемиріе. Оба судна останутся на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стоятъ сейчасъ. Капитанъ Бартлэттъ прибудетъ на бортъ «Либертадора» для переговоровъ! — поднялся сигналъ на мачтѣ крейсера.

— Часъ отъ часу не легче! — воскликнулъ морякъ, положительно не понимая, въ чемъ дѣло, и отдавъ приказъ поднять сигналъ:

— Согласенъ.

Пять минутъ спустя, оба враждебныя судна остановились и заплесали на волнахъ, находясь на разстояніи около километра одно отъ другого. Бартлэттъ спустилъ капитанскую гичку и съ четырьмя матросами поплылъ къ «Либертадору» для веденія переговоровъ, въ отрицательномъ исходѣ которыхъ не сомнѣвался ни на минуту.

Командиръ «Либертадора» въ ожиданіи Бартлэтта находился на своемъ посту и наблюдалъ за приближавшеюся гичкою въ сильный бинокль.

Незадолго до того, какъ гичка подошла къ спущенному трапу и Бартлэттъ поднялся на палубу «Либертадора», командиръ крейсера ушелъ въ свою каюту. Бартлэтта провели туда. При его входѣ капитанъ крейсера поднялся и пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Здравствуй, Дэви! — вымолвилъ онъ. — Господи Боже ты мой! Это ты, Фрэнкъ?! — понятился Дэви.

— Какъ видишь!

— Ты... ты?

— Я, собственно персоною!

— И ты на службѣ у правительства Венецуэлы?

— Третій годъ, братъ!

— И ты командуешь этимъ крейсеромъ?

— Съ этой весны!

— И это ты угощалъ меня въ теченіе нѣсколькихъ часовъ гранатами?

— Которыя, однако, не причинили тебѣ особеннаго вреда? — засмѣялся Фрэнкъ Бартлэттъ, родной младшій братъ Дэви.

— Но ты, Фрэнкъ, хотѣлъ говорить со мною?

— Раньше присядь! — отвѣтилъ Фрэнкъ. — Хочешь чего-нибудь выпить?

— Стаканъ пива, пожалуй! Но я глазамъ своимъ не вѣрю, Фрэнкъ! Надо же было выйти такой исторіи! Не видѣться съ роднымъ братомъ пять лѣтъ, не знать даже, живъ ли онъ, и встрѣтиться при такихъ исключительныхъ условіяхъ?

— Да, условія не изъ завидныхъ! — пожалъ плечами младшій братъ, пожимая дружески руку старшаго. — Ты пытаешься провезти инсургентамъ военную контрабанду, я имѣю приказъ во что бы то ни стало завладѣть твоимъ пароходомъ и вѣзмъ грузомъ!

— Не завладѣешь!

— Но ты не можешь же сопротивляться, Дэви?! У тебя нѣту артиллеріи!

— Но я могу взорваться!

— Безуміе!

— Почему? Я далъ слово, что грузъ будетъ доставленъ на мѣсто назначенія или погибнетъ, Фрэнкъ!

— Послушай, Дэви! Я имѣю неограниченныя полномочія. Я могу дѣйствовать, какъ я хочу. Я не отберу, я куплю у тебя весь твой грузъ. Правительству боевые припасы нужны не менѣе, чѣмъ инсургентамъ! Президентъ уполномочилъ меня на уплату потребной суммы!

— Не могу, Фрэнкъ!

— Почему?

— Дано честное слово!

— Но ни арматоры ни владѣлецъ груза не будутъ въ претензіи!

— Если бы я могъ снестись съ ними и получить отъ нихъ полномочія на такую комбинацію, я, конечно, ничего не имѣлъ бы противъ. Но вѣдь ты потребуешь немедленнаго рѣшенія?

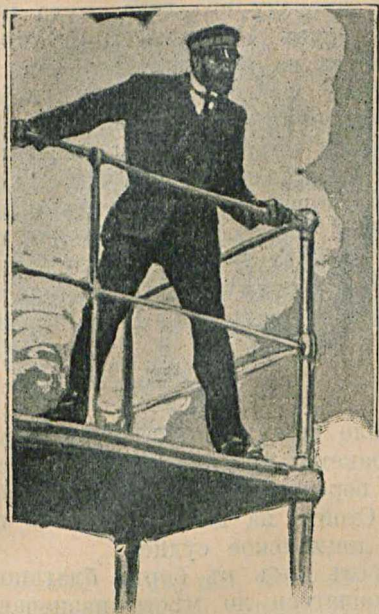
— Разумѣется!

— И если я откажусь?

— Я потоплю твое судно!

— Правильно! Ты только исполнишь свой долгъ! Но и мнѣ предоставь выполнить мой! Я не сдамся!

— Ты попытаешься уйти?

— Да.

— И начнем игру заново? — горько улыбнулся младший моряк.

Старший молча пожал плечами.

— Что подблаещь, братъ? Долгъ моряка! Между нами, у меня на «Либертадоръ» далеко не благополучно. Сегодня утромъ уже начинался военный бунтъ. Команда хочет присоединиться къ инсургентамъ...

— Переходи и ты на сторону Рафаэля Портуандо!

— А мое честное слово?

— Да, правда! Но я долженъ итти.

— Съ Богомъ! У тебя еще полчаса времени. Какъ только ты тронешься въ путь, я начну разстрѣливать тебя!

— Пожалуйста!

Братья-враги крѣпко стиснули другъ другу руки. Потомъ Бартлэттъ прошелъ по палубѣ венецуэльскаго судна.

По истеченіи срока перемирія на мачтѣ «Либертадора» взвился боевой красный флагъ. Но ранше, чѣмъ съ борта крейсера прогремѣлъ первый выстрѣлъ, «Вродяга» на всѣхъ парахъ ринулся въ сторону и, пользуясь тѣмъ, что вблизи тянулась большая песчаная отмель, скользнулъ по ея краю, выигрывая этимъ значительно разстояніе, ибо крей-

серъ, глубоко сидящій въ водѣ, не могъ итти тѣмъ путемъ, которымъ мчался пароходъ.

Дэви Бартлэттъ стоялъ на командномъ мостикѣ, распоряжаясь маневрами своего, казалось, осужденнаго на гибель судна, и все время поглядывалъ въ ту сторону, гдѣ, окутавшись клубами дыма, неся слѣдомъ за нимъ венецуэльскій крейсеръ.

И вдругъ тамъ, на крейсерѣ, что-то случилось: судно остановилось, на палубѣ загремѣли ружейные и револьверные выстрѣлы.

На крейсерѣ начался бунтъ.

«Бѣдняга Фрэнкъ!» подумалъ Дэви Бартлэттъ.

Въ это мгновеніе съ крейсера съ визгомъ и стономъ прилетѣла граната, ударилась о палубу. Ея осколки брызнули во всѣ стороны. Капитанъ «Вродяги» со стономъ схватился за грудь, но устоялъ на ногахъ.

Еще двѣ, три секунды.

Надъ моремъ прокатился словно громовой раскатъ. Крейсеръ «Либертадоръ» окутался пологомъ дыма. Изъ дыма вырвался къ небу огненный столбъ.

— Стопорить! — закричалъ капитанъ Дэви Бартлэттъ. — Спускай на воду всѣ спасательные боты! Они взорвались!

«Штурманъ Ролль! Я раненъ! Сдаю вамъ временно команду! Постарайтесь

Команда толпилась на палубѣ, ожидая, что скажетъ капитанъ. (Стр. 76).

подойти поближе къ мѣсту... крушенія... Тамъ... мой братъ... Спасите его, если... если можно!

И морякъ упалъ въ обморокъ.

Часъ спустя, лодки съ «Бродяги» приплыли къ борту своего судна. Онѣ были перегружены выловленными изъ воды людьми «Либертадора» и въ первой лодкѣ находился самъ бывший командиръ погибшаго крейсера.

— Гдѣ капитанъ Дэви? — освѣдомился онъ у командовавшего «Бродягою» штурмана Ролля.

— Въ своей каютѣ, сэръ! Плохъ! Кровь такъ и хлещетъ!

— Онъ раненъ?

— Въ грудь, сэръ! Можетъ-быть, съ вами естъ докторъ?

Докторъ, къ счастью, оказался среди спасенныхъ. При его помощи смертельно раненый капитанъ Дэви Бартлэттъ былъ приведенъ въ чувство, перевязанъ. Онъ изъявилъ желаніе переговорить со спасеннымъ командиромъ «Либертадора».

— Бодришь, Дэви! Все обойдется еще благополучно! — попытался утѣшать старшаго брата Фрэнкъ.

Въ отвѣтъ Дэви слабо улыбнулся.

— Нѣтъ, братъ! — вымолвилъ онъ. — Моя пѣсенка спѣта. До вечера я дотяну, а тамъ... Пора и честь знать! Но это меня не тревожитъ! Я честно прожилъ, честно умираю на своемъ посту!

— А что же тревожитъ тебя?

— Судьба «Бродяги». Судьба груза! Штурманъ — хорошій, честный морякъ. Но онъ не знаетъ этихъ водъ. Онъ не доведетъ судно до цѣли.

Подумавъ минуту, Фрэнкъ Бартлэттъ сказалъ брату:

— Я покончилъ съ моимъ прошлымъ, Дэви! Довѣрь твое судно мнѣ!

— То-есть? — удивился старый морякъ.

— Я сдержалъ данное мною президенту слово! Я не допустилъ, чтобы инсургенты овладѣли «Либертадоромъ», и когда увидѣлъ, что судну грозитъ опасность, я взорвалъ его.

«Этимъ кончаются мои обязательства по отношенію къ Венецуэлѣ и ея президенту, и этимъ кончается моя служба. Я, если ты только доверишь мнѣ «Бро-

дягу», проведу его туда, куда нужно, сдамъ грузъ Рафаэлю Портуандо, и... и вернусь на родину...

«Лучше у себя на родинѣ командовать какою-нибудь шаландою, чѣмъ тутъ сдѣлаться адмираломъ и вмѣшиваться въ чужія дѣла, не зная часто, гдѣ, на чьей сторонѣ справедливость и право!

— Ты берешься довести до назначенія «Бродягу»? — вѣдъ себя отъ радости протянулъ руки къ брату умирающій. — Да благословить тебя Богъ, Фрэнкъ!

* * *

Около полуночи съ моря взвились три ракеты: красная, зеленая и синяя.

Съ берега отвѣтили тремя зелеными: — Стойте на мѣстѣ. Сейчасъ подойдетъ лоцманское судно.

Черезъ часъ къ борту благополучно добравшагося до мѣста назначенія со своимъ драгоценнымъ грузомъ «Бродяги» подошла парусная лодка, доставившая лоцмана. Лоцманъ ввелъ пароходъ въ устье Ріо-Сабана.

Трудно себѣ представить сенсацію, произведенную въ лагерѣ инсургентовъ ошеломляющею новостью, что «Бродягою» командуетъ вмѣсто опасно раненаго, умирающаго Дэви Бартлэтта его родной братъ, экс-командиръ взорвашагося вчера крейсера правительства «Либертадоръ», Фрэнсисъ Бартлэттъ.

Фрэнкъ получилъ предложеніе президента на постъ президента Венецуэлы, генерала Рафаэля Портуандо, перейти къ нему на службу въ чинѣ адмирала, но отклонилъ это предложеніе:

— Я долженъ исполнить обязанности брата и доставить «Бродягу» обратно въ Европу. Потомъ, можетъ-быть, я и вернусь! — заявилъ молодой морякъ.

И, въ самомъ дѣлѣ, сдавъ драгоценный военный грузъ парохода, новый командиръ его увелъ «Бродягу» изъ водъ Америки и доставилъ благополучно въ родныя воды. На борту возвращающагося «Бродяги» стоялъ покрытый флагомъ свинцовый гробъ, въ которомъ покоились останки погибшаго на своемъ посту капитана, Дэви Бартлэтта...

Разсказъ Д. Кеннеди.

ПОМНЮ, но смутно, что еще въ поѣздѣ желѣзной дороги Алиса В. произвела на меня странное, нѣсколько даже тяжелое впечатлѣніе.

Главное ненормальный блескъ ея прекрасныхъ черныхъ глазъ, торопливая, сбивчивая рѣчь, торопливыя, излишне нервныя движенія...

Но на все это я не обратила серьезнаго вниманія, тѣмъ больше, что сама Алиса давала исчерпывающія объясненія, которымъ я, разумѣется, вѣрила абсолютно.

Правда, то, что она говорила, звучало нѣсколько фантастично, и, будь я поопытнѣе, я могла бы подумать, что все это проявленіе такъ называемой «навязчивой идеи».

Но, Господи, вѣдь откуда же требовать опытности отъ дѣвушки, которой только что исполнилось семнадцать лѣтъ и которая въ первый разъ осмѣлилась проѣхать по желѣзной дорогѣ двѣсти километровъ, не будучи никѣмъ сопровождаема?

И, кромѣ того, Алиса въ моихъ глазахъ была авторитетомъ.

Вѣдь она блестяще кончила курсъ нашего института, преподаватели гордились ею, находя въ ней массу талантовъ, всѣ предрекали ей огромный успѣхъ въ жизни.

Большинство моихъ подругъ положительно увлекалось Алисою, и долго

послѣ того, какъ она, получивъ золотую медаль, покинула нашу школу, мы постоянно переглядывали газеты въ надеждѣ найти тамъ рядъ статей о триумфахъ нашей медалистки.

Меня лично Алиса удостоивала своей дружбы, часто бесѣдовала со мною, читала мнѣ свои стихи, казавшіеся мнѣ прекрасными, посвящала меня въ свои мечты. Покидая школу, клялась писать очень часто, прислала одно большое письмо, полное дружескихъ изліяній, потомъ какую-то открытку съ двумя строчками, и...

И больше не писала.

И вотъ полтора года спустя, ѣдучи на рождественскія святки въ помѣстье моей бабушки, чтобы провести въ деревнѣ двѣ недѣли, я въ купѣ перваго класса наткнулась на Алису.

Мнѣ показалось, что она какъ будто испугалась и насторожилась при моемъ появленіи.

— Куда ты ѣдешь? — спросила я ее.

Она въ отвѣтъ махнула непреодѣленно рукою.

— Какъ ты поживаешь? Гдѣ ты устроилась? Поступила ли на сцену, какъ мечтала? Что подѣливаешь? — сыпала я вопросами.

Сначала Алиса отвѣчала коротко, сдержанно, очень неопредѣленно, но потомъ ледъ растаялъ, и она заговорила быстро-быстро.

И то, что я отъ нея услышала, поразило и взволновало меня до глубины души.

Я не вѣрила своимъ ушамъ!

Такъ вотъ какъ сложилась жизнь нашего кумира, всѣми нами обожаемой умницы и красавицы Алисы!

— Да, я бѣжала, бѣжала! — твердила она. — Мнѣ надо во что бы то ни стало спрятаться на нѣсколько дней, покуда я найду возможность дать знать о случившемся моему старшему брату, бѣдняжкѣ Фреду. Его вѣдь тоже выжила изъ дому эта колдунья, эта подколодная змѣя, наша мачеха. И, собственно говоря, выжила изъ-за меня, да, да, только ради того, чтобы удобнѣе справиться со мною. Вѣдь это я, только я одна стояла ей на дорогѣ. У Фреда собственное состояніе. Мое же приданое не выдѣлено еще мнѣ отцомъ. Ну, и она рѣшила известить меня, чтобы овладѣть этими деньгами для своего выроodka, для своей Клары, въ которой она души не чаётъ.

«Нѣтъ, ты, Гресь, никогда не повѣришь, какія козни она устраивала, чтобы погубить меня?!

«Ужасъ, ужасъ!

«Сначала я, Гресь, ничего не подозревала. Была слѣпа, какъ новорожденный котенокъ. И теперь сама не пойму, какъ я не погибла отъ руки мачехи или кого-нибудь изъ ея наемниковъ!

«Они всѣми силами пытались спровадить меня на тотъ свѣтъ. Они устроили крушеніе поѣзда, въ которомъ я должна была ѣхать, но я случайно встала за четверть часа до крушенія на маленькой станціи, и тѣмъ спаслась.

«Потомъ...

«Потомъ они устроили пожаръ въ домѣ отца.

«Разумѣется, это было сдѣлано тонко, такъ тонко, такъ ловко, что я даже не осмѣлилась никому высказать своихъ подозрѣній. Все было приписано самой обыкновенной случайности: кошка, видишь ли, голубчикъ, уронила на полъ лампу, керосинъ вспыхнулъ, загорѣлась мебель...

«Но я-то, я знаю, Гресь, какая *кошка* разбила лампу!

«Ну, потомъ они, мачеха и ея помощники, они пытались утопить меня. Когда и это не удалось, они стали систематически отравлять меня.

— Какъ же ты спаслась?

— Чудомъ, дѣтка! Положительно чудомъ!

«Знаешь, чтобы удобнѣе известить меня, заставить меня исчезнуть съ лица земли, они засадили меня въ настоящую средне-вѣковую тюрьму!

«О, мачеха знала, что дѣлала!

«Вѣдь на картѣ стояло триста тысячъ фунтовъ стерлинговъ!

«Ради такой суммы можно было пожертвовать многимъ, не правда ли?

«Ну, и она ухитрилась уговорить моего отца отправить меня къ ея родственникамъ, въ невѣроятную глушь, подъ предлогомъ, что я страдаю нервами и что деревенская тишина, полное спокойствіе, внимательный уходъ избавятъ меня отъ недомоганія.

«Разумѣется, отецъ повѣрилъ!

«Бѣдный милый старикъ!

«Въ этой глуши все разыгралось бы, какъ по нотамъ: *они* отравили бы меня, или задушили бы, или зарыли бы живою въ землю.

«Что?

«Ты содрогаешься, Гресь?

«Ну, да! Это ужасно, ужасно, говорю я тебѣ!

«Я сама никогда не повѣрила бы въ возможность подобныхъ злодѣйствъ! Вѣдь такія вещи встрѣчаются, по совѣсти сказать, только въ романахъ... Но, представь, бываетъ это и въ жизни!

«По крайней мѣрѣ, судьбѣ было угодно, Гресь, чтобы я на самой себѣ испытала весь этотъ ужасъ находиться въ положеніи травимаго, преслѣдуемаго звѣря!

«И что всего ужаснѣе, Гресь?

«Нѣтъ, ты не можешь себѣ представить, дитя!

«Вѣдь я-то, я лично охотно отказалась бы отъ этихъ проклятыхъ денегъ!

«На что онѣ мнѣ?!

«Я молода, сильна, здорова, образованна.

«У меня есть способности кое къ чему.

«Я, слава Богу, могу сама проложить себѣ дорогу въ жизни, не нуждаясь ни въ чьей помощи.

«Но бѣда-то въ томъ, что мой отказъ отъ наслѣдства былъ бы не дѣйствительнымъ.

«Тутъ очень сложная исторія, душечка Грэсъ.

«Я въ другой разъ расскажу тебѣ подробно. Покуда ограничусь парюю словъ.

«Видишь, тутъ замѣшано знаменитое «испанское завѣщаніе».

«Что?

«Ты развѣ не слыхала ничего?

«Господи!

«Но, Грэсъ, гдѣ же ты живешь?

«На лунѣ, или на Марсѣ?

«Вѣдь всѣ газеты Англіи говорятъ объ этомъ!

«Тутъ замѣшана, говоря между нами, королевская фамилія...

«Словомъ, видишь ли, какъ ты знаешь, въ моихъ жилахъ есть примѣсь испанской крови.

«Да, да!

«Развѣ я этого тебѣ не говорила?

— Нѣтъ, не говорила!

— Говорила, говорила, Грэсъ! Только ты, какъ ребенокъ, попросту, все забыла, и только!

«Ну, словомъ, мой прадѣдъ былъ испанскимъ грандомъ. Онъ бѣжалъ изъ Испаніи въ Англію съ несмѣтнымъ состояніемъ. Ну, и вотъ, согласно его духовному завѣщанію, я должна получить эти проклятыя триста тысячъ фунтовъ стерлинговъ, но съ правомъ распоряжаться ими только по достиженіи двадцати пяти лѣтъ. До того же времени, если я откажусь принять наслѣдство, деньги переходятъ къ нашимъ испанскимъ родственникамъ, а если я умру — моему отцу.

«Отецъ, разумѣется, не врагъ мнѣ. Но если бы я умерла, онъ получилъ бы возможность распоряжаться деньгами, а онъ пляшетъ подъ дудку мачехи.

«Словомъ, моя мачеха могла завладѣть этими деньгами только однимъ

путемъ: заставивъ меня исчезнуть навѣки съ лица земли.

«И если бы не счастливая случайность, Грэсъ, открывшая во-время мнѣ глаза и помогшая мнѣ бѣжать изъ проклятой ловушки, куда мачеха меня засадила, я теперь лежала бы уже въ сырой землѣ, Грэсъ!

«Но ты плачешь?

«Не плачь, не плачь, дитя!

«Какъ видишь, я жива и здорова. Я на свободѣ.

Конечно, мнѣ нечего закрывать глаза на настоящее положеніе дѣла: я еще далеко не въ безопасности. Но главное, Грэсъ,

Я сидѣла у зеркала...

сдѣлано: я бѣжала благополучно. Теперь остается сдѣлать еще два дѣла: во-первыхъ, уйти отъ шпионовъ, которыхъ, разумѣется, вслѣдъ за мною разослала моя мачеха, а во-вторыхъ, спрятаться куда-нибудь на нѣсколько дней, найти такой уголокъ, гдѣ никто не вздумалъ бы меня искать, гдѣ я могла бы прожить подъ чужимъ именемъ. Надѣюсь, что это мнѣ удастся, Грэсъ!

— Постой, Алиса! — воскликнула я. — Можетъ-быть, я могу помочь тебѣ?

— Это какимъ же образомъ?

Волнуясь и сбиваясь, я сообщила моей злополучной подружѣ планъ, только что родившійся въ моей головѣ.

— Ничего не можетъ быть проще, Алиса! — твердила я. — Ты только согласишься, а я все устрою, все, рѣшительно все!

— Но какъ именно?

— Я ѣду на рождественскія святки въ имѣнье моей бабушки, лэди Гроссвеноръ. Бабушка разрѣшила мнѣ привезти съ собою одну подругу. Да ты должна помнить Мальвину Эллисъ, ту, черноглазую Мальвину, которая любить играть на арфѣ и декламировать старинныя шотландскія баллады!

— Помню! Дальше!

— Ну, вчера я дала бабушкѣ телеграмму, что мы съ Мальвиною выѣзжаемъ сегодня. А сегодня Мальвина раскaipризначалась и отказалась ѣхать со мною. Я готова была взять къ бабушкѣ кого угодно и выдать за Мальвину. Если бы ты только захотѣла...

— Поѣхать къ твоей бабушкѣ въ качествѣ Мальвины Эллисъ?

— Ну, да!

— М-м-м... Надо подумать, Грѣсъ!

— Господи?! О чемъ же тутъ думать?

«Увидишь, Алиса мы прелестно проживемъ эти двѣ недѣли!

«У бабушки большой паркъ. Въ паркѣ пруды. Они, конечно, теперь замерзли, но бабушка писала, что ледъ какъ стекло.

«Ты вѣдь любишь кататься на конькахъ?

«Я везу съ собою, вотъ въ этомъ чемоданѣ, цѣлую коллекцію коньковъ.

«И вотъ мы будемъ съ тобою кататься по цѣлымъ днямъ...

«Потомъ, у бабушки есть библіотека. Она цѣликомъ въ моемъ распоряженіи. Мы будемъ читать другъ другу... Еще я везу съ собою акварельныя краски. Мы будемъ рисовать виды... Соглашайся, Алиса! Ну, соглашайся же! Господи! Я буду такъ рада!

— А ты...

Внезапно Алиса посмотрѣла на меня недовѣрчивымъ, испытующимъ взглядомъ.

— Что ты хочешь сказать? — спросила ее я.

— Слушай, Грѣсъ!

Она схватила меня съ невѣроятною силою за руку и заглянула мнѣ въ глаза своимъ пылающимъ взоромъ.

— Что съ тобою, Алиса, ради Бога?! — невольно вскрикнула я.

— А ты... ты поклянешься мнѣ... что ты...

— Въ чемъ дѣло?

— Что это... не ловушка?

— Алиса!

— Ну, да! Я такъ напугана! Я, кажется, въ самомъ дѣлѣ съ ума схожу! Не обижайся на меня, дитя!

— Я не обижаюсь! Но какъ ты могла подумать, Алиса?! Наконецъ вѣдь мы же встрѣтились съ тобою чисто случайно!

«Вѣдь не подстерегала же я тебя!

«Наконецъ, я не знала и не знаю никого изъ твоихъ родныхъ! Въ этомъ я могу поклясться!

Мои увѣренія, повидимому, успокоили бѣглянку. Она выпустила мою руку изъ своихъ стальныхъ пальцевъ, отодвинулась въ уголъ, закрыла лицо руками. Потомъ вымолвила глухимъ голосомъ..

— Ужасъ, ужасъ! Я въ каждомъ встрѣчномъ готова видѣть врага, шпіона, предателя! Но ты простишь мнѣ, малютка?

— Отъ всей души, дорогая!

— Я принимаю твое предложеніе!

— И отлично! Мы черезъ полчаса будемъ на станціи, гдѣ меня ждетъ...

— Кто ждетъ тебя? — опять настаивала Алиса.

— Нашъ старый кучеръ Бобъ съ сачками!

— И... и никто больше?

— Можетъ-быть, выѣдетъ мистрисъ Юмъ!

— Это кто же?

— Экономка бабушки. Но рѣшайся же, Алиса!

— Я рѣшилась! — отвѣтила бѣглянка, стиснувъ зубы.

* * *

Въ окрестностяхъ старый помѣщичій домъ бабушки носилъ громкое имя «замка Гроссвеноровъ», но это пышное названіе мало соотвѣтствовало истинѣ:

попросту, бабушка обладала довольно большимъ домомъ, снабженнымъ пристройкою въ формѣ башни.

Если бы зависѣло отъ меня, то я скорѣе назвала бы бабушкино жилище музеемъ: домъ былъ буквально переполненъ старинными предметами всѣхъ родовъ.

Стѣны увѣшаны портретами, самый молодой изъ которыхъ вышелъ изъ рукъ Рейнольдса. Мебель вся сплошь старинная, тяжелая, страшно громоздкая и неудобная.

Особенно обращали на себя вниманіе колоссальной величины сундукиишкапы: кто-то изъ моихъ предковъ въ добрые старые дни увлекся столярнымъ дѣломъ и, должно-быть, всю свою жизнь занимался только сооруженіемъ изъ массивныхъ дубовыхъ и орѣховыхъ досокъ огромныхъ шкаповъ разнообразнѣйшей формы и величины.

Большинство этихъ мастодонтовъ исправно несло службу и въ наши дни: бабушка хранила въ шкапахъ работы предка драгоценныя коллекціи фаянса и фарфора, эти огромныя и безконечно тяжелыя пестрыя блюда, тарелки, суповыя чашки, какія-то вазы.

Лучшая часть этихъ коллекцій, которыми бабушка очень дорожила, находилась именно въ двухъ верхнихъ комнатахъ башни, отведенныхъ теперь для моего пребыванія.

Какъ я и предвидѣла, бабушка встрѣтила насъ обѣихъ чрезвычайно радушно.

По уговору съ Алисою, я выдала ее бабушкѣ за Мальвину Эллисъ.

Былъ опасный моментъ, когда бабушка стала припоминать дни своей молодости и какихъ-то Эллисовъ изъ Эдинбурга, находившихся въ дальнемъ родствѣ съ Гроссвэнорами.

Но Алиса сейчасъ же нашлась и заявила, что она не имѣетъ ничего общаго съ тѣми Эллисами, которыхъ знала бабушка.

Насъ накормили по-деревенски сытнымъ ужиномъ, потомъ бабушка, утомленная хлопотами, отправилась спать, посоветовавъ и намъ послѣдовать ея примѣру.

— Ложитесь, дѣти, ложитесь! — твердила она, прощаясь съ нами.

— Да мы не устали, бабушка! — сопротивлялась я.

— Это тебѣ, стрекоза, только кажется, что ты не устала! Какъ же? Проѣхала двѣсти километровъ по желѣзной дорогѣ, да еще въ такую погоду, и не устала?!

«Это только кажется такъ, а потомъ разморить, завтра ты будешь весь день сонною ходить!

«Нѣтъ, ужъ ты послушайся меня: иди и укладывайся!

«Успѣете наговориться и набѣгаться властью и завтра!

«Ну, съ Богомъ!

«Мистрисъ Юмъ все приготовила. Спать вы будете, разумѣется, въ одной комнатѣ, въ той, большой. Въ маленькую безъ надобности не заходите: тамъ въ шкапахъ стоитъ отборная коллекція посуды изъ китайскаго фарфора, которую твой дѣдущка, Грессъ, привезъ изъ похода въ 1856 году.

— Да не бойтесь, бабушка! Я не ѣмъ фарфора! — отшучивалась я.

— Кто тебя знаетъ, стрекоза? Вонъ, ты какая непосѣда, такая егоза...

Было около половины десятого вечера, когда мы съ Алисою поднялись къ себѣ въ башню. Насъ сопровождала туда мистрисъ Юмъ, которая пожелала еще разъ убѣдиться, что горничная приготовила все для нашего ночлега.

— Звонокъ не дѣйствуетъ! — предупредила старуха меня ворчливымъ тономъ. — Съ этими модными выдумками, съ газомъ да съ электричествомъ, никогда нельзя быть увѣреннымъ въ исправности какой-нибудь арматуры. Въ наше время ничего этого не знали, и все отлично шло. А теперь повывудили всякихъ фокусовъ, но толку отъ этого очень мало. Выдумываютъ люди, а сами, собственно, не знаютъ, для чего. Раньше жизнь куда проще была, а всѣмъ жилось и сытнѣе и веселѣе...

Покуда она ворчала, обходя комнаты со свѣчкою въ рукѣ, Алиса слѣдила за нею блестящимъ взоромъ.

— Она на кого-то ужасно похожа, эта ваша мистрисъ Юмъ! — пробормотала она мнѣ на ухо. — На кого-то поразительно похожа, но только не припомню, на кого. Гдѣ-то, должно-быть,

я ее видѣла, и видѣла совсѣмъ, ну, совсѣмъ не такъ давно, чуть ли не на этихъ дняхъ!

— Господь съ тобою, Алиса! — невольно разсмѣялась я. — Мистрисъ Юмъ славится тѣмъ, что не выѣзжала ни разу изъ Гроссвеноръ-Гоуза на протяженіи сорока двухъ лѣтъ. Развѣ что на станцію, которая вѣдь стоитъ на границѣ владѣній бабушки! Гдѣ же ты могла видѣть нашу ворчунью, ненавидящую газъ и электричество?

Алиса ничего не отвѣтила, но по ея лицу я видѣла, что она моими разъясненіями не удовлетворена.

Побродивъ по комнатамъ и убѣдившись, что все въ порядкѣ, мистрисъ Юмъ удалилась, пожелавъ намъ обѣимъ спокойной ночи. Едва затихли ея шаги, какъ я принялась за мой ночной туалетъ.

Что дѣлала въ это время Алиса, я не интересовалась, но мелькомъ, чисто машинально, замѣтила, что она рылась въ своемъ чемоданѣ, потомъ самымъ внимательнымъ образомъ осмотрѣла окна и двери, явно стараясь выяснитъ, хорошо ли все заперто.

Признаюсь, это меня нѣсколько смѣшило: въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живетъ моя бабушка, жизнь течетъ самымъ патриархальнымъ образомъ, и добрые люди ложатся преспокойно спать съ открытыми окнами, ничего не опасаясь, а уходя изъ дому, оставляютъ открытыми двери въ полной увѣренности, что, вернувшись, застанутъ все въ цѣлости и въ порядкѣ. Алиса же осматривалась вокругъ, словно мы тутъ находились во вражескомъ станѣ, и намъ каждое мгновеніе угрожала опасность вторженія какого-нибудь страшнаго врага.

Но вспомнивъ повѣствованіе Алисы о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ она подверглась, я охотно извинила ей ея осторожность и отъ души порадовалась, что въ нашемъ роду нѣтъ никакого «испанскаго наслѣдства» и нѣтъ у меня мачехи, могущей пожелать сплавить меня на тотъ свѣтъ изъ-за какой-нибудь сотни тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Глухое гнѣвное восклицаніе Алисы привлекло мое вниманіе.

— Что ты говоришь? — окликнула я ее, не поворачиваясь.

— Такъ, ничего! — отозвалась она. — Но я открыла! Я кое-что открыла!

— Что такое ты тамъ открыла?

— Ничего, ничего! Открыла гнусный и подлый обманъ! Но горе тѣмъ, кто меня обманываетъ! Они поплатятся за это жизнью!

Бормотанье стихло.

Я сидѣла у зеркала, расчесывая на ночь свои волосы.

Комната была слабо освѣщена единственною свѣчкой, горѣвшею около меня передъ зеркаломъ.

Въ зеркалѣ довольно смутно рисовалось отраженное изображеніе двери шкапа съ нашими платьями, угла, въ которомъ, казалось, шевелились тѣни.

— Ого! — вымолвила я, взглянувъ мелькомъ на часы. — Мы-таки заболтались, и теперь половина одиннадцатаго! Вѣсь домъ спать, какъ убитый!

— Какъ убитый? — хрипло засмѣялась Алиса.

— Да. Пора укладываться, въ самомъ дѣлѣ, и намъ! Пора кончать!

— Да, пора кончать! — эхомъ откликнулась Алиса.

И вотъ, поднявъ глаза, я окаменѣла отъ ужаса!

И было чего испугаться до смерти!

Алиса, снявъ съ себя башмаки, подкрадывалась ко мнѣ. Ея лицо было блѣдно, какъ полотно, глаза горѣли огнемъ безумія, ротъ былъ полураскрытъ, уста искажены странною, жестокою улыбкою. Въ рукѣ она держала блестящій кривой ножъ, который заносила надъ моею головою, чтобы ударить меня въ горло.

Все это я видѣла въ зеркалѣ.

— Алиса! Алиса! — закричала я, вскакивая въ порывѣ невыносимаго ужаса.

При этомъ я зацѣпила свѣчу, опрокинула ее, и свѣча погасла. Мы обѣ оставались въ глубокой тѣмнотѣ.

Отскочивъ въ сторону съ безумно бьющимся сердцемъ и подламывающимися ногами, я слышала, какъ Алиса наносила ударъ за ударомъ по спинкѣ кресла, по столу передъ зеркаломъ, и при этомъ хрипло кричала:

— Шпіонка! Отравительница! Грязная, подлая, продажная тварь! Ты за-

манила меня въ ловушку, но я хитрѣе тебя! Я разгадала тебя съ перваго взгляда! Я знала, что ты послана моею мачехою, и...

«И я покончу съ тобою, лживая, льстивая гадина!

Минутою спустя, рука Алисы коснулась моего плеча.

— Такъ ты здѣсь? Ну, ладно! Прячься, прячься! Все равно, тебѣ некуда уйти отъ меня! — услышала я хриплый шопотъ.

И опять скачокъ въ сторону спасъ меня.

Я забила въ какой-то уголъ. Тѣмъ временемъ Алиса металась по комнатѣ, отыскивая меня. Она, повидимому, ощупывала стѣны и, наткнувшись на висящія платья, въ слѣпомъ гнѣвѣ колола и рубила ихъ, думая, что я прячусь за ними.

Слыша, что она приближается къ тому углу, гдѣ я прильнула къ стѣнѣ, я, затаивъ духъ, выскользнула оттуда и забила между стѣнкою и кроватью. Но, должно-быть, Алиса уловила звукъ моихъ шаговъ: черезъ секунду она была уже у кровати и рылась среди тюфяковъ и подушекъ.

Я нырнула подъ кровать, но еще двѣтри секунды, и конецъ ножа впился мнѣ въ плечо.

Какъ безумная, вылѣзла я изъ-подъ кровати и ринулась, задыхаясь, въ другую сторону. Мои руки коснулись дверной ручки.

Слава Богу!

Я спасена!

Не размышляя, я повернула дверную ручку. Дверь пріоткрылась, я ринулась въ нее, захлопнувъ ее за собою. У меня хватило присутствія духа запереть эту спасительную дверь на щеколду. Но едва я успѣла сдѣлать это, какъ Алиса была уже около двери и съ страшною силою трясла ее, словно собираясь вырвать ее.

— Не уйдешь, не убѣжишь, отравительница! — кричала она хриплымъ голосомъ. — Я зубами изгрызу дверь, я доберусь до тебя!

Оглянувшись вокругъ, я почувствовала, какъ послѣднія силы покидаютъ меня: я сама забралась въ ловушку,

изъ которой не было выхода. Я находилась въ крайней комнатѣ, въ той, которая имѣла только одну дверь, и около этой двери, скрежеща зубами, стояла Алиса со своимъ ужаснымъ ножомъ въ рукѣ!

Правда, было еще окно. Можетъ-быть, можно для своего спасенія воспользо-ваться имъ?

Я нашла тарелки и швырнула ихъ внизъ...

Нѣтъ, нѣтъ!

Окно, я это знала съ дѣтства, было защищено снаружи массивною желѣзною рѣшеткою.

Когда-то, въ старые годы, говорить наша родовая легенда, одинъ изъ нашихъ прадѣдовъ, до безумія ревнивый и самовластный человѣкъ, продержалъ въ этомъ помѣщеніи двѣнадцать лѣтъ, какъ въ тюрьмѣ, свою молодую жену, заподозрѣнную имъ въ желаніи покинуть Гроссвеноръ-Гоуэзъ.

Бѣдная женщина вышла изъ своего заключенія только тогда, когда ея па-

лачь случайно сломалъ себѣ шею, свалившись въ какой-то ровъ во время охоты...

Нѣтъ, уйти черезъ окно мнѣ нельзя. Но вѣдь зато можно позвать кого-нибудь на помощь.

Я, обмотавъ предусмотрительно руку занавѣскою, съ силою ударила кулакомъ по стеклу. Стекло разбилось и осколки его со звономъ посыпались во все стороны.

Струя холодного ночного воздуха, ворвавшись снаружи, ударила мнѣ въ разгоряченное лицо, холодною волною окутала мои обнаженные плечи и голыя руки. Но я почти не почувствовала холода.

— Спасите! Помогите! — кричала я, высунувшись въ окно. — Спасите! Убиваютъ! Помогите!

А за дверью слышалось тяжелое хриплое дыханье Алисы и бѣшеные удары ея пожа, безъ-устали рѣзавшаго и рубившаго дерево тонкой двери.

— Помогите! Меня убиваютъ! Спасите! На помощь! — кричала я.

Но мой голосъ умиралъ, не разбудивъ никого.

Была глухая ночь, все въ замкѣ давно уже спали. И некому было прийти мнѣ на помощь...

Что то дѣлать мнѣ?

Призвавъ на помощь остатки моего самообладанія, я принялась наскоро размышлять о томъ, какими способами могу я призвать людей на помощь.

Разстилавшійся подъ окномъ башни дворъ былъ пустъ.

Тамъ, въ сторонѣ, маленькій коттеджъ, въ которомъ живетъ семья нашего стараго кучера Роберта или Боба.

Но Бобъ, конечно, не услышитъ моихъ криковъ. Слишкомъ далеко!

Тутъ, у самой башни, имѣется пристройка. Въ ней живетъ садовникъ, помощникъ садовника съ семьей, еще кое-кто изъ прислуги. Но и до нихъ мой голосъ достигнуть не можетъ. Это ясно и само собою понятно.

И если я буду бросать что-нибудь изъ окна, это «что-нибудь» будетъ съ грохотомъ падать на крышу пристройки и должно поднять спящихъ хотя бы мертвымъ сномъ людей.

Но что именно можно выбросить въ окно?

Мнѣ на память пришли драгоценныя фарфоровыя и фаянсовыя коллекціи моей бабушки, хранившіяся въ тяжелыхъ шкапахъ, которые стояли по стѣнамъ комнаты. Той самой комнаты, которая обратилась въ мою тюрьму...

Во мгновеніе ока я выбила стекло дверцы перваго попавшагося мнѣ подъ руку шкапа, нащупала цѣлую колонну массивныхъ тарелокъ, вытащила ихъ и швырнула внизъ.

Тарелки со звономъ и грохотомъ грянули о желѣзную крышу пристройки. Мнѣ казалось, что получился звукъ, равный по силѣ пушечному выстрѣлу.

Мертвыхъ, и тѣхъ долженъ былъ поднятъ на ноги грохотъ.

— Помогите! Спасите! — кричала я.

Но — увы! — все было тихо. Никто не отзывался.

Обезумѣвъ отъ ужаса, я снова кинулась къ шкапу, вытащила тяжелую суповую чашку, потомъ какую-то вазу, и бросила ихъ. Опять трескъ и грохотъ разбивающейся посуды. И опять слѣдомъ могильная тишина.

Шкапъ поразительно быстро пустѣлъ. А помощь ко мнѣ не шла и не шла. А пожъ Алисы уже изрубилъ одну доску, и я видѣла, какъ блестящее лезвье его просовывалось, стараясь дотянуться до меня.

— Не уйдешь! Все равно, доберусь до тебя, шпіонка! — кричала Алиса.

Я метнулась ко второму шкапу, и черезъ минуту все содержимое его летѣло съ грохотомъ внизъ.

По временамъ я приостанавливалась, прислушивалась, кричала, зовя на помощь. Но все было тихо. Весь домъ спалъ, не подозревая, какая трагедія разыгрывается тутъ, въ башнѣ, какая опасность грозитъ мнѣ со стороны сошедшей съ ума Алисы!

Въ комнатѣ было четыре шкапа съ посудой.

Я опорожнила уже три.

Оставался только одинъ.

И я уже потеряла всякую надежду на спасеніе.

Правда, я продолжала бросать внизъ, на крышу пристройки, тарелки, блюда,

вазы, чашки. Но все это теперь я про-
дѣлывала машинально.

Врывающийся въ комнату холодъ ле-
дзянилъ мое тѣло. Меня охватывала
непобѣдимая сонливость. Не хотѣлось
ни о чемъ думать. Хотѣлось прикурнуть
гдѣ-нибудь въ углу, и... и задремать!

И вдругъ я увидѣла полоску свѣта,
скользнувшую по снѣгу двора.

— Что такое происходитъ? — донес-
ся до меня испуганный голосъ.

— Помогите! Спасите! — закричала я
изо всѣхъ силъ.

— Пожаръ, что ли? — освѣдомился
выбравшійся, наконецъ-то, изъ своего
помѣщенія садовникъ.

— Моя подруга сошла съ ума! Она
хочетъ убить меня! У нея ножъ! — нашла
я въ себѣ еще силы крикнуть. — Пото-
ропитесь, Джонъ, ради всего святого!
Я уже не въ силахъ...

Что было дальше, я не помню.

Меня охватилъ глубокий обморокъ.
Очнулась я только на третій или чет-
вертый день праздниковъ.

Я была больна и пролежала двѣ не-
дѣли, и потомъ бабушка наотрѣзъ отка-
залась отпустить меня въ нашъ пан-
сіонъ, говоря:

— Ты, правда, потеряешь, Грэсъ, цѣ-
лый учебный годъ. Но зачѣмъ тебѣ то-
ропиться? Годомъ раньше, годомъ позже
кончить, не все ли равно?

«Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не проте-
стуй! Изъ твоихъ протестовъ, дитя,
ничего не выйдетъ! И я вовсе не желаю,
чтобы ты, гонясь за золотою медалью,
кончила такъ, какъ эта твоя несчастная
подруга, у которой умъ зашелъ за разумъ.

— Гдѣ Алиса? Что съ нею? — сла-
бымъ голосомъ освѣдомилась я.

— Тамъ, гдѣ ей надо было быть! —
ворчливо отвѣтила за бабушку мистрисъ
Юмъ. — Въ домѣ умалишенныхъ!

— Въ санаторіи для нервныхъ боль-
ныхъ! — поправила ее бабушка. — Она
вѣдь передъ встрѣчею съ тобою сбѣжала
изъ санаторіи, куда ее помѣстилъ ея
братъ, увидѣвшій, что она близка къ
помѣшательству.

— А ея отецъ? Ея мачеха?

— Опомнись! Какой отецъ? Какая ма-
чеха?

«Вѣдь она круглая сирота съ дѣт-
ства! Мать умерла, когда ей было два
года, отецъ, когда ей было семь лѣтъ
всего!»

— А... а «испанское наслѣдство»?

— Вздоръ! Бредъ разстроеннаго во-
ображенія! Ея братъ морской инже-
неръ, единственный ея родственникъ.
Никакого «испанскаго наслѣдства» не
существовало и не существуетъ.

— Почему она сошла съ ума?

— А Богъ одинъ знаетъ! — пожала
плечами бабушка. — Доктора говорятъ,
что она еще можетъ поправиться,
но... Но едва ли. Во всякомъ случаѣ,
ее теперь сторожать лучше, чѣмъ въ
первый разъ, и ужъ едва ли ей удастся
сбѣжать и надѣлать столько бѣдъ! По-
думай только, Грэсъ! Ты выбросила въ
окно почти всѣ мои коллекціи фар-
фора! Драгоцѣннаго китайскаго фар-
фора!

— Простите, бабушка!

— Глупая! Развѣ я упрекаю тебя?
Наконецъ, вѣдь всѣ эти коллекціи были
внесены въ мое духовное завѣщаніе въ
качествѣ именно твоего личного при-
даннаго. Выходитъ, что ты поторопи-
лась вступить въ права собственности
раньше, чѣмъ слѣдовало, и распоря-
дилась своимъ имуществомъ нѣсколько...
ну, скажемъ, нѣсколько эксцентри-
чески!

«Теперь мнѣ придется или передѣлы-
вать заново духовное завѣщаніе или...

«Или купить новую посуду!»

«Но такого фарфора, такихъ блю-
дъ, вазъ, сушницъ и прочаго, дитя, тебѣ
уже не достать!»

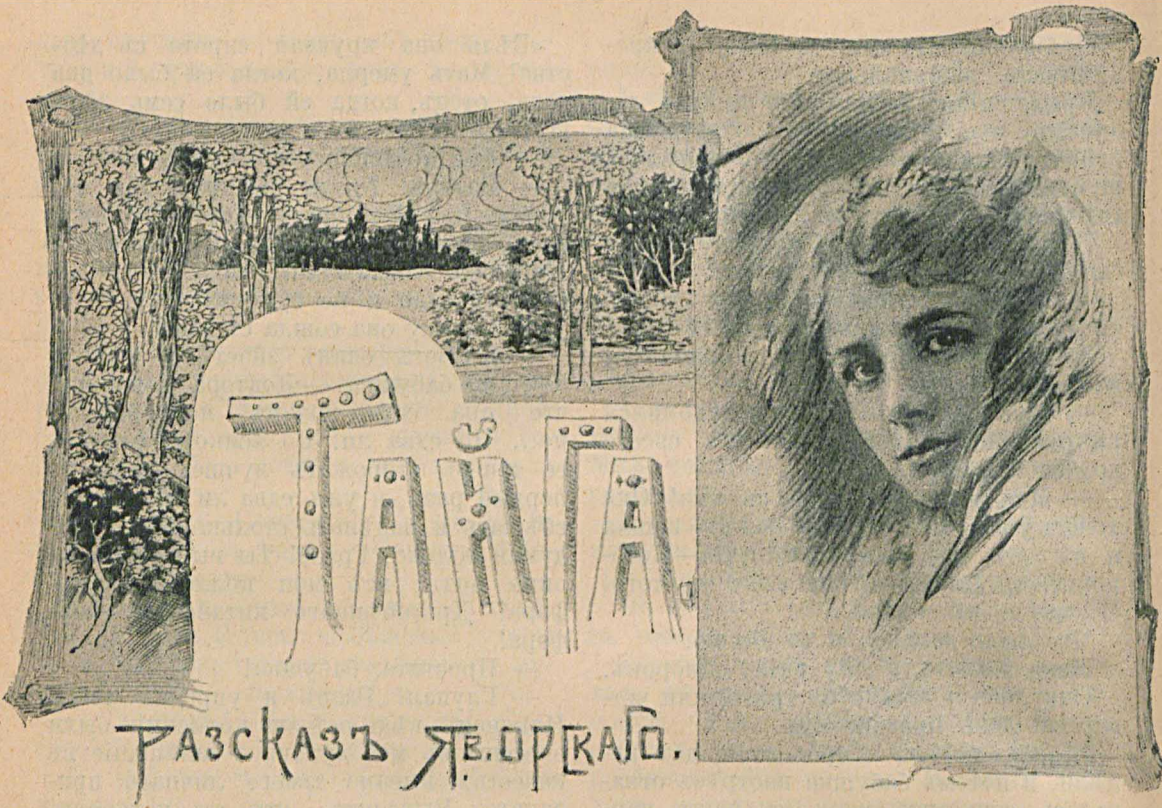
— Богъ съ ними, съ этими вещами,
бабушка!

— Разумѣется, дитя!

Это было въ послѣдній разъ, что
бабушка вздохомъ сожалѣнія отдавала
послѣднюю дань своимъ погибшимъ
драгоцѣнностямъ.

Теперь въ Гроссвэноръ-Гоузъ все
снова приведено въ порядокъ. И я какъ-
то мелькомъ видѣла, что старинные
шкапы снова биткомъ набиты такою же
точно дорогою и рѣдкою фаянсовою и
фарфоровою посудою, которую бабушка
предназначаетъ мнѣ въ приданое...

ИННОКЕНТІЙ Черныхъ рѣзко выдѣлялся во всѣхъ отношеніяхъ изъ общей среды людей, составлявшихъ мою «партію».

Быль онъ высокъ, строенъ, гибокъ, какъ молодой дубокъ, было у него смуглое лицо съ правильными, классическими чертами лица, и были прекрасные каріе глаза, а надъ глазами—пара чудесныхъ бровей, словно нарисованныхъ тушью. И когда онъ, правда, очень рѣдко, улыбался, то сверкали изумительные зубы, ровные, какъ на подборъ, острые и крѣпкіе, какъ сталь, чуть-чуть желтоватые, напоминающіе слоновую кость.

И еще быль у него красивый голосъ, полный бархатистыхъ задушевныхъ нотокъ.

Словомъ, паренъ—хоть куда.

Назвалъ бы я его «писаннымъ красавцемъ», но въ этомъ терминѣ есть что-то вульгарное, противное. Сейчасъ вспоминаешь вывѣски парикмахеровъ и изображенныхъ на нихъ лихою кистью

маляровъ «писаныхъ красавцевъ» съ кудрявыми головами.

А у моего «присяжнаго охотника», Иннокентія Черныхъ, не было рѣшительно ничего общаго съ *такими*, то-есть съ вывѣсочными «писаными красавцами» во вкусѣ парикмахеровъ. Просто, онъ быль очень и очень красивымъ, но какъ-то благородно красивымъ человѣкомъ.

И невольно, глядя на него, я думалъ: «Какой край тебя, добраго молодца, породилъ? Какая земля тебя вскормила, вспоила?»

«Подъ какимъ солнцемъ завились, закручавились твои черные волосы?»

«Какая кровь течетъ въ твоихъ жилахъ?»

«Судя по фамиліи, ты—чистокровный сибирякъ. Только въ Сибири существуетъ старинный обычай спрашивать человѣка:

«— Чьихъ вы будете?»

«Вмѣсто того, чтобы спросить:

«— Какъ ваша фамилія?»

«А по типу—чистокровный южанинъ, выходецъ изъ Крыма или съ Кавказа, оттуда, гдѣ такъ часто попадаютъ не-

сомнѣнные чистокровные потомки славившейся своею красотою благородной эллинской расы».

На видъ Иннокентію было такъ лѣтъ около двадцати семи-восьми: только что человѣкъ переступилъ грань, отдѣляющую юность отъ зрѣлаго возраста.

Но, переставъ быть юношею, онъ сохранилъ всю живость, всю подвижность подростка и при этомъ приобрѣлъ какое-то своеобразное изящество, благородство, изысканность этихъ движеній.

Когда мнѣ приходилось видѣть его руки, я замѣчалъ, что и онѣ по-своему красивы, что онѣ—благородной формы и не носятъ на себѣ слѣда уродующей линіи человѣческаго тѣла черной работы.

Выше я уже сказалъ, что при «партіи» Иннокентій Черныхъ игралъ роль при-сѣжнаго охотника.

Во избѣжаніе недоразумѣній, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ въ поясненіе этого термина.

Что такое «партія»?

Я—топографъ по профессіи, и уже нѣсколько лѣтъ служу въ землеустроительной комиссіи, будучи откомандированъ въ Сибирь для производства различныхъ землѣмѣрныхъ работъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ казна имѣетъ свободныя земли, пригодныя для заселенія приходящими изъ Европейской Россіи крестьянами.

Работы топографовъ въ Сибири частенько напоминаютъ собою, конечно, въ миньятюрѣ, военно-охотничьи экспедиціи, потому что топографу приходится иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не выбираться изъ невѣроятной глуши, приходится странствовать въ такихъ дикихъ мѣстахъ, откуда, какъ говорится, до крещенаго міра хоть три года скачи, все равно, не доскачешь.

А въ тайгѣ нашихъ дней и свирѣпаго звѣрья не мало и недобраго люда еще, кажется, больше: шляются тутъ аборигены Сибири, бродятъ то въ одиночку, а чаще цѣлыми шайками, одичалые бѣглецы изъ каторжныхъ тюремъ, такъ называемые «варнаки». А то и на «партію» спиртоносовъ наткнешься, а это отчаянный людъ, сплошь и рядомъ

ничуть не уступающій по свирѣпости ни какимъ-нибудь ороконамъ ни настоящимъ варнакамъ.

Да и то сказать: кто идетъ-то въ спиртоносы? Кто сбивается на это прибыльно, но чрезвычайно опасное занятіе?

Спиртоносы—это прирожденные контрабандисты, всегда готовые дать отпоръ или перейти въ наступленіе, люди, ведущіе десятилѣтіями борьбу съ властями.

Человѣкъ работающій, солидный, съ уравновѣшеннымъ темпераментомъ, въ спиртоносы не пойдетъ. Спиртоносомъ дѣлается только вышибленный изъ колен, какой-нибудь сбившійся съ толку, затравленный и потому самъ всѣхъ травящій молодецъ, которому ничего не стоитъ послать пулю въ лобъ ближняго или всадить ему въ бокъ лезвее длиннаго «оленьяго» ножа.

Такимъ образомъ, разъ топографъ хочетъ живымъ и невредимымъ вернуться изъ тайги, онъ долженъ позаботиться, въ интересахъ собственной безопасности, о нѣкотораго рода собственномъ конвоѣ, можемъ, при случаѣ, защитить его и отъ Михайлы Иваныча Топтыгина, истиннаго «хозяина» сибирской тайги, и отъ столкновеній съ двуногими волками.

Помимо этого, тяжелыя землѣмѣрные работы въ тайгѣ требуютъ большого количества рабочихъ рукъ: нужны умѣлые лѣсорубы, на которыхъ при разбивкѣ участковъ возлагается обязанность дѣлать просѣки въ дремучемъ лѣсу, нужны землекопы, нужны носильщики, подводчики.

Вотъ этотъ-то людъ и составляетъ то, что называется «партіею».

Такая «партія» забирается въ тайгу, везя съ собою въ саниахъ, въ телѣгахъ или таща на плечахъ, необходимый багажъ, главнымъ образомъ состоящій изъ съѣстныхъ припасовъ всѣхъ сортовъ.

Но человѣкъ, привыкшій къ мѣстнымъ условіямъ жизни, никогда не довольствуется тѣмъ, что запасется извѣстнымъ количествомъ, скажемъ, солонины, сухарей, консервовъ: жизнь на вольномъ воздухѣ, физическая дѣятельность, постоянное передвиженіе,—все это развиваетъ большой аппетитъ, и привезенныхъ

съ собою въ тайгу припасовъ обыкновенно хватаетъ лишь не надолго.

Остается прибѣгнуть къ помощи самой тайги, матушки-кормилицы и поиллицы, дающей пріютъ и человѣку и всяческому звѣрю, т.-е. къ охотѣ.

Но охота въ тайгѣ—это не то, что охота въ Европейской Россіи. Это не увеселительная прогулка по краюшку болота съ какимъ-нибудь лягашемъ или пойнтеромъ: въ тайгѣ то и дѣло нарываешься то на свирѣлаго медвѣдя, то на настоящаго дьявола—сибирскую ушастую рысь, то на волчью стаю, а въ Примурской области и батюшку-тигра, полосатаго, кровожаднаго разбойника, встрѣтить не чудо и не рѣдкость.

Тутъ, выходя на охоту, не зѣвай. Не то вмѣсто охотника самъ превратишься въ дичь, за которою другіе охотятся...

Жизнь въ тайгѣ, полная опасностей и лишений, выработала особый типъ таежнаго охотника, по смѣлости, ловкости, знанію нравовъ и обычаевъ звѣря мало чѣмъ уступающихъ пресловутымъ слѣдопытамъ, которые такъ краснорѣчиво описаны Куперомъ.

И вотъ мой Иннокентій Черныхъ былъ именно воплощеніемъ такого охотничьяго идеала по силѣ, выносливости, неустрашимости, расторопности, опытности и ловкости. Добавлю, что Сибирь богата такими людьми.

Но было въ немъ нѣчто такое, что нѣсколько отдѣляло его отъ рядовыхъ охотниковъ изъ тайги: тѣ обыкновенно любятъ гульбу, любятъ пить, любятъ болтать, тогда какъ Иннокентій въ нашей «партіи» получилъ характерное прозвище «Иннокентія Молчальника», а еще дразнили его «Красной дѣвицею» за его скромность, «трезвою душенькою», «скромницею» и такъ далѣе, отмѣчая этими прозвищами дѣйствительныя качества таежнаго богатыря.

Какъ-то заболѣлъ мой помощникъ, ведшій всѣ письменныя работы. Я былъ въ отчаяніи: у меня самого и такъ работы по горло, а если возьмешься за письмоводство, то куда уже тутъ до настоящей геодезической работы?!

Изъ затруднительнаго, почти отчаяннаго положенія меня, казалось мнѣ,

не могъ вывести никто. Развѣ гдѣ-нибудь въ тайгѣ наткнешься на поселокъ, въ которомъ ютятся интеллигентные ссыльные, да пристроишь на работу какого-нибудь бывшаго студента. Но на это надежды плохи...

И вотъ совершенно неожиданно у меня нашелся спаситель въ лицѣ Иннокентія Черныхъ.

Какъ-то разъ онъ спокойно, серьезно, отнюдь не заискивая и не напрашиваясь, съ чувствомъ собственного достоинства, обратился ко мнѣ со словами:

— Дозвольте испробовать! Грамотный я, и что дѣлалъ Павелъ Дмитріевичъ, письмоводитель вашъ, знакомое мнѣ дѣло. Можетъ, справлюсь. А если не справлюсь, такъ попытка не пытка, спросъ не бѣда...

Я былъ изумленъ, но, конечно, разрѣшилъ «испробовать», и убѣдился, что мой звѣроловъ справляется съ письменнымъ дѣломъ не хуже, а лучше заболѣваго писаря.

Очень охотно я оставилъ бы на этомъ дѣлѣ Иннокентія и впредь, давъ ему порядочное вознагражденіе, но онъ самъ отклонилъ мое соотвѣтствующее предложеніе, сказавъ очень вѣжливо, но столь же рѣшительно:

— Нѣтъ, радъ бы услужить, да не могу, простите! Вольный я человѣкъ, лѣсной обитатель, и ужъ больно тянетъ меня къ себѣ лѣсъ-то! По нуждѣ, конечно, могу недѣлю-другую отъ охоты отказаться, но тяжело мнѣ! А по вольной волѣ—не могу промѣнять лѣса ни на что другое!

«Не обезсудьте, Осипъ Николаевичъ, а только я самъ свой характеръ лучше знаю, да и пробовалъ уже.

«Если знаете Козелль-Поклевскаго, Казимира Ивановичъ, такъ его управляющій мнѣ на одномъ изъ пріисковъ очень даже порядочную должность предлагалъ по письменной части. Но ничего изъ этого не вышло, потому что характеръ мой не дозволяетъ... Охотникъ я, можно сказать, прирожденный...

«Для разнообразія, конечно, отчего не посидѣть и въ конторѣ пріисковой? А только, извините, я на открытомъ воздухѣ куда лучше себя чувствую. И

винтовка да ножъ оленій для меня куда сподручнѣе, чѣмъ карандашкѣ...

Такъ и не сдѣлался Иннокентій Черныхъ официальнымъ письмоводителемъ моей «таксаторской партіи», а остался при ней постарому въ качествѣ присяжнаго охотника.

Едва ли нужно говорить, что въ этомъ отношеніи онъ оказался рѣшительно незамѣнимымъ: у него было какое-то особое сверхъестественное чутье, онъ угадывалъ присутствіе звѣря тамъ, гдѣ никто другой не заподозрѣлъ бы этого, и за многіе мѣсяцы нашихъ совмѣстныхъ странствованій я положительно изумлялся, какъ Черныхъ ухитряется словно изъ-подъ земли добывать дичину для пополненія нашихъ съѣстныхъ припасовъ.

Не боюсь впасть въ преувеличеніе, сказавъ, что иногда именно онъ, Иннокентій, содержалъ всю партію, поставляя мясо, и притомъ дѣлалъ это какъ будто шута, словно играючи, точно безъ малѣйшаго затрудненія.

Признаюсь, нашъ «присяжный охотникъ» заинтересовалъ меня куда больше, чѣмъ всѣ другіе члены «партіи», а тамъ было не мало несомнѣнно интересныхъ субъектовъ.

Но что-то было въ этомъ именно человѣкѣ, что-то спрятанное, схороненное въ глубинѣ его души. И это что-то было большимъ и жуткимъ. И какъ-то чуялось, что прятать отъ посторонняго взгляда свою тяжелую тайну мой вѣрный Немвродъ.

Однако наступилъ однажды моментъ, когда этой тайнѣ было суждено открыться.

И вотъ какъ это вышло.

Какъ-то моя «партія», переходя съ размежеванныхъ участковъ на новые, мимоходомъ завернула пополнить припасы въ совсѣмъ недавно народившейся поселокъ два или три года назадъ осѣвшихъ тутъ, въ тайгѣ, черниговцевъ.

Поселокъ этотъ, носящій имя Новой Батуриновки, оказался жизнеспособнымъ, чего нельзя сказать про очень многіе другіе, долго-долго еле влачащіе свое существованіе. Новоселы Батуриновки справились съ невѣроятными трудностями первыхъ лѣтъ, пустили,

какъ говорится, крѣпкіе корни, успѣли обзавестись церковью, школою, парой довольно бойко торговавшихъ всяческими товарами лавокъ и даже виннымъ погребкомъ, гдѣ торговалъ кахетинскимъ и закармливалъ посѣтителей—принсковыхъ рабочихъ—жирными шашлыками нѣкій восточный человѣкъ съ сизо-багровымъ носомъ и страшнымъ кинжаломъ у пояса, по имени Каранетъ. Вотъ въ этой-то шашлычной, зайдя туда закусить, мы и наткнулись на Авенира Шелкопрядова, поселенца, которому суждено было помочь мнѣ узнать жизненную драму Иннокентія.

Сказать по правдѣ, Шелкопрядовъ произвелъ на меня съ перваго взгляда неприятное впечатлѣніе своею плотавостью: испитое одутловатое лицо землистаго цвѣта, безцвѣтные, по-мышинному бѣгающіе глазки, ехидная улыбочка на безкровныхъ, неимоვნю, чуть ли не отъ уха и до уха, растянутыхъ губахъ, рѣденькая, всегда словно водкою смоченная и потомъ всклокоченная рыженькая борода, растрепанные усы, лѣзущіе въ ротъ, кривыя ноги, длинныя руки,—таковъ былъ Авениръ по внѣшности.

Неприглядность его собственной персоны не скрашивалась, а еще больше подчеркивалась неприглядностью его костюма: на немъ была какая-то чуть ли не женская ватная кофта, которую онъ почему-то величалъ «вендерочкою», на вклоченной головѣ—почтенные остатки Богъ вѣсть какъ попавшей въ сибирскую тайгу тонкой и несомнѣнно нѣкогда очень дорогой «шанамы», которую Авениръ именовалъ «паламочкою», а на ногахъ—на одной лапотъ, на другой резиновая галоша съ красною фланелевою подкладкою.

Увидѣвъ пришедшаго со мною Иннокентія, Авениръ Шелкопрядовъ, словно вспрыснутый сказочно живою водою, оживился, расцвѣлъ. Онъ заулыбался, задергался, приплясывая, приблизился къ охотнику и, хихикая, сталъ охаживать его вокругъ, при чемъ приговаривалъ нараспѣвъ, прихлопывая въ ладошки:

— Кого я вижу, кого я вижу? Не собаку рыжу, а свѣтлую личность! Дружка

мнѣ Богъ посылаетъ, много радости общаетъ! Счастливъ я безмѣрно, говорю неліцемерно! Радость моя обильна, ибо судьба всесильна... Сколько лѣтъ и сколько зимъ не видались мы съ нимъ, другомъ дорогимъ?!

Кое-кто изъ присутствовавшихъ въ погребкѣ посѣтителей зафыркалъ. Откуда-то слышалось презрительное замѣчаніе:

— Закрутилась вѣтряная мельница! Замололъ щербатый жерновъ!

Не смущаясь, Авениръ огрызнулся:

— Моя мельница, моя и вертельница, вамъ никакого дѣла нѣтъ, отстаньте—мой совѣтъ!

И опять засыпалъ рѣчюванными фразами неподвижно стоявшаго посрединѣ комнаты охотника.

— Иннокентушка, гигантушка, охотничекъ славный, всѣмъ охотникамъ равный... Откуда Богъ тебя прислалъ? Долго ли заживешься, али какъ соколъ снова взовьешься? Хи-хи-хи... Ха-ха-ха...

Иннокентій, мрачно глядя на прилипавшаго около него Авенира, молчалъ.

Мелькомъ я взглянулъ на охотника, и мнѣ показалось, что по его сумрачному лицу пробѣжала дрожь, а глаза затуманились, но черезъ минуту онъ справился.

Дня черезъ два, наканунѣ нашего отправленія въ дальнѣйшій путь, въ тайгу, Иннокентій обратился ко мнѣ съ просьбою, крайне меня удивившею:

— Не откажите, Осипъ Николаевичъ, взять въ «партію» одного человѣка! Вы вѣдь говорили, будто нужно одного рабочаго, чтобы цѣпъ таскать. Ну, такъ, вотъ...

— Ладно! А кого даете вы мнѣ, Черныхъ?

Помявшись немного, охотникъ вымолвилъ, не глядя на меня:

— Да, извините, тотъ самый, который... Ну, что прилипъ ко мнѣ тогда у Карапета... Авениръ Шелкопрядовъ, то-есть!

И, видимо, торопясь предупредить возможное съ моей стороны возраженіе, добавилъ:

— Касательно ручательства за него—мое слово. Ежели онъ банкротомъ себя покажетъ, вы ужъ не извольте безпо-

коиться, дѣло не пострадаетъ. Я такъ устрою, что ничуть дѣло задержки не испытаетъ!

— Да зачѣмъ брать человѣка, въ которомъ заранѣе сомнѣваться приходится?

— Ужъ очень прошу: не откажите! Заслужу я вамъ! Сами знаете, я вѣдь человѣкъ съ крѣпкимъ словомъ. Если общаюсь, такъ и будетъ. Понадобится, разопнусь, а выполню, какъ должно!

«А относительно того, чтобы денегъ Авениру давать, такъ и объ этомъ вы не безпокойтесь: безъ жалованія идти.

«Опять же, что касается харчей, я вѣдь всегда на его долю дичины добыть могу, такъ что ни съ какой стороны «партія» убытка терпѣть не можетъ!

— Ладно! Берите его! Только... Только зачѣмъ вамъ понадобилось все это затѣвать, Иннокентій?—не удержался я.

— Такъ нужно!—отвѣтилъ онъ, тихо вздохнувъ.—Не могу сейчасъ объяснить, повѣрьте на слово, что по пустякамъ не поступалъ бы такъ. Резонъ одинъ есть...

Кончилось тѣмъ, что, когда «партія» двинулась въ путь, на одномъ изъ возовъ торжественно возсѣдалъ, скаля гнилые зубы, Авениръ Шелкопрядовъ. И вмѣсто женской ватной кацавейки на немъ была подержанная, правда, но крѣпкая плісовая куртка, «паламочку» смѣнилъ новенькій картузъ, лапотъ и галоша уступили мѣсто тяжелымъ болотнымъ сапогамъ, отъ которыхъ на три версты несло ворвань.

Какъ я и предвидѣлъ, Авениръ въ «партію» оказывался совершенно ненужнымъ человѣкомъ: работать онъ и не хотѣлъ, и не умѣлъ, и работы отлынивалъ всяческими способами, то прикидываясь больнымъ, то куда-то исчеза, словно подъ землю прячась, когда была нужна его помощь, то, наконецъ, исполнять порученное ему самое несложное дѣло такъ плохо, что поневолѣ приходилось замѣнять его кѣмъ-нибудь другимъ. Меня это раздражало, и однажды, выйдя изъ терпѣнія, я попросту отстранилъ Шелкопрядова отъ работы, заявивъ ему, что впредь онъ не будетъ получать ни раціоновъ ни порціи вод-

ки, полагавшейся каждому рабочему. И еще сказалъ я,—самое лучшее, что онъ можетъ сдѣлать,—это покинуть партію и вернуться въ погребокъ къ Карапету, благо мы еще не такъ далеки отъ Новой Батуриновки.

Но ничуть не смущенный моими упреками, Авениръ остался, и только избѣгалъ особенно дѣзть мнѣ на глаза. Мелькомъ я видѣлъ, что питался онъ за счетъ Иннокентія, выпивалъ полагавшуюся охотнику водку, таскалъ его вещи. Словомъ, исполнять роль господина, помыкающаго своимъ крѣпостнымъ.

Правду сказать, эти странныя отношенія, установившіяся между моимъ молодцомъ - охотникомъ, въ одиночку ходившимъ на медвѣдя съ рогатиною, силачомъ, гнущимъ подковы, красавцемъ и по-своему интеллигентнымъ человекомъ, и, съ другой стороны, такимъ ничтожествомъ во всѣхъ отношеніяхъ, какимъ былъ Авениръ, меня нѣсколько смущали. Невольно напрашивалась мысль:

— Откуда эта странная власть Авенира надъ Иннокентіемъ?

«Да почему Иннокентій не страхнеть съ себя этого слизняка, эту присосавшуюся къ нему пиявицу?

Но Иннокентій крѣпко держалъ свое слово, содержаніе при «партіи» Авенира не стоило ни единого гроша, а мнѣ, признаться, отнюдь не хотѣлось вмѣшиваться въ чужія дѣла, которыя вѣдь меня совсѣмъ не касались. Притомъ же, я думаю, что скоро Авениру надоѣдетъ въ тайгѣ, и онъ добровольно сбѣжитъ.

Но развязка, и совсѣмъ не такая, какую я ожидалъ, пришла очень скоро.

Вышло это такъ:

Нѣсколько дней подъ рядъ уже я замѣчалъ, что мои рабочіе попиваютъ. «Партія» въ это время находилась въ глуши, кругомъ, насколько я зналъ, на пятнадцать верстъ разстоянія не было ни единого болѣе или менѣе крупнаго поселка, гдѣ можно было бы добыть водку, не было даже большихъ хуторовъ, гдѣ могло бы процвѣтать тайное винокурение, выгонка хотя бы китайскаго «ханшина». Съ другой стороны, мой небольшой запасъ спирта,

изъ котораго я выдавалъ рабочимъ въ обѣдъ и ужинъ по чаркѣ, слишкомъ бдительно охранялся, отнюдь не могъ подвергаться разворовыванію.

Оставалось предположить, что къ «партіи» присоединилась «шапка-невидимка» въ лицѣ какого-то спиртоноса, спаивающаго падкихъ на водку рабочихъ.

На бѣду именно около этого времени, согласно условію, я выдалъ всѣмъ рабочимъ часть жалованья, и тогда два дня подъ рядъ работы шли черезъ пень въ колоду, потому что люди бродили по тайгѣ, словно сонныя мухи, заводили ссоры, потасовки, сваливались у корней могучихъ лѣсныхъ великановъ, спали въ канавахъ, въ кустахъ.

Среди пьяныхъ особенно часто я замѣчалъ опротивѣвшаго мнѣ Авенира Шелкопрядова. Но его-то, казалось, и хмель не бралъ.

Онъ только становился еще развязнѣе, онъ уже не говорилъ речитативомъ, а просто пѣлъ свои гнусныя вирши, присасываясь къ каждому загулявшему рабочему и явно издѣваясь надъ нимъ.

— Пойдемъ, пойдемъ, молодецъ!—выпѣвалъ онъ, приплясывая и таща куда-то за рукавъ своего случайнаго спутника.—Покажемъ доблестіи образецъ. Выпили мы водки, но не кушали селедки. Жажда насъ одолеваетъ, еще выпить повелѣваетъ. Мы выпили бутылку, чтобы не болѣть затылку. А еще выпьемъ косушку, чтобы не распухнуть брюшку!

— Отстань ты, шутъ полосатый!

— Господи мой Боже, на что это похоже? Ничего нѣтъ хуже, какъ выпататься въ лужѣ, и ничего нѣтъ гаже, какъ вымазаться въ сажѣ! Какой ты красивый, но немножко спесивый!

— Да уйди ты отъ меня! Отпусти душу на покаяніе!

— Каялся одинъ монахъ, думая о штанахъ... Когда мы спотыкаемся, всегда послѣ каемся. А какъ покаемся, опять наложимся!—отвѣчалъ въ рѣму, хихикая и приплясывая, Авениръ.

— Отвяжись, окаанный! Убью!—замахивался на него кулакомъ пьяный рабочій, но Авениръ съ непостижимою ловкостью отскакивалъ въ сторону, увертываясь отъ дюжатаго кулака, какъ увертывается юркій комаръ отъ неуклюжей

медвѣжьей лапы, и промахнувшійся рабочей потерявъ равновѣсіе, тяжело хлопнулся лицомъ въ грязь.

Тогда Авениръ завывалъ отъ восторга:

— Люди добрые! Идите, на грязную свинью посмотрите. Забралась свинья рыломъ въ грязь, кричитъ, что она—князь...

Оставивъ одного рабочего, Авениръ принимался за другого, за третьего, четвертого.

Потомъ дошла очередь до единственного, кажется, въ «партиі» человѣка, не поддавагоса соблазну выпивки, до Иннокентія Черныхъ.

— Иди сюда, милячокъ!—кричалъ ему, хихикая и ухмыляясь, Авениръ.—Иди сюда, мой батрачокъ, дамъ я тебѣ пятачокъ. Ты стань передо мною, какъ листъ передъ травой.

— Перестань, Шелкопрядовъ!—угрюмо отозвался Иннокентій, не поднимая глазъ.—Оставь, пожалуйста! Брось!

— Я брошу, а кто-нибудь подниметъ, что изъ этого выйдетъ?—явно глумился плюгавъ.—Ежели пришла мнѣ такая фантазія, да ежели подвернулась оказія... Хочется мнѣ свою душу потѣшить, всѣхъ сосѣдушекъ утѣшить... Танцуй, Иннокешка! Я этого желаю!

Иннокентій махнулъ рукою.

— Съ ума ты спятилъ!

— Я? Можетъ, поумнѣ кого другого, а только какъ я свои права понимаю, себя развеселить желаю...

«Пляши, Иннокешка! Сейчасъ пляши, трепака чеши! Ну?

— Н-не буду!—хриплымъ голосомъ отвѣтилъ охотникъ.

— А, ваше высокородіе этого не желаетъ? А ежели я товарищамъ одно словечко про тебя ляпну? Знаешь, какое словечко? Хо-хо-хо!

Терпѣніе Иннокентія лопнуло. Онъ съ угрожающимъ видомъ надвинулся на ратуя, и въ красивыхъ черныхъ очахъ мелькнулъ зловѣщій огонекъ.

Но, противъ ожиданія, Авенира это ничуть не испугало.

— Что?—завизжалъ онъ.—Убить меня хочешь? Второй разъ убійцею стать собираешься? Что жъ? Убивай, убивай! Тебѣ, знать, привычное дѣло!

Какъ пораженный громомъ, Иннокентій остановился. Онъ былъ смертель-

но блѣденъ, глаза горѣли мрачнымъ огнемъ.

Нѣсколько отрезвившіеся рабочіе съ тревожнымъ любопытствомъ глядѣли на лѣснаго богатыря.

А Авениръ, торжествуя явную свою побѣду, положительно вихремъ крутился, высовывая языкъ, показывая остолбенѣвшему Иннокентію кукиши, ругая его, на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Убивай, убивай меня, убивецъ! Пали изъ твоей пушки! Убивецъ, убивецъ!

Иннокентій махнулъ рукою, повернулся и, понутивъ голову, побрелъ въ сторону отъ сгрудившихся вокругъ неистовавшаго плясуна рабочихъ. Авениръ ринулся за нимъ, но въ это время кто-то изъ ранѣ подвергшихся его язвительнымъ выходкамъ рабочихъ смазалъ его пятернею по затылку, и Авениръ завизжалъ, какъ подстрѣленный заяцъ:

— Караулъ! Рѣжутъ! Убиваютъ! Караулъ! Иннокентьюшка! Заступись, роденькій! Спаси, голубчикъ!

Другой рабочей схватилъ визжавшаго труса за шиворотъ, встряхнулъ его, потомъ швырнулъ въ сторону.

— Брысь, мразь!—крикнулъ онъ ему.—Намъ доносчиковъ на товарищей не надо! Такъ я говорю, ребята?

— Такъ, такъ! Что раззвонился, такой-сякой?

— Бей его, ребята!

Но Авениръ уже улепетывалъ, уносясь со скоростью курьерскаго поѣзда, въ ту самую сторону, гдѣ среди могучихъ стволовъ скрылась фигура Иннокентія Черныхъ.

Когда эта дикая и столь неожиданно для меня слишкомъ скоро разыгравшаяся сцена закончилась, мною овладѣло смутное и тревожное состояніе, вызванное именно брошеннымъ Авениромъ Иннокентію обвиненіемъ:

— Убивецъ! Второй разъ убивать принимаешься?

«Значить,—думалъ я,—былъ и первый разъ? Теперь понятно, почему Авениръ имѣлъ такую власть надъ охотникомъ: онъ зналъ его тайну, онъ грозилъ, что выдастъ, и вотъ... Но почему же самъ Иннокентій поддавался своему кро-вопійцѣ?

«Господи, мой Боже!

«Да вѣдь въ сибирской тайгѣ съ такими вещами не шутятъ!

«Сколько труповъ ежегодно безслѣдно исчезаетъ подъ вѣтвями могучихъ деревьевъ, сколько людскихъ костей растаскиваетъ хищное звѣрье?

«Если бы только Иннокентій захотѣлъ, онъ могъ бы десять разъ улучшить моментъ и, попросту говоря, пришибить гдѣ-нибудь Авенира, какъ ядовитую гадину.

«Опасно это?

«Да нѣтъ же!

«На исчезновеніе паразита, всѣмъ опротивѣвшаго, всѣмъ надоѣвшаго, никто не обратилъ бы вниманія.

«Наконецъ тайга безконечно велика, а для охотника, который самъ себя съ гордостью называетъ «лѣснымъ жителемъ», она—родная мать. Куда захотѣлъ, туда повернулъ, и ушелъ отъ людей.

«Въ тайгѣ не очень заботятся о паспортахъ, а въ случаѣ необходимости—плевое дѣло раздобыть прекрасно изготовленный паспортъ, ибо въ любомъ городишкѣ этими паспортами ведется форменная торговля. За три цѣлковыхъ покупаютъ краткосрочный крестьянскій паспортъ, за пять—долгосрочный мѣщанскій, за десять рублей—«дворянскій».

«А Иннокентію обдѣлать это чего ужъ проще?

«И разъ онъ, охотникъ, не прибѣгъ въ этому способу, то-есть къ повторенію, скажемъ, преступленія, точно ли было и первое преступленіе? А если что и было, то... то виновать ли дѣйствительно мой бравый сибирскій слѣдопытъ, настоящій лѣсной богатырь?»

Таковы были мои думы. Потомъ онѣ пошли по другому руслу: я предчувствовалъ, что, во всякомъ случаѣ, Иннокентій для меня потерянъ, онъ не вернется уже изъ лѣса въ «партію».

А это было болѣе чѣмъ просто неприятно, ибо, помимо невольной внушенной мнѣ охотникомъ симпатіи, съ его уходомъ я лишился самаго работоспособнаго человѣка въ «партіи», смысленаго, толковаго и, главное, субъекта, къ которому питалъ неограниченное довѣріе.

Замѣнить его другимъ—не такъ-то легко и просто!

Наступилъ вечеръ, потомъ пришла ночь.

Гульба рабочихъ закончилась тѣмъ, что большинство изъ нихъ свалилось и заснуло, гдѣ кого застигъ сонъ. Бодрствовали только немногіе, но и на тѣхъ я положиться отнюдь не могъ.

Поэтому я порѣшилъ, что мнѣ придется на этотъ разъ самому держать вахту, какъ говорятъ моряки, оберегая отъ хищенія казенное имущество, инструменты, а главное—соблазнительные бо-
чонки со спиртомъ.

Распорядившись, чтобы къ разведенному костру рабочіе притащили побольше сухого валежника, я запаса винтовкою, револьверомъ, закутался въ бурку, чтобы защитить тѣло отъ ночной сырости, и усѣлся у костра, на которомъ шипѣлъ и плевался синій чайникъ съ кипяткомъ.

Вѣтра почти не было, и сизоватый дымокъ отъ костра поднимался вертикальнымъ столбомъ, медленно и плавно колыхавшимся изъ стороны въ сторону.

И вотъ, сидя такъ у костра и предавшись моимъ думамъ, я какъ-то совершенно не замѣтилъ, какъ кто-то легкою тѣнью проскользнулъ изъ-подъ навѣса густой зелени деревьевъ и опустился у костра рядомъ со мною, не говоря ни единого слова.

— Иннокентій!—вздвогнувъ, произнесъ я.—Это вы?

— Да!—отвѣтилъ онъ глухимъ голосомъ.—Пришелъ попрощаться съ вами, Осипъ Николаевичъ! И съ «партіею» попрощаться!

— Вы... уходите?

— Ухожу!

— Почему? Во имя чего? Вѣдь никто не повѣрилъ пьяной болтовнѣ этого шута горохового!

— Никто?—горько усмѣхнулся охотникъ.—Ой ли? Да вы, Осипъ Николаевичъ, въ свою душу собственную загляните, можете, тогда и не скажете, что «никто не повѣрилъ»! Да и почему не повѣрить? Развѣ такое рѣдкое дѣло—убійство? Развѣ тутъ, въ той же нашей «партіи», нѣту двухъ-трехъ человѣкъ, къ которымъ въ душу лучше и не заглядывать?!

«Да и не важно мнѣ, сказать по правдѣ, повѣрили ли, не повѣрили...

«То важно, что нашелся человекъ, который снова вслухъ заговорилъ объ этомъ дѣлѣ, мнѣ самому напомнилъ его, Осипъ Николаевичъ!

«Два года я ни отъ кого ни слова не слышалъ. Самъ не то что забывать началъ, до могилы, понятно, не забуду... Но все же какъ-то словно туманомъ оно покрываться стало. Перестали меня сны терзать. Пересталъ я было во снѣ все это видѣть по пять разъ за ночь. А теперь оно вновь вернулось съ былою силою, да словно полымемъ обожгло мою душу, покой мой отогнало, муки новыя принесло. Ну, и не могу я оставаться тутъ, съ людьми, которые слышали, какъ Авениръ, пьяная душонка, меня убійцею обзывалъ.

«Если останусь, буду все время думать, что у каждаго изъ партіи на устахъ вертится то самое слово Авенирово:

«— Убійца!

«Нѣтъ, Осипъ Николаевичъ! Жалко мнѣ, тяжело мнѣ, а чувствую я, нѣту силъ моихъ! Не могу я выдержать!

«Или уйти надо, или... или руки на себя наложить!

— Что вы, Иннокентій?! Побойтесь Бога!

— Да я и такъ Бога боюсь!—отозвался онъ унылымъ голосомъ.—Если бы не боялся, повѣрьте совѣсти, не страдалъ бы такъ!

«Слушайте, Осипъ Николаевичъ!

«Никому я не рассказывалъ, какъ это все вышло.

«Ну, судъ былъ, конечно...

— Какъ, васъ судили?

— Да конечно же! Въ тюрьмѣ сидѣлъ сколько-то, судили меня. Только не засудили меня судьи!

«А вѣдь я-то просилъ ихъ:

«—Покарайте вы меня! Наказаніемъ, да тяжкимъ, снимите вы съ моей души грѣхъ!

«Все перенесу, самую тяжкую кару, потому что тогда душа успокоится!

«Но не по-моему вышло!

«Приговорили они меня, между прочимъ, къ церковному покаянію. Ну, пошелъ я къ батюшкѣ. Такъ и такъ, говорю...

«Только сталъ рассказывать, замалъ онъ на меня обѣими руками.

«— Ты, говорить, мнѣ сказокъ не рассказывай! Какое мнѣ дѣло до всѣхъ подробностей?

«Ты кайся! Ну, епитемью я на тебя наложу...

«Такъ и ушелъ я...

«Вотъ, брожу по бѣлу свѣту сколько лѣтъ, самъ свой зарокъ по доброй волѣ исполняю, каюсь.

«Если есть охота, послушайте вы меня! Вамъ, какъ на духу, всю правду расскажу!

«Можетъ, и не интересно вамъ все это, и не нужно бы мнѣ васъ беспокоить, а только тянетъ меня поговорить съ вами по душѣ!

«Тянетъ меня подѣлиться съ живымъ человекомъ горемъ моимъ, грѣхомъ моимъ страшнымъ.

«Вы со мною по-человѣчески обращались, никогда я отъ васъ несправедливости не видѣлъ. Довѣріе я къ вамъ большое питаю! Осипъ Николаевичъ! Такъ выслушайте вы меня!

— Спасибо, Иннокентій! А только имѣю ли я права вашу, такъ сказать, исповѣдь выслушать?

— Отчего нѣтъ?!—удивился охотникъ.—Вѣдь не тайна же?! Когда дырявая душа, Авенирка-проходимецъ, все знаетъ и языкомъ звонить, меня позорить, такъ почему же человекъ, которому я довѣряю, знать не долженъ?

И при невѣрномъ трепетномъ свѣтѣ то притухавшаго, угасавшаго, то снова ярко разгоравшагося костра этотъ лѣсной богатырь тихимъ, глухимъ, спокойнымъ, какъ будто безучастнымъ голосомъ повѣдалъ мнѣ свою повѣсть, предпославъ ей маленькое предисловіе, объяснявшее странность взаимоотношеній между нимъ и Авениромъ.

* * *

— Можетъ,—говорилъ Иннокентій,—удивлялись вы, почему я вамъ Авенира навязываю?

«Ой, знаю, что удивлялись!

«Да и въ самомъ дѣлѣ, кто же не видитъ съ перваго взгляда, что безнадежно пустой человекъ Авениръ этотъ самый?!

«Ужъ если на то пошло, человѣкъ ли онъ?»

«По мнѣ, нѣтъ, не человѣкъ!»

«Ехидство его всю его душу выѣло. Пакостничество изъ него все нутро, извините, вытравило!»

«Такъ, одна наружность, видимость осталась, скорлупка, а въ скорлупкѣ—гной, извините за выраженіе, и ничего больше!»

«И отъ него, какъ отъ песьей мухи, всякій мало-мальски человѣкъ съ понятіемъ отмахивается.»

«А я его съ собою тащу, вамъ навязываю, на себя обузу сваливаю. Обираетъ онъ меня: куртку, сапоги, платокъ, кисеть,—все тащить! Не подумайте, что жалъ мнѣ тряпокъ, мелочей разныхъ: не такая у меня душа!»

«А противно, что былъ я *долженъ* этому гнусу, этому песиголовцу въ родѣ какъ бы данъ платить, его ублаговотворять!»

«Рубашку мою съ меня, послѣднюю рубашку стянуть хочешь?»

«Бери, сдѣлай милость, только не болтай!»

«Посялъ тебѣ мой понравился?»

«На, жри, только помалкивай! Заткни свое мурло!»

«А все почему?»

«Потому что Авениръ *зналъ* все мое несчастье, и *зналъ*, что пуще смерти не хочется мнѣ, чтобы мнѣ о немъ напоминали!»

«Не того боялся, что, молъ, люди узнаютъ, подь отвѣтъ итти придется! Говорю же, что съ судомъ у меня все покончено. По документамъ—чистъ я! Даже назначенное церковное покаяніе, и то отбылъ! Бумажку на этотъ счетъ, съ подписомъ, съ печатами имѣю. Все, говорю, въ порядкѣ!»

«А не хотѣлось мнѣ читать въ людскихъ взорахъ этого слова:

«— Убийца!»

«Не хотѣлось мнѣ думать каждый мигъ, когда, скажемъ, два человѣка промежъ себя переговариваются, что это они про меня, какъ убійцу, шепчутся.»

«А эта гусеница понимала мое душевное настроеніе и... и проценты получать хотѣла!»

«Одинъ разъ онъ, Авениръ, такъ выжилъ меня уже изъ одного округа, гдѣ

было успокоился я, людей добрыхъ на шель.»

«Молодежь была, оттуда, изъ Россіи выслали ихъ цѣлою гурьбою.»

«Долго я къ нимъ подбирался, куда заговорить рѣшился, а заговорилъ, сразу сблизился, и имъ близкимъ сталъ. И собирался имъ горе мое повѣдать.»

«А тутъ, какъ на грѣхъ, эту самую песью муху зеленую съ крапинками принесло. И сталъ онъ около ссыльных увиваться, и сталъ онъ надо мною жужжать, какъ комаръ, который вьется надъ спящимъ, чтобы его кровь высосать!»

«Ну, не выдержалъ я!»

«Махнулъ рукою, ночью зашелъ къ друзьямъ молодымъ, попрощался, за триста верстъ на пріиски махнулъ.»

«Прожилъ лѣто на пріискахъ, обжигаться сталъ, трахъ, опять злая роса выпала!»

«Опять Авенирка, пронохавъ, гдѣ я и что я, оборванный, опухшій, въ опоркахъ, ко мнѣ нагрянулъ, опять надо мною вьется, жужжитъ, словами своими ѣдкими вокругъ меня липкую паутину плететъ, заплетаетъ!»

«А, будь ты проклять, червь подземный!»

«Пришибить бы его?»

«Каюсь, десять, сто разъ мнѣ въ виски эта мысль молотами стучала, сердце наполняла!»

«Да не поднимается рука на этого гнуса.»

«Такъ думается:

«— Раздавишь его, а потомъ весь вѣкъ отъ грязи не отмоешься! Смердѣть будетъ!»

«И съ пріисковъ ушелъ я. Въ тайгу забрался.»

«А вотъ и тутъ отъ Авенирки не скрылся. И тутъ самого меня судьба на него нанесла, и онъ, какъ завидѣлъ меня въ карапетовскомъ погребкѣ, словно оводъ, сейчасъ присосался... Иннокентій смолкъ.»

Молчалъ и я и глядѣлъ на огонь костра.

Костеръ уже догоралъ, покрывался сѣрымъ налетомъ пепла, но изъ-подъ пепла по временамъ вырывались зо-

лотистыя змѣйки огня, и извивались, и словно убѣгали, зарывались, чтобы появиться потомъ изъ-подъ пепла снова.

— Да, такъ вотъ какъ съ человѣкомъ бываетъ!—началь, минуто спустя, свою тяжелую повѣсть охотникъ.

«Живешь, ничего не думаешь. А бѣда стережетъ тебя! Она намѣтила тебя издали, приготовила петлю, чтобы на твою шею накинуть и затянуть ее покрѣпче.

«Знаете вы Болотное?»

«Ну, тамъ я родился, тамъ я выросъ, тамъ, думалось мнѣ, проживу весь свой вѣкъ.

«Были мои родители новоселами: изъ Малороссіи мы, но давно уже сжились съ этими краями, и самъ я чистый сибирякъ, и люблю Сибирь, какъ мою мать родную, и не тянетъ меня туда, откуда пришли сюда мои родители, хоть, говорить, и тамъ край красивый.

«Да тѣсно тамъ: лѣса повыврубили, землю всю пораспахали, перегородили, каждый клочокъ на счету, и некуда податься. Того и гляди, чужую траву потопчешь...

«А я-то вольный, бродячій человѣкъ, и безъ лѣса жизнь мнѣ не въ жизнь.

«Ну, ладно.

«Такъ, вотъ, жилъ я и выросъ въ Болотномъ.

«Большой теперь поселокъ дѣлается. Заводъ тамъ теперь какой-то строить собираются, желѣзнодорожную вѣтку уже ведутъ.

«Годовъ черезъ десять городомъ поселокъ станетъ.

«Не то было шесть лѣтъ назадъ, когда мое горе меня подстергло: тогда Болотное представляло собою только маленькій поселокъ, а кругомъ все были отдѣльныя «заимки», хутора, что ли. Ну, вотъ, и была одна «заимка», на которой давно уже жила семья поляка одного, старика, ссыльнаго.

«Говорять, у себя, на родинѣ, въ свое время, пользовался онъ славою большою, учителемъ былъ.

«Но когда я его узналъ, былъ онъ уже поконченный человѣкъ: болѣзнь его погубила, разрушила не только его тѣло, но и его душу. Сильнѣе на большого младенца сталъ панъ Скаржинскій походить. Но все же оставался онъ въ

моихъ глазахъ достойнымъ уваженія человѣкомъ, только ужъ очень несчастнымъ.

«Жена, которая съ нимъ въ ссылку пришла, недолго ужилась въ Сибири: была она молода, говорятъ, весела, какъ котенокъ, общество любила, къ большому городу ее тянуло, а жизнь въ тайгѣ сибирской каторгою ей казалась. Ну, и покинула она больного мужа и покинула, малолѣтнюю дочку.

«Зосею звали дѣвочку эту, и была она стройна, какъ былиночка, весела, какъ жаворонокъ, и любила она пѣть, и посмѣяться, и пошутить, и поплясать.

«А польскаго осталось въ ней только одно имя. Да и то, бывало, отказывается она Зосею зваться.

«— Зовите,—говорить,—меня Софьею, Сонею! Не хочу быть Зосею! Какая я Зося? Я, вонъ, двухъ словъ по-польски вымолвить не умѣю. Пробовала читать учиться по-нашему, по-польски, ничего не вышло? Сибирячка я!

«Жилось Скаржинскимъ не очень-то сытно: старый профессоръ совѣмъ не могъ ничего по хозяйству дѣлать, все у него, больного старика, изъ рукъ валялось. Зося-то, конечно, работала, но въ хозяйствѣ мужской глазъ нуженъ, мужская рука.

«Ну, и шло ихъ хозяйство прямо-таки черезъ пень въ колоду, хотя заимка была—золотое дно.

«Одно было хорошо: любила чистоту Зося. И ужъ такъ уютно было у нихъ въ домѣ, и такъ спокойно все, и тихо...

«Познакомился я съ Зосею, когда ей двѣнадцать лѣтъ было, а мнѣ шестнадцать, и съ тѣхъ поръ сталъ частенько навѣдываться на заимку.

Я и съ малолѣтства охотничаль, а въ тѣ годы заправскимъ охотникомъ уже былъ. А надо вамъ сказать, что около Болотнаго и теперь охота богатѣйшая: воды тамъ много, заросли, чащи, болота почти недоступныя для человѣка, и большой водъ тамъ птицъ всякой, особенно дикому гусю да уткѣ. Тьма темъ, тысяча тысячъ, миріадъ.

«Ну, а немного въ сторону лѣса пойдутъ вѣковые, еще покуда, слава Богу, никѣмъ не тронутые. Вотъ, можетъ, теперь раздѣлка имъ пойдетъ, потому

что казенная земля, и, говорятъ, казна туда новоселовъ нагнать хочетъ.

«Ну, и въ тѣхъ лѣсахъ звѣрѣя всякаго сколько хочешь, и охота вольная. Выправь себѣ билетъ, а не хочешь, такъ и безъ билета можешь охотиться, потому что некому къ тебѣ приставать.

«Ну, вотъ, охотничья, добывалъ я много звѣря, а еще больше птицы, и тащилъ все на займку Скаржинскимъ, въ подарокъ старому пану Скаржинскому. А если кто поцѣнитъ подвѣтывалось или почуднѣе — подносилъ я Зосѣ. Пусть забавляется!

«Выросла моя Зося, стали къ ней женихи приглядываться, но меня это и не беспокоило: какъ-то такъ, само собою, было какъ будто рѣшено, что перевѣнчаемся мы съ нею. Возьму я тогда на себя все хозяйство, всю тяжелую работу. Поставлю дѣло на ноги, а поставить его не такъ трудно, потому что земля богатая. Лишь бы добрая воля была да усердіе да пониманіе.

«Ну, и проживетъ обратившійся отъ горя въ дѣтство старый панъ спокойно до самой смерти. И будетъ наша жизнь съ Зосею складываться, какъ того Богъ захочетъ...

«Говорилъ ли я Зосѣ о моихъ планахъ?

«Да, въ дѣтствѣ!

«Тогда еще, когда оба мы ничего, въ сущности, не смыслили, ничего не понимали въ жизни.

«Но, подрастая, считали мы, или, по крайней мѣрѣ, считалъ я, что повторять надобности нѣтъ. Да и о томъ, что люблю я Зосю, какъ-то говорить мнѣ не хотѣлось: видить она, знаетъ, что люблю, и люблю крѣпко. Такъ чего ужъ?

«Словъ много люди повывдумали, и цѣпляются за слова, а иные, вонъ, какъ Авениръ, этимъ даромъ Божьимъ пользуются, чтобы другимъ жизнь отравлять.

«Но я-то иначе выросъ: все въ лѣсу, все въ пустынѣ, въ одиночку, и болтать не выучился, и тратить словъ попусту не выношу. Если я говорю что-нибудь, такъ ничего лишняго. Мое слово — камень, самъ я его въ песокъ не разотру, да и кому другому трудно обратить мои слова въ пыль и по вѣтру пустить ихъ, чтобы ими глаза людямъ засыпало...

«Можетъ, на этомъ и рушилось все? Можетъ, изъ-за этого и погибло мое счастье?

«Не знаю, ой, и до сихъ поръ не знаю!

«Шесть лѣтъ назадъ поселился въ нашихъ мѣстахъ молодчикъ одинъ. Былъ онъ городской, бывалый, ловкій, говорливый. И состоялъ онъ агентомъ у Зингера.

«Знаете, небось?

«Не его, то-есть Игоря Всеволодовича Рунина, а фирму эту самую, должны знать. Говорятъ, по всему свѣту она, фирма, швейныя машины свои распускаетъ, и вездѣ и всюду своихъ агентовъ содержитъ. Цѣлая, молъ, армія. И дѣло многомилліонное, и заработки у агентовъ большіе, зависимо, конечно, отъ хода дѣла.

«А что нужно для агента, который долженъ умѣть всучивать людямъ свой товаръ?

«Во-первыхъ, долженъ быть агентъ обходительнымъ, говорливымъ, умѣть убѣдить, навязать свой товаръ, расхваливъ его до небесъ.

«Потомъ, на мой взглядъ, конечно, у настоящаго агента не должно быть много церемоній съ тѣмъ, что называется людьми добротою: его доброта будетъ только мѣшать ему. Ну, и такъ далѣе.

«Словомъ, не люблю я такихъ людей!

«Можетъ, несправедливо, но что я подѣлаю со своимъ характеромъ?

«И не понравился мнѣ господинъ Руинъ, можно сказать, съ перваго взгляда: на насъ, сибиряковъ, смотреть съ высоты собственного величія, словами язвить имѣетъ не хуже Авенирки Шелкопрядова, любого человѣка умѣетъ въ смѣшномъ видѣ выставить, съ толку сбить, самымъ, кажись, невиннымъ замѣчаніемъ въ грязь сбиваетъ.

«А при женщинахъ словно перерождается: не говорить, а воркуетъ. И весь такой... гладкій, словно лакированный!

«Скоро замѣтилъ я, что слишкомъ ужъ часто путь Рунина почему-то именно мимо займки Скаржинскихъ пролегаетъ, и почему-то всегда такъ случается, что необходимо Рунину задержаться на займкѣ часа на два, на три. То ло-

падь расковалась, то колесо сломалось, то лошадей подкормить надо, то самим перекусить чего-нибудь хочется.

«И все норовитъ господинъ агентъ словоохотливый около Зоси поближе держаться, и все напѣваетъ ей о томъ, что сибирская жизнь дикая, что кругомъ не люди, а сибиряки дикіе живутъ, что настоящая жизнь это тамъ, далеко отъ тайги, въ Петербургѣ, гдѣ театры, общество, развлечения, гдѣ красивая женщина—царица общества.

«И попутно, но такъ ловко, мелькомъ упоминаетъ о своихъ важныхъ родственникахъ: дядя—гвардейскій полковникъ, скоро генераломъ будетъ. Дядя—адмиралъ, другой—сенаторъ.

«И пошло, и пошло...

«Вижу я, какъ покажется Рунинская бричка, у Зоси и лицо словно другое, глазки заблестятъ, щечки порозовѣютъ. Сама, какъ птичка...

«Эхъ, тоска стала меня сушить.

«Подумаль я, и рѣшилъ: надо начистоту поговорить, покончить съ этимъ.

«Если обручимся мы, получу я уже, такъ сказать, нѣкоторыя права. Разумѣется, силою нельзя тутъ ничего подѣлать. Но вѣдь моя Зося—разумомъ ее Богъ совсѣмъ незауряднымъ наградила,—она пойметъ все, она сама постарается такъ устроить, чтобы этотъ человѣкъ съ нашего горизонта исчезъ. Нечего ему около насъ тереться. Мы—сибиряки, мы—простые люди. Онъ же самъ насъ «сибирскими медвѣдями» величаетъ. Такъ что ужъ тутъ много толковать?

«И, вотъ, какъ-то утромъ, собравшись съ духомъ, направился я къ заимкѣ Скаржинскихъ, чтобы начисто переговорить, выяснить мою участь.

«Охъ, тяжело, тяжело мнѣ рассказывать.

«Да и нужно ли говорить вамъ объ этомъ подробно?

«Словомъ, шель я на заимку—былъ молодъ, бодръ, глядѣлъ на міръ ясными глазами.

«А вышелъ я со двора заимки, ноги меня не держатъ, трясутся, руки дрожать. И все кругомъ словно дымомъ чернымъ окутано. Солнце померкло. Небо помутнѣло.

«— Я не могу стать твоею женою!—сказала мнѣ Зося.—Нѣтъ, нѣтъ, лучше не будемъ говорить объ этомъ, потому что изъ этого ничего не выйдетъ!

«— Но вѣдь мы же порѣшили, что...

«— Когда? Когда оба въ куклы еще играли? Когда ничего не понимали? Оставь, Иннокентій! Если хочешь, будь мнѣ другомъ, будь моимъ братомъ. Но мужемъ моимъ ты не будешь!

«— Почему?

«— Такъ!

«— Потому что тебѣ понравился другой? Да?

«— Это не твое дѣло! А если и такъ, то развѣ я тебѣ обязана давать отчетъ въ этомъ? Развѣ я не вольна своею судьбою распоряжаться?

«И ушелъ я, горько смѣясь.

«Подвернулся мнѣ подъ ноги вѣрный песь мой охотничій, всегда сопровождавшій меня въ моихъ странствованіяхъ. «Мухтаромъ» я звалъ его, и былъ онъ большимъ другомъ для меня, и никогда въ жизни не ударилъ я его, пальцемъ не тронулъ безъ вины.

«Какъ своего ребенка, любилъ я эту собаку, и холилъ, и берегъ. А тутъ...

«Едва не раздробилъ я черепъ «Мухтару» тяжелымъ прикладомъ моей охотничьей берданки.

«Взвизгнулъ песь, отпрянулъ отъ меня, жалобно завылъ.

«Стыдно мнѣ стало. Кликнулъ я его, приласкать хотѣлъ.

«Не подходитъ!

«Чуть шевельнусь я, онъ въ сторону отбѣгаетъ. Припадаетъ къ землѣ, смотритъ на меня испуганными глазами, потомъ прынетъ опять въ сторону и, только отбѣжавъ сажень на двадцать, оглядывается и принимается подвывать. Словно на покойника!

«Опять бѣшенство овладѣло мною: вскинулъ я къ плечу винтовку; крупной, заячьей дробью была она заряжена.

«Мигъ, и покати́лся бы ни въ чемъ неповинный «Мухтаръ» на землю.

«Да совѣсть зазрѣла меня, и пошла туча дрови сверлить воздухъ, вмѣсто того, чтобы вшиться въ тѣло пса, ни въ чемъ передо мною не провинившагося, развѣ только въ томъ, что, быть-можетъ, своею собачьею душою, чуя мое горе, хотѣлъ

«Мухтаръ» своеобразною ласкою утѣшить меня.

«Не оглядываясь, побрелъ я дальше, спотыкаясь на каждомъ шагу, шатаюсь, словно пьяный.

«А и всего-то пьянства моего было, что хлебнулъ я изъ чаши горя!

«Ну, ладно! Что долго объ этомъ разсказывать?

«Вотъ, бреду такъ я, а навстрѣчу изъ пчельника мнѣ ползеть эта проклятая гусеница, эта тля подлая, Авениръ Шелкопрядовъ.

«Хихикаетъ, приплясывая. Маячитъ передо мною, словно столбъ дыма, словно призракъ какой!

«— Прогнала? — шепчетъ. — Выставу дала? Хи-хи-хи! «Зингеръ и Компанія»!..

«— Не твое дѣло! — отвѣчаю я. И самъ своего голоса не слышу: перехватило мнѣ горло, языкъ не поворачивается.

«А Авенирка снова:

«— Лучшаго нашла, потому тебя и отшила! Барынею большою хочешь сдѣлаться! Съ генералами да адмиралами водиться будетъ! Госпожою агентшею станешь. «Зингеръ и Компанія»! Хи-хи-хи...

«Взвыль я отъ тоски.

«— Уйди, — говорю, — милый человѣкъ! А то я за себя въ такой часъ поручиться никакъ не могу! Вонъ, пса вѣрнаго, и того чуть не пристрѣлили, а тебя и по-давно не пожалѣю!

«Ну, а онъ только приплясываетъ, хочеть.

«— Лучше, — говоритъ, — ты ихъ обо-ихъ подстереги, да дробью!

«Ну, ее, можетъ, пожалѣешь. А *его*...

«Свиданье у нихъ сегодня назначено! И знаешь, гдѣ?

«У «рябовскихъ оконъ»!

«Какъ же, какъ же!

«Выбрали укромное мѣстечко, куда никто не показывается, потому бояться провалиться. Ледъ-то, поди, тонокъ еще тамъ. А слава «рябовскихъ оконъ» скверная. Лѣшіе, молъ, тамъ, водяные, и всякіе другіе черти лиловые, безпаспортные... Хи-хи-хи...

«Но ты-то, дружокъ, охотничекъ храбрый, вѣдь не боишься «рябовскихъ окошечекъ» и, кажется, ни въ лѣшихъ ни въ водяныхъ не вѣришь? Ну, вотъ, ты туда пойдѣ да шугни-ка ихъ! Стрѣльни-

ка ты разокъ въ спину петербургскому лѣшему. «Зингеръ и Компанія»! Хи-хи-хи!

«Зашатался я — такъ волненіе охватило меня. Руки, ноги свинцомъ налились. Только и вымолвилъ:

«— Почему знаешь?

«— А подслушаль я! — смѣется Авенирка. — Очень просто! Люблю я, дружокъ, подслушивать! Особливо, когда кто съ какою красавицею шепчется, да эта красавица ему на ушко говорить:

«— Милый! Золотой мой! Радость моя! Соколъ мой ясный!

«Потому, мнѣ, Авениру Шелкопрядову, въ жизни ни разу ничего подобнаго никто не говорилъ!

«Только и кричали мнѣ:

«— Эй, гнусь! Эй, поганецъ! Авенирка-Сувенирка!

«Какъ собакъ шелудивой!

«А потому и люблю я людей добрыхъ, и такъ-то по нраву мнѣ подслушивать рѣчи ихъ любовныя да ласки!

«Захолонуло у меня на душѣ, какъ услышалъ я эти слова Авенира: еще больше дрожь проняла. Такъ и побѣжала волною по всему тѣлу! Знаю я отлично: змѣя, а не человѣкъ, этотъ шутъ полосатый!

«Но и то вѣрно: отъ него, какъ говорится, подъ землею не скроешься! Дотошный! Все-то онъ знаетъ, все-то онъ выслѣживаетъ!

«Ему бы, по-настоящему, не пріисковымъ рабочимъ служить, а сдѣлаться бы полицейскимъ, судебнымъ слѣдователемъ, что ли!

«Потому что его не обманешь: онъ cadaго человѣка наизнанку способенъ, кажись, вывернуть и все гадкое въ человѣкѣ наружу вызвать.

«А надо вамъ знать, на заимкѣ Скаржинскихъ этотъ Авенирка такъ околачивался, будто бы въ конюхахъ, но только, на самомъ дѣлѣ, какая съ него работа?

«Сѣно воровать, водку пить, глаза отводить, добрыхъ людей морочить, на это онъ мастакъ, а больше ни на что!

«Держались отъ него всѣ подальше. Но, между прочимъ, онъ-то былъ липкій, какъ смола, и вездѣ и всюду проникать.

«Вспомнилъ все это я, и...

«Поднять ружье, прицѣлился. И такъ это спокойно говорю:

«— До трехъ разъ буду считать, потомъ выпалю. Разъ...

«Ну, его словно корова языкомъ слизала, Авенира-то. Откуда и прыть у него взялась! Вихремъ унесло отъ меня сажень на двадцать.

«Остановился онъ въ сторонкѣ, визжитъ:

«— Не поспѣешь, не поспѣешь стрѣлять!

«А я въ отвѣтъ считаю:

«— Два...

«Ну, тутъ онъ окончательно струсиль и за кустомъ какимъ-то схоронился, а я дальше побрелъ.

«Брелъ я къ себѣ домой. А только и самъ не знаю, какъ въ той сторонѣ очутился, гдѣ «рябовскія окна» были.

«Знаете, что это за «рябовскія окна» такія?

«Ну, я вамъ поясню!

«Болотное»-то не даромъ такое имя носить: ужъ очень здоровыя болота тамъ! И, главное, ползуть, расползаются они годъ отъ году. Что годъ, то шире дѣлаются.

«Раньше тамъ какая-то чужь, что ли, или татарка жила, говорятъ, съ Ермакомъ дрались, и городъ имѣла, острожекъ стоялъ. А теперь поиди, поищи и тотъ городокъ и тотъ острожокъ: поглотили все болота ползучія.

«Зимою, въ морозы, конечно, льдомъ все сковано, снѣгомъ по льду припущено, ничего не увидишь. Хоть пушки вези, не провалишься.

«Но въ концѣ осени, началѣ зимы, когда первый ледокъ болота сковываетъ, нѣтъ ничего опаснѣе, какъ тамъ ходить, кто мѣста хорошо не знаетъ: почему-то здѣсь и тамъ, словно окошечки, во льду прорубочки, что ли, да только льдомъ, какъ стекломъ, затянута.

«И тонокъ этотъ ледъ, куда тоньше процаго. И только ты ногу на него поставишь, а онъ подъ тобою обламывается. И тутъ ужъ нѣтъ тебѣ спасенія, потому что подо льдомъ не грунтъ твердый, а трясина бездонная. И затягиваетъ эта трясина тебя, раба Божьяго, въ нѣсколько минутъ съ головою, и нѣтъ отъ тебя слѣда никакого.

«Только и спасенія, если кто поблизости есть, да во-время веревку тебѣ кинетъ, или шесть протянетъ.

«Но на скорую-то помощь по такому мѣсту разсчитывать не приходится: отъ жилья добрыхъ полторы версты, а то и двѣ, а мѣста тутъ вообще не очень людныя, ходить тамъ безъ дѣла некому. Развѣ что нашъ братъ, охотникъ, забредетъ. Да и тѣ, зная, что значать «рябовскія окна», подходятъ къ этому мѣсту только тогда рѣшаются, когда еще засвѣтло, чтобы не попасть въ «окошко» въ темнотѣ.

«Зоя знала объ опасности, которая грозитъ человѣку около «окошъ»: самъ я ее сколько разъ жучилъ, что, любя на конькахъ кататься, забирается она по замерзшему болоту слишкомъ близко къ опасному мѣсту.

«Такъ вотъ гдѣ у нихъ свиданье?!» подумалъ я.

«И одновременно другая мысль пришла мнѣ въ голову: съ утра-то морозикъ былъ, сковало льдомъ трясину. А послѣ полудня сразу теплымъ и сырымъ вѣтромъ повѣяло, и туманъ поползъ откуда-то. А это что значить?

«Значить, ледъ, и безъ того еще не очень крѣпкій, тонкій, сразу туману поддается. Вѣдь туманъ можетъ весь ледъ съѣсть за два или три часа!

«Значить, еще опаснѣе по этимъ мѣстамъ ходить!

«Тутъ не то что въ «окошко» угодишь, Богу душу отдашь, а трясинѣ грѣшное тѣло, а и такъ, просто, безъ «окошка», въ трясинѣ свою гибель найдешь!

«Словно огнемъ ожгла меня эта мысль, и побѣжалъ я, будто вѣтромъ гонимый.

«Вонъ и маленькій лѣсокъ рѣдкій, скрывающій южную часть болота отъ меня. Вонъ отдѣльные кусты. А за ними тускло бѣлѣетъ ледъ болота, мѣстами прерываясь торчащими изъ-подъ него, словно щетки, прутьями кустарника, растущаго на кочкахъ.

«Еще сто, еще двѣсти, еще триста шаговъ. Сейчасъ я буду у самаго края болота и увижу... Да, я увижу ихъ!

«И что я сдѣлаю?

«Крикну, чтобы уходили, — сейчасъ уходили съ этого проклятаго мѣста, если имъ жизнь дорога!

«И, вотъ, когда я приближался къ опушкѣ лѣска, донесся до меня человѣческій голосъ, или, правильнѣе сказать, человѣческій вопль:

«— Спасите! Помогите!

«И я узналъ этотъ голосъ: это кричала Зося, моя Зося!

«Видѣ себя ринулся я. Не бѣжалъ я, а летѣлъ.

«Словно крылья у меня выросли и понесли меня!

«Черезъ минуту небольшое пространство замерзшей воды преградило мнѣ путь. Полянка эта была гладка, какъ зеркало, и только мѣстами, словно пятна ржавчины, иногда бывающей, какъ вы знаете, на зеркалѣ не то отъ сырости, не то Богъ вѣсть по какой причинѣ, проступали наружу: это было тамъ, гдѣ обмерзли хилые чахлые кусты съ пригнутыми книзу жестокими вѣтрами, расстрепанными стеблями почернѣвшей отъ холода болотной травы.

«Какъ разъ въ это мгновеніе солнце заходило, и брызнуло алымъ свѣтомъ на болота, и порозовѣлъ клубившійся здѣсь и тамъ полупрозрачный туманъ. И алымъ казалось все вокругъ, а только одна высокая фигура словно вырѣзалась на фонѣ заката, и я узналъ эту фигуру: это былъ господинъ агентъ, Игорь Всеволодовичъ Рунинъ.

«А гдѣ же Зося, моя Зося?

«Да, я увидѣлъ и ее!

«Или, вѣрнѣе сказать, увидѣлъ ея станъ, ея гордую головку, ея судорожно простертыя куда-то руки.

«Почти по самой середкѣ ледяной полянки ледъ былъ изломанъ и плавалъ тысячами мелкихъ осколковъ въ тинистой водѣ. И тамъ, въ самомъ центрѣ полыни, тамъ стояла дѣвушка, по поясъ погруженная въ трясину. И на моихъ глазахъ съ каждою секундою она погружалась больше и больше.

«Правда, погруженіе шло очень-очень медленно. Можетъ-быть, въ секунду Зося погружалась только на палецъ, даже и того меньше, но...

«Но погружалась!

«— Игорь! Помоги!—кричала она полнымъ смертной тоски голосомъ.

«— Милый! Я погибаю! Я тону, Игорь!

«А онъ?

«Господинъ агентъ стоялъ въ двадцати шагахъ отъ утопавшей. Я видѣлъ его лицо: оно было блѣдно, какъ мѣлъ, ротъ искривленъ, глаза выпучены. И Рунинъ, какъ-то машинально ощупывалъ себя, словно не вѣря своему спасенію: онъ вѣдь тоже провалился, но ближе къ болѣе твердому грунту, и, предоставивъ Зосѣ выкарабкиваться, спастись, какъ знаетъ и можетъ, онъ вылѣзъ самъ на твердый грунтъ, до пояса промокшій и вымазавшійся въ тинѣ.

«Во мгновеніе ока успѣлъ я осмотрѣть мѣстность, сообразить, какъ и что.

«— Держись, Зося! Ради всего святаго, держись, бодришься! Мы спасемъ тебя!—крикнулъ я изо всѣхъ силъ.—Только не шевелись, не барахтайся. Возлѣ тебя кочка есть, кустъ на ней растеть. Ухватись за кустъ, только легонько, Зося, и держись!

«Зося послушалась моего указанія, потянулась, схватила за торчавшіе изъ воды прутья, на которыхъ еще держались нѣсколько почернѣвшихъ мертвыхъ сухихъ листьевъ.

«— Эй, вы, Рунинъ!—кричалъ я моему ворогу.—Что же вы-то стоите? Вѣдь вамъ ничего не значитъ выручить Зосю! Попробуйте подойти къ ней поближе, держась около вонъ тѣхъ кочекъ. Лягте на ледъ, ползите на брюхѣ, ледъ васъ выдержитъ, да тамъ, около кочекъ, трясина настоящей нѣтъ, провалитесь—только искупааетесь. Доползете вонъ до того куста, вы тамъ до Зоси рукою дотянетесь. Потяните ее, и она спасена! Да что же вы не двигаетесь, чтобы васъ дьяволъ побралъ?

«Вѣдь я-то не могу добраться до Зоси! Съ этого края кочекъ нѣту, только «окна». Полверсты мнѣ обѣгать кругомъ придется, чтобы до того мѣста добраться, откуда можно помочь подать!

«— Я... я боюсь!—простоналъ онъ въ отвѣтъ жалобно.—И я безъ того уже провалился, вымочилъ ноги... Я простужусь, я, навѣрное, простужусь! О, Господи!

«И онъ совсѣмъ по-дѣтски всхлипнулъ.

«— Что? Вы простудитесь?—кричалъ я яростнымъ голосомъ, положительно сходя съ ума отъ тоски.—Вы боитесь,

что простудитесь? А дѣвушку трясина на вашихъ глазахъ засасываетъ, такъ этого вы не боитесь?!

«Трусъ, подлый вы человѣкъ! Гадина вы, не больше!

«Ползите къ Зосѣ! Или...

«Я въ бѣшенствѣ прицѣлился въ этого негодая. Но онъ попрежнему стоялъ въ полной безопасности, дрожа всѣмъ тѣломъ и закрывая лицо руками.

«— Не могу, не могу!—бормоталъ онъ.—Я боюсь... Я не могу!

«Что было дѣлать?

«Я безпомощно оглянулся вокругъ. Кажется, я увидѣлъ человѣческую фигуру, украдкой пробирающуюся къ берегу болота изъ перелѣска. Но мнѣ, то-есть Зосѣ, никто уже не могъ помочь...

«Я взвылъ, словно меня кто огрѣлъ ударомъ нагайки прямо въ лицо. Я ударилъ себя кулакомъ въ грудь съ такою силою, что кости затрещали.

«Потомъ...

«Потомъ, положивъ вѣрную винтовку, я прилегъ грудью на ледъ и поползъ по направленію къ Зосѣ.

«Да, я зналъ, что это предпріятіе бесполезно: съ моей стороны только на очень большомъ разстояніи одинъ отъ другого чернѣлись кусты, знаменовавшіе нахожденіе кочекъ, и между этими могущими выдержать тяжесть моего тѣла пунктами я ясно различалъ синій ледъ «рябовескихъ оконъ»,—окна, сквозъ которыхъ на меня глядѣла сама смерть.

«Но что же мнѣ было дѣлать?

«Тотъ, господинъ агентъ, онъ попрежнему стоялъ на берегу болота, хныкалъ, бормоталъ что-то.

«Онъ и сейчасъ могъ спасти погибавшую дѣвушку. Если бы только у него было хоть на грошъ мужества. Если бы только онъ былъ не дрянною лакированнымъ, но бездушною куклою, а настоящимъ мужчиною!

«Отъ бѣшенства я задыхался: вѣдь я не ошибался, и ему лично не могла грозить ни малѣйшая серьезная опасность. Самое большее ему пришлось бы по грудь погрузиться въ тину. И только..

«А онъ не смѣлъ даже ступить на ледъ, топтался на мѣстѣ, и хныкалъ, и утиралъ слезы кулаками, и стряхивалъ ползшіе по его одеждѣ внизъ потоки

воющей болотной грязи на истоптанный его лакированными сапогами снѣгъ.

«Судьба, казалось, покровительствовала мнѣ: ползя по тонкому льду, тщательно избѣгая «оконъ», я приблизился на разстояніе не больше десяти, двѣнадцати саженъ къ утопавшей въ трясинѣ Зосѣ.

«Впереди два отдѣльно держащихся кустика. Если добратъся до перваго изъ нихъ, то...

«Нѣтъ нужды, что ледъ не сможетъ выдержать тяжести насъ обоихъ: важно, что мы сможемъ продержаться около этихъ кустовъ, стоя въ водѣ, извѣстное время. За это время трусъ Рунинъ успѣетъ сбѣгать на займку и позоветъ людей съ веревками и досками. Тогда насъ вытащатъ, насъ обоихъ спасутъ.

«Ближе, ближе къ кусту.

«И вдругъ...

«Тонкая корка рыхлаго и тонкаго льда подалась, погнулась подъ тяжестью моего тѣла. Трескъ, еще, еще...

«И я очутился въ водѣ.

«Вынырнувъ, я успѣлъ ухватиться рукою за какой-то осколокъ льдины, но не удержался, опять сталъ погружаться.

«Трясина схватила уже мои ноги, словно клешнями. Меня тянуло съ жельзною силою внизъ. Меня подстерегла и поймала смерть.

«Дотянуться впередъ до спасительной кочки я не могъ. Оставалось рвануться назадъ. И это мнѣ удалось. Мои руки ухватились за тонкіе, скользкіе, словно ослизлые прутья куста, бывшаго позади меня, и, напрягши всѣ свои силы, я выползъ на ледъ. Онъ гнулся, онъ трещалъ, змѣеобразныя трещины расползались вокругъ меня.

«Но не это пугало меня: теперь между мною и Зосою стояла уже непреодолимая, непреоборимая преграда въ видѣ полосы свободнаго пространства болота. Я былъ отдѣленъ отъ дѣвушки, я не могъ уже питать и тѣни спасти ее.

«А трусъ въ лакированныхъ сапогахъ?

«Онъ бѣгалъ по берегу и кричалъ тонкимъ голоскомъ:

«— Караулъ! Полиція! Полиція!

«Отупѣлый, потерявшій сразу всё силы, я лежалъ на льду, глядя на Зосю.

«Грязина дѣлала свое дѣло: она засосала дѣвушку. Теперь надъ болотомъ видѣлась только одна голова Зоси, и то грязь, перемѣшанная съ осколками льда, острыми, какъ стекло, подходила къ подбородку.

«И вотъ тогда я услышалъ обращенную ко мнѣ мольбу Зоси:

«— Иннокентій! Убей ты меня! Прекрати ты мои муки своею рукою! Умирая, я буду молить за тебя Бога, я буду благословлять тебя! Ты поклялся, что ты будешь моимъ братомъ, моимъ вѣрнымъ до смерти другомъ! Исполни же мою послѣднюю просьбу—убей меня, чтобы мнѣ не изнемогать въ предсмертной борьбѣ!

«Ради всего святого на свѣтѣ, Иннокентій, пожалѣй и убей меня, потому что спасти меня никто и ничто уже не можетъ!

Охотникъ смолкъ.

Молчаніе длилось такъ долго, что я не выдержалъ.

— И что же?—спросилъ я его.

Вмѣсто отвѣта онъ сдѣлалъ характерное движеніе рукою.

Словно схватилъ ружье, прицѣлился, нажалъ спускъ курка...

— Я... застрѣлилъ ее!—прошепталъ онъ, минутой спустя.—Она умерла отъ моей руки, и эта рука была вѣрна, и она не дрожала, и смерть пришла на пять минутъ раньше, чѣмъ пришла бы, если бы я не выстрѣлилъ.

— А потомъ? Что было потомъ?—допытывался я.

— Что было потомъ?—недоумѣло повторилъ Иннокентій.

Подумавъ, онъ глухо вымолвилъ:

— Потомъ я хотѣлъ застрѣлить *его*, Рунина. Но...

— Но онъ убѣжалъ? Правда?

— Да! Его уже не было на берегу.

«А я лежалъ и все глядѣлъ на то мѣсто, гдѣ мутная грязь сомкнулась надъ головою Зоси Скаржинской, погребая любимую мною дѣвушку, отнимая у меня свѣтъ, радость моей жизни.

«Можетъ-быть, я и покончилъ бы тутъ со своею жизнью: вѣдь къ ночи начинался морозъ, и я уже застывалъ, по-

тому что вымокъ съ головы до ногъ, и мнѣ оставалось только поддаться одолевавшей меня сонливости.

«Но тутъ ко мнѣ подползла другая гадина: Авениръ Шелкопрядовъ. Это его я видѣлъ тамъ, въ кустахъ. Это онъ, натравивъ меня на пришедшихъ на свиданье, ползъ слѣдомъ за мною, должно-быть, чтобы полпобоваться, какъ я буду расправляться съ ненавистными для него людьми, потому что онъ ненавидѣлъ Зосю, ненавидѣлъ Рунина, какъ ненавидѣлъ, конечно, и меня, какъ ненавидитъ все живое на свѣтѣ.

«— Дружокъ!—тронулъ онъ меня за плечо.—Очнись, дружокъ! Улепетывать надоть! Не то вѣдь мужики прибѣгутъ, заберутъ тебя!

«Я стряхнулъ со своего плеча его руку, какъ клешню поганого рака, поднялся, и...

«Я пошелъ на заимку.

«Тамъ было много народа, и я сказалъ:

«— Берите меня, вяжите меня. Зовите власти: я убійца! Я убилъ панну Зосю!

«Ну, а объ остальномъ что же говорить?

«Арестъ, допросы, тюрьма, опять допросы, потомъ судъ...

«Церковное покаяніе...

«Вышелъ я на свободу, но лучше было бы мнѣ сгнить въ тюрьмѣ: тамъ я тѣломъ страдалъ, а на свободѣ—душа болитъ...

«И нѣту мнѣ забвенья, нѣту мнѣ прощенія.

«И, какъ въ наказаніе, послано мнѣ выше—переносить издѣвательства Авешира.

«Но только, вѣрьте совѣсти, силъ моихъ больше нѣту.

«Если и на этотъ разъ онъ прилипнетъ ко мнѣ и будетъ травить,—я его-таки пришибу. И пойду въ тюрьму, чтобы тамъ отдыхать...

* * *

Костеръ догоралъ. Сквозь пепелъ, густымъ слоемъ лежавшій на землѣ, только здѣсь и тамъ пробивались слабыя искры. Идымовый столбъ превратился въ тонкую, какъ ниточка, сѣрую струйку, бѣжавшую отъ земли къ небу и расплывавшуюся

ся подъ вѣтвями могучаго лѣснаго великана, кедра.

— Надо бы сучьевъ подложить!— встрепенулся Иннокентій и пошелъ къ ближайшимъ кустамъ.

Когда костеръ снова разгорѣлся, я прервалъ молчаніе.

— Оставайтесь съ нами, Иннокентій!— сказалъ я, кладя свою руку на его плечо.— Въ моихъ глазахъ вы отнюдь не убійца, и, ужъ конечно, не злодѣй, отъ котораго надо отворачиваться. Просто, васъ, дѣйствительно, подстерегла и поймала и погубила злая судьба. Оставайтесь, и я ручаюсь, что никто изъ «партии» не посмѣетъ вымолвить противъ васъ ни единого слова. Кто заикнется, я выгоню!

— Такъ!— качнулъ уныло головою охотникъ.— А за косою взгляды—выгоните? А за то, что два стануть шептаться промежду себя, а третій на меня поглядывать будетъ въ это время?

«А за то, что, когда я къ костру подходить буду, кто-нибудь встанетъ, отъ

костра въ сторону отойдетъ—будете вы людей выгонять, Осипъ Николаевичъ?

«Нѣтъ, ничего изъ этого не выйдетъ!

«Спасибо вамъ за ласку, а только...

«Только не могу я! Не обижайтесь, что такъ вышло! Не поминайте меня лихомъ!

Онъ поднялся, свистнулъ.

Спавшая у костра «лайка» мигомъ вскочила, словно распрямившаяся пружина, и наострила остроконечныя уши, ожидая приказа хозяина.

— Пойдемъ, Мухтарка!—вымолвилъ ласково Иннокентій.

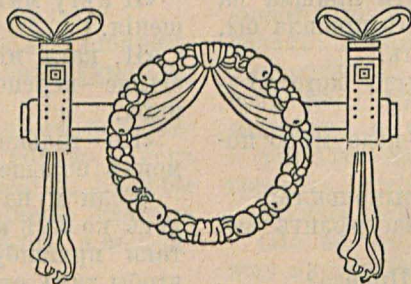
И потомъ, чуть улыбаясь, добавилъ:

— Того пса, который... Ну, который былъ у меня *тогда*, его «Мухтаромъ» звали. Это его дочка. Ну, такъ я ее «Мухтаркою» прозвалъ. Можетъ, и нѣту такого имени, да... Да не все ли равно?

«Такъ прощайте!

И онъ исчезъ среди черныхъ стволовъ деревьевъ тайги.

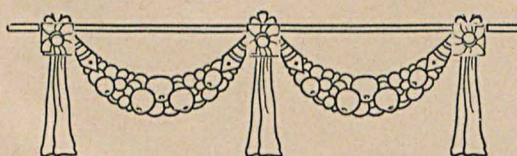
А ночь близилась къ концу. Звѣзды уже тускнѣли, небо блѣднѣло...

	<i>Стр.</i>
Башня молчанія. Историческій разсказъ В. Пэсгудъ.	1
Лоединокъ. Разсказъ М. Волохова.	55
Око за око. Разсказъ Д. Мэкки.	67
Долгъ моряка. Разсказъ Йерлэсаккъ	74
Ужасная ночь. Разсказъ Д. Кеннэди.	83
Тайга. Разсказъ Я. В. Орскаго	92

ПРИКЛЮЧЕНІЯ на СУШѢ и на МОРѢ.

 **ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ СБОРНИКИ
романовъ, повѣстей и рассказовъ
разныхъ авторовъ.**

*****

ТАЙНА. *М. Де-Мара* и другіе рассказы.

КОШМАРЪ. *М. Де-Мара* и другіе рассказы.

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ. *Д. Хаслетъ* и другіе рассказы.

ЧЕРНАЯ ЯМА. *Т. Бриджа* и друг. рассказы.

ПРИЗРАКИ. *Фауста Гаумгартена* и другіе рассказы.

ЗЕЛЕНАЯ СМЕРТЬ. *М. Де-Мара* и другіе рассказы.

КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.
М. Волохова и другіе рассказы.

НАДЪ КРАЕМЪ ЛАЗУРНЫМЪ.
М. Волохова и другіе рассказы.

СТРАХЪ. *М. Киттенберга* и другіе рассказы.

БАШНЯ МОЛЧАНІЯ. *В. Пэсгудъ.* Историческій рассказъ, и другіе рассказы.

СМЕРТЕЛЬНЫЕ ВРАГИ. *Э. Сальгари* и другіе рассказы.

МАЯКЪ. *Э. Сальгари* и другіе рассказы.